ISSN 3034-4646

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1(3) / 2025

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

научный журнал
№ 1 (3) / 2025

Донецк
2025

УДК 34

Главный редактор С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Заместитель главного редактора Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи*)

Ответственный редактор В.П. Горбачёв, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Редакционная коллегия:
В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск*),
Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (*Донецкий государственный университет*),
В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (*Костромской государственный университет*),
И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),
С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (*Курский государственный университет*),
Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина*),
И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*),
А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*),
А.В. Войтов, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (*Донбасский государственный университет юстиции*),
Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (*Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи*),
В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474)

Основатель и издатель Министерство юстиции Российской Федерации;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк.
Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 25.03.2025 г. № 10
Язык публикации: русский, английский.
Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес издателя: 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9

Адрес редакции: 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 1 (3). – Донецк: ДГУЮ, 2025. – 142 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России), 2025

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Federal`noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)

VESTNIK
DONBASSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA YUSTICII

nauchnyi zhurnal
№ 1 (3) / 2025

Donetsk
2025

UDK 34
Editor-in-chief S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*)
Deputy editors-in-chief N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*)
Executive editor V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*)
Editorial board:
V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Yugra State University, Khanty-Mansiysk*),
N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*),
V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University*),
I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),
S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kursk State University*),
T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kutafin Moscow State Law University*),
I.V. Panova, Doctor of of Juridical Sciences, Professor (*Donbass State University of Justice*),
L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*),
A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*),
A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),
G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*),
A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Donbass State University of Justice*),
Y.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (*Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi*),
V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*)
The journal is registered Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474)
Founder and Publisher Ministry of Justice of the Russian Federation;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk
Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 10 dated 25.03.2025.
Language of publication: Russian, English
All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address: 119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office: 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 1(3). – Donetsk: DSUJ, 2025. – 142 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2025

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям……... 7

Университетская хроника…….. 8

Научные материалы…… 26

Арковская А.А.
Изменения в статусе русского языка на Украине: анализ и тенденции социально-правовых аспектов……... 26

Бордюгов Л.Г., Рубцова И.В.
Определение момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия…….. 37

Булавкин А.А., Мироненко С.Ю.
Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений…… 47

Гребеньков Г.В.
Культура как осуществление ценностей и ценностно-смысловая сущность бытия права…….. 58

Дрёмова А.В.
Некоторые аспекты изменения и расторжения гражданско-правового договора по решению суда……. 72

Коваленко Э.Д.
Виды факторов ошибок в квалификации преступлений……... 80

Педерсен И.А.
Проблемы правового регулирования отношений, связанных с оборотом ценных бумаг в Российской Федерации…… 92

Подмаркова И.П.
Развитие правового регулирования социального предпринимательства в Российской Федерации и за рубежом……. 103

Сиренко Б.Н.
Теоретические и нормативные аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий в современных условиях…….. 119

Чамлай В.В.
Использование опыта применения иностранных концессий в период новой экономической политики для привлечения инвестиций в экономику современной России…… 130

История правовой науки……. 141

CONTENTS

Arkovskaya, A.A.
Changes in the use of the Russian language in Ukraine: analysis and trends…….. 26
Bordyugov, L.G., Rubtsova, I.V.
Determining the moment of occurrence of a road hazard during an expert investigation of the circumstances of a traffic accident…….. 37
Bulavkin, A.A., Mironenko, S.Yu.
The effectiveness of criminal law norms in crime prevention…… 47
Grebenkov, G.V.
Culture as the realization of values and the value-semantic essence of the existence of law……. 58
Dremova, A.V.
Some aspects of changing and terminating a civil contract by a court decision…….. 72
Kovalenko, E.D.
Types of error factors in the qualification of crimes……... 80
Pedersen, I.A.
Problems of legal regulation of relations related to the turnover of securities in Russian Federation…… 92
Podmarkova, I.P.
Development of legal regulation of social entrepreneurship in the Russian Federation and abroad……... 103
Sirenko, B.N.
Theoretical and regulatory aspects of conducting operational investigative activities in modern conditions…….. 119
Chamlay, V.V.
Using the experience of applying foreign concessions during the period of the new economic policy to attract investments into the economy of modern Russia……. 130

Слово к читателям

Перед вами очередной выпуск научного журнала «Вестник Донбасского государственного университета юстиции».

Решение о создании журнала было принято Ученым Советом Университета в 2023 году в связи с переименованием Донбасской юридической академии в Донбасский государственный университет юстиции. «Вестник Донбасского государственного университета юстиции» пришёл на смену журнала «Вестник Донбасской юридической академии» и, надеемся, не только сохранит лучшие традиции, но и выйдет на гораздо более высокие горизонты. В частности, «Вестник Донбасского государственного университета юстиции» уже получил международный стандартный номер сериальных изданий ISSN 3034-4646, размещается в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY) и включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). В текущем 2025 году планируется подать документы на включение журнала в перечень рецензируемых изданий ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации).

Журнал как часть российской научно-информационной системы участвует в решении самых важных задач, стоящих перед современной юридической наукой.

Издание является трибуной научно-исследовательской деятельности ведущих ученых, научных, научно-педагогических и практических работников, что определяет важность и актуальность информации о передовом отечественном и зарубежном опыте в сфере юриспруденции, способствует формированию открытой научной полемики, направленной на развитие научно-исследовательской деятельности, подготовку научно-педагогических кадров, повышение качества диссертационных исследований, экспертизу научных работ.

Журнал призван обеспечить научную коммуникацию, площадку для дискуссий, обмена идеями и результатами исследований.

Приглашаем к сотрудничеству, публикации научных материалов всех заинтересованных лиц. Уверены, что актуальность и содержательное наполнение рубрик позволит привлечь широкую аудиторию читателей, рассмотреть значимые вопросы, наметить пути решения имеющихся профессиональных проблем.

С уважением,
Сергей Юрьевич Мироненко,
главный редактор «Вестника Донбасского государственного университета юстиции»,
кандидат юридических наук, доцент

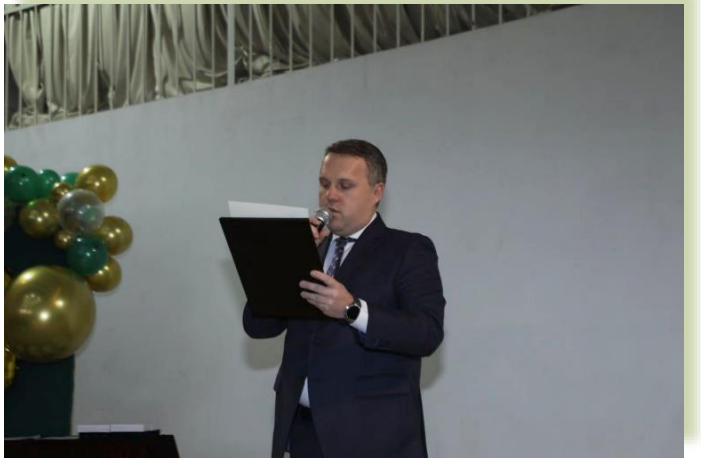
Университетская хроника

Первый квартал нынешнего года оказался насыщенным и плодотворным периодом для нашего университета, ознаменованным целым рядом значимых событий и инициатив. От спортивных соревнований студентов, конференций, запуска новых проектов, до действующих, направленных на поддержку нуждающихся в юридической помощи. Особое внимание было уделено образовательным программам и тренингам, способствующим повышению квалификации специалистов и расширению кругозора широкой аудитории.

Ярким примером стало проведение ряда выступлений в эфире Радио «Республика Донбасса» от ведущих и молодых юристов Ассоциации юристов России в ДНР.

10-летие Донбасского государственного университета юстиции

Переходя к ключевым событиям, стоит отметить оживленную серию мероприятий, направленных на укрепление профессиональных связей и обмен опытом, которые оставили яркий след в жизни студенческого сообщества и преподавателей. Одним из таких событий была годовщина создания университета, ДГУЮ Минюста России исполнилось 10 лет!



В этот день нас поздравили очень значимые гости: директор департамента государственной службы и кадров Министерства юстиции Российской Федерации Вавилов Олег Олегович, начальник управления министерства юстиции России по ДНР Милюков Василий Михайлович, руководитель Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Донецкой Народной Республике Пахомов Дмитрий Сергеевич, заместитель

председателя Арбитражного суда ДНР Назаренко Юлия Александровна, представители Следственного комитета РФ и Окружного военного суда.

Было проведено награждение 84 выпускников, профессоров и преподавателей, сотрудников и студентов, среди которого была в том числе одна из самых значимых наград – высшей ведомственной медалью Анатолия Кони, за большой вклад в реализацию государственной политики в сфере юстиции и законотворческую деятельность были награждены: Киричук А.В., Картамышев А.А., Лобов Д.В., Туйчиева О.Н.

Мероприятие, посвященное **Дню российской науки**, состоялось в стенах нашего Университета.

В рамках этого мероприятия организаторы провели познавательную лекцию для студентов 1-2 курсов об актуальных знаниях, о том, как право формирует нашу жизнь и какие вызовы стоят перед юридической наукой сегодня.

В интеллектуальной игре "Наука. Юридический IQ» студенты проявили невероятную эрудицию и командный дух.

Одними из самых запоминающихся для профессорско-преподавательского состава и структурных подразделений стали соревнования по шахматам, дартсу и настольному теннису, которые явились объединяющей силой в атмосфере дружеского соперничества и взаимного уважения.

Подобные соревнования становятся важной частью университетской культуры, стимулируя здоровый образ жизни и поддерживая высокий уровень профессиональной активности сотрудников.

Также значимым мероприятием февраля, которое надолго останется в нашей памяти, стали соревнования среди студентов, которые посетил великий спортсмен, мастер спорта международного класса – Дмитрий Васильевич Халаджи. Посетил он стены нашего ВУЗа не просто так, а в преддверье величайшего праздника для Российской Федерации, Дня Защитника Отечества!

Студенты весело провели время, продемонстрировали свои навыки, и были почетно награждены грамотами!

Результаты первого квартала не только позволяют оценить достигнутый прогресс, но и служат отправной точкой для планирования будущих проектов и инициатив, направленных на дальнейшее развитие и процветание.

Проведение конкурса эссе «Юрист – моя карьера – мой успех» среди студентов также было приурочено к 10-летию ДГУЮ Минюста России, цель которого − развитие у обучающихся навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей, продвижения в молодёжной среде профессионализма и применения собственного творческого потенциала в будущей профессии юриста.

Организатор конкурса – управление науки и инновационной деятельности. В конкурсе приняли участие 30 обучающихся университета. Эссе каждого отличалось разноплановостью, особым мировоззрением и отношением к заданной теме и к профессии юриста.

Конкурсной комиссией были определены призеры:

1 место: Гнетнев Михаил Владимирович;

3 место: Ковтун Никита Сергеевич.

2 место: Лупандина Иванна Сергеевна;

Работы победителей конкурса представлены на страницах нашего журнала!

Эссе «Юрист – моя карьера – мой успех»

Гнетнев Михаил Владимирович,
студент 2 курса (группа № 232 З-ЮМЧП),
институт нотариата и адвокатуры
Донбасского государственного университета юстиции

«Успех – это когда ты девять раз упал, но десять раз поднялся»
Уинстон Черчилль

Нельзя не согласиться с выражением великого лидера Великобритании и необычайно мудрого человека Уинстона Черчилля, таким девизом жил он сам и добивался под ним самых небывалых высот благодаря своей воле и характеру. Каждый раз, когда я задаю себе вопрос: «Каким человеком я хочу видеть себя в будущем?», ответ нахожу сразу – я хочу быть грамотным и достойным юристом, и именно в этом я вижу свой путь и свой успех.

Недавно я задался вопросом, какую я всё-таки хочу построить карьеру и каким хочу видеть свой жизненный успех. Все мы хотим найти своё ремесло, свое направление и развиваться в нём, быть человеком, знающим своё дело – особое счастье в жизни. Важным фактом является то, что я для себя определил, что конечный успех – это не самое главное, более важное – сам процесс, развитие тебя как человека, как личности, как профессионала, как творца, и наконец, как юриста-профессионала своего дела. Свою карьеру я вижу юристом. Но у правоведов существует много направлений и сфер деятельности. Каким именно? На сегодняшний день реалии таковы, что мы живём в очень непростое время, а как известно, трудные времена создают сильных людей. На нашей территории, на Донбассе проводится Специальная Военная операция, и соответственно я корректирую свою карьеру, учитывая обстановку, и убеждён, что поступаю правильно. Я понимаю, что нужен Родине не только как юрист, но и как военный, почему бы мне не совместить две отрасли? Я бы хотел реализоваться как военный юрист, это очень важная в наше время и на нашей территории профессия.

В свои двадцать два года я знаю всё о войне, что значит война, и как она отражается на судьбах военнослужащих, которые очень часто сталкиваются с юридическими проблемами. Я осознаю всю серьезность выбранной сферы деятельности, и сейчас уже иду в правильном направлении, и готов приложить все усилия, чтобы получить такую профессию и стать человеком, которые несёт добро и свет в этот мир, помогая людям разбираться в житейских трудностях. Мне стало интересно поведать вам, читателям, об этом, и поделиться мыслями со своими единомышленниками.

Такую необычную профессию я выбрал ещё в школьные годы, рос я в семье военнослужащих, и на примере отца всегда разделял интерес к военной сфере, встать на защиту родины, когда это потребуется я был готов с детства. И

когда такой момент настал, родина позвала, я не остался в стороне, но при этом не оставил своих взглядов и любви к юриспруденции, поступив в Донбасский государственный университет. Учась в нём по сегодняшний день, я не на секунду не пожалел о сделанном выборе – учиться на юриста, и становится юристом, с каждым днём интереса развиваться как правоведу становится всё больше и больше.

Но кто бы мог подумать, учась на третьем курсе университета, что родина позовёт меня и мне придётся встать на её защиту, и вот уже второй год я служу своей родине верой и правдой, отговорок может быть множество, но ответ один – кто, если не я? Разве можно было пройти мимо и остаться в стороне? Вполне можно было, многие так и поступили – ребята и парни моего возраста не посчитали нужным отдать долг родине, но я – человек, который встал на защиту своего отечества и своих близких. За два года службы я осознал, что мне пришлось пожертвовать своим здоровьем, свободным временем, личной жизнью, чтобы искать справедливости в этом мире, встать на защиту слабых, мирного населения, которое страдало от постоянных обстрелов, и этим я хочу заниматься, будучи юристом, оказывать помощь гражданам, которые оказались в трудной жизненной ситуации, будучи военным юристом – помогать военным, своим собратьям, накопленными мною знаниями справиться с несправедливостью или сложностью в нашей системе. Ведь люди, отдающие самое дорогое – свою жизнь и здоровье, заслуживают помощи, если на их пути появились проблемы и несправедливость, со стороны командования или в семейной жизни, военный человек должен знать, что ему всегда на помощь приду я – квалифицированный юрист. Вот такая у меня цель, её можно назвать мечтой, ведь это нечто большее.

Я считаю, что настоящий юрист должен знать свои слабые стороны, будь то речь, аналитическое мышление, просчёт ходов или поиск информации. И подтягивать отстающие стороны, восполнять пробелы в недостающих знаниях или опыте. Таким я вижу настоящего юриста, Правоведа с большой буквы. Знать свои недостатки и работать над ними – великое дело для юриста.

Ошибка – это не проблема, важно уметь работать над ошибками, и тогда как юрист вы совершенно точно добьётесь успеха. Юрист-защитник должен мыслить холодной головой и чистым рассудком, не поддаваться своим эмоциям и не быть сентиментальным, когда человек, работающий юристом, знает, что он борется за правое дело и справедливость, он должен быть уверен в каждом своём действии и слове. К примеру, если он прокурор, то должен без слабостей уметь вменять обвинения преступнику и знать, что он на стороне добра и вносит справедливость в этот мир, потому что зло должно быть наказано, и не бояться никаких угроз от обвиняемой стороны. И также, если наш юрист выступает в роли адвоката, он должен быть уверен, что защищает порядочного человека и не бояться точно так же никаких угроз от противоположной стороны.

Важно, чтобы человек понимал, важен ли для него карьерный успех и какую цену он готов заплатить ради этого успеха и на пути его достижения,

важно понимать, что успех неизбежен, зависит лишь от цены, которую ты готов отдать за него. И самое важное на пути к успеху – остаться человеком, и добыв его, не испортиться, сохранить все добро, которое в тебе присутствует. Не важно, какую серьезную должность ты занимаешь, и какую власть при этом имеешь, важно, имея любую должность – оставаться человеком. Если приложить все усилия и направить всю энергию в нужное и необходимое направление – все получится, вы победите, добьётесь своего, достигните цели, и вы исполните свою мечту.

Уже в январе нового года ставший для меня родным Донбасский государственный университет юстиции отпраздновал десятилетие своего создания, за это время у нас внутри университета и в целом в республике происходило очень много перемен. Но я хочу отметить очень важный факт, именно в нашем университете учился герой Донецкой республики, первый глава нашей республики – Александр Владимирович Захарченко. Этот человек лично для меня является очень большим примером, он жил по совести, и трудился по справедливости, когда в трудный момент Донбасс нуждался в сильном, решительном лидере – он нашёлся. С такого человека можно и нужно брать пример.

Сегодня для меня особенно важно стоит вопрос: «Что я делаю, чтобы стать таким как описываю?» Я стараюсь изучать все сферы юриспруденции, потому что мне это действительно очень интересно, я хотел бы расти и развиваться в данном направлении, помогать людям бороться с несправедливостью и подлостью. В настоящее время, в дни проведения Специальной Военной Операции на территории Донбасса, особенно важно знать закон. Для этого нужно быть подкованным специалистом, адвокатом, уметь вести переговоры. И не вестись на соблазны в виде монеты и прочего, не поддаваться искушениям. Не обращать внимания на людей, которые в вас не верят, идти своим путём и верить самому в свои силы. Большинство считает, что успех – это конечный результат вашего дела, когда вы можете выдохнуть и остановиться на достигнутом, осознав, что поставленная цель достигнута, и на этом всё, но это не так. Для меня данное понятие более обширное, но в то же время простое понятие. Успех для меня – найти своё ремесло и двигаться в нём, шаг за шагом, никогда не останавливаться на достигнутом, идти так далеко насколько возможно и невозможно, выходить за рамки. Успех – это бесконечное, мы сможем погрузиться в своё дело и получать радость от самого процесса бесконечного развития, мы можем развиваться столько, сколько живём, как говорится, век живи – век учись. Радость от помощи людям в решении несправедливостей – это самое большое счастье для меня.

Что я могу сделать, чтобы набираться больше знаний? Конечно, изучать больше материалов, курсов, лекций, смотреть и слушать обучающие и развивающие подкасты по данной сфере, наполнять себя знаниями как кувшин водой. А следующий этап – применять знания на практике, начиная с самых низов, не ждать сразу золотых гор и смотреть на чей-то успех, мы не знаем

сложностей их пути; не нужно охотиться за деньгами, а нужно получать радость и удовольствие от занятия любимым делом. Юриспруденция – это моё любимое дело, и я определенно достигну в нём успеха, для меня пути назад нет!

Лупандина Иванна Сергеевна,
студент 2 курса (группа 223, ЮБ ГП),
институт правосудия и правоохранительной деятельности
Донбасского государственного университета юстиции

Юридическая профессия издревле привлекала людей, жаждущих справедливости и стремящихся к защите прав человека. Она предоставляет уникальную возможность влиять на ход истории, формируя правовую среду и гармонизируя отношения между людьми. В современном мире, где правовые отношения становятся все более сложными, роль юриста приобретает особое значение.

Почему же это так? Современные правовые отношения, ввиду стремительного развития технологий, глобализации и трансформации общественных институтов, приобретают высокую степень сложности, что обуславливает возрастающую значимость профессии юриста. Появление новых правовых институтов, таких как регулирование информационных технологий, искусственного интеллекта и кибербезопасности, требует адекватного переосмысления и переформулирования правовых норм. Глобализация, влияя на национальные правовые системы, создаёт новые вызовы в сфере международного права, торговых отношений, иммиграции и защиты прав человека. Трансформация общественных институтов, таких как семья, труд и собственность, требует пересмотра устаревших правовых норм и создания новых, отражающих изменения в общественной жизни. В этом контексте профессия юриста становится ключевой в процессе адаптации правовой системы к современным реалиям, требуя от правоведов глубоких знаний, постоянного обучения и способности анализировать сложные ситуации, разрабатывать эффективные правовые стратегии и представлять интересы клиентов. Выбор юриспруденции как карьерного пути – это не просто выбор профессии, а сознательное стремление к профессиональному росту, самореализации и достижению успеха. В настоящей действительности человеческого существования, где каждый стремится оставить свой след в истории, выбор профессии становится важнейшим гармоническим аккордом. Юриспруденция − это не просто дисциплина, а экосистема мыслей, концепций и этических ориентиров, открывающая двери в мир, где интеллект и справедливость сплетаются в одном поле правового баланса.

Решение стать юристом стало для меня не только процессом профессиональной самореализации, но и глубоко личным путём к пониманию

справедливости и защиты прав человека. Профессия юриста – это вызов нашим принципам и стойкости, постоянная проверка границ наших знаний и нравственной устойчивости. Воплощая в себе архетип защитника прав, юрист выступает посредником между сложной паутиной законов и реальностью повседневной жизни, пытаясь воссоединить то, что называется dejure и defacto. Путь юриста – это путь воздействия, где личный успех измеряется не только карьерным ростом, но и тем вкладом, который я смогу внести в достижении более справедливого общества. Мои профессиональные достижения – это лишь начало пути, на котором я стремлюсь не только к личной реализации, но и к активному участию в созидании правового мира, основанного на принципах гуманности и равенства.

В основе всякого жизненного пути лежит момент прозрения, когда одно событие меняет всю траекторию жизни, освещая новые, ранее неизведанные горизонты. Такой поворотный момент произошел в моей судьбе в день, когда справедливость оказалась не более чем призрачной надеждой, ускользнувшей в момент глубокой личной трагедии. Убийство моего отца стало той точкой невозврата, которая определила мой выбор профессионального пути и направила все мои усилия на изучение права. Это событие пробудило во мне глубокое осознание важности справедливости в жизни каждого из нас и заставило задуматься о хрупкости и уязвимости уверенности в правосудии, на которую мы привыкли полагаться. В тот роковой момент, когда преступник избежал должного наказания, я ощутила острую нехватку справедливой силы, способной защитить невиновных и наказать виновных. Это оставило глубокий след боли и разочарования и стало катализатором моего стремления изменять мир к лучшему через изучение закона. С тех пор я ясно понимала, что выбор карьеры юриста – не просто профессиональный путь, а внутреннее стремление, побуждающее к борьбе за правду и достоинство.

Со временем, погружаясь в изучение правовых норм и юриспруденции, я осознала, что право – это не просто набор законов и правил, а живой организм, который нуждается в постоянной поддержке и защите. Оно не может существовать без усилий тех, кто стремится воплотить в жизнь высокие идеалы справедливости, сделать её доступной каждому человеку, независимо от его статуса и возможностей. Понимание того, как много для общества значит каждый акт правосудия, укрепило меня в стремлении стать тем звеном, что соединяет боль прошлого с надеждой на справедливое будущее. Теперь я вижу своё профессиональное призвание в том, чтобы стать защитником тех, кто не может самостоятельно отстоять свои права и интересы, кто, возможно, так же, как и я когда-то, испытал на себе несправедливость безнаказанности. Моя цель заключается в том, чтобы исключить повторение подобных трагедий для других людей, чтобы каждый имел возможность верить в силу закона и справедливости. И хотя я не смогла защитить отца, теперь моя миссия – защищать остальных, быть голосом тех, кто не был услышан, и камнем в основании более справедливого общества. Это осознание стало не только точкой начала моего

пути в праве, но и постоянным источником внутренней силы и стремления к успеху.

На момент обучения на втором курсе юридического факультета мои старания начали приносить ощутимые результаты, что подтверждается множеством достижений в различных сферах деятельности. Одним из важнейших событий стало моё участие в Петербургском международном юридическом форуме – площадке для обмена идеями и опытом среди представителей юридической профессии со всего мира, это обогатило мой профессиональный и культурный горизонт и послужило отправной точкой для активного вовлечения в научно-исследовательскую деятельность. Помимо этого, я уже активно занимаюсь написанием научных статей по темам, которые вызывают у меня особый интерес. Эти публикации не просто отображают текущие знания и навыки, но и представляют моё видение насущных юридических вопросов, которые, на мой взгляд, заслуживают более глубокого исследования и осмысления. Процесс написания позволяет обсуждать сложные концепции и оттачивать навыки критического мышления и аргументации, столь необходимые в юридической практике. Каждый изучаемый предмет открывает передо мной новые возможности для понимания сложной архитектуры права. Тем не менее, наиболее увлекательными и востребованными в моих исследованиях являются такие предметы как английский язык, конституционное и уголовное право. Английский язык, будучи международным средством коммуникации, открывает доступ к обширным ресурсам мировой юридической литературы и позволяет участвовать в глобальных дискуссиях. Конституционное право завораживает своей фундаментальностью и способностью формировать правовую основу государства, а уголовное право притягивает сложностью морально-этических и правоприменительных задач, востребованных в современности. Все эти достижения и увлечения, взятые вместе, формируют основу для дальнейшего роста и успеха в моей юридической карьере. Являясь неотъемлемой частью моего личного и профессионального развития, они задают вектор для будущих свершений и всё больше укрепляют уверенность в правильности выбранного пути. Такой опыт предоставляет не только знание и навыки, но и питает стремление продолжать двигаться вперёд, с неугасаемой страстью и преданностью делу, которое я решила сделать своим призванием.

В процессе формирования моей юридической карьеры представилась уникальная возможность не просто следовать традиционной образовательной парадигме, но и расширять границы познания, сочетая академическую строгость с междисциплинарными исследованиями. Стремление к более глубокому пониманию права подтолкнуло меня к самостоятельному освоению областей знаний, пик которых обрамляют криминальная психология и криминология. Параллельно с получением фундаментальных юридических знаний в университете я погрузилась в изучение психологических и криминологических аспектов, которые играют ключевую роль в раскрытии и предотвращении преступлений. Углубление в криминальную психологию стало для меня

особенно значимым, поскольку позволило осознать, как тонкие черты человеческого поведения и психики переплетаются с миром права. Исследования психологии серийных убийц предоставили мне редкую возможность проникнуть в глубины мрачной человеческой натуры, раскрывая механизмы, движущие такими индивидами к нарушению законов. Анализируя дела серийных преступников, я научилась систематически разбирать детали, которые на первый взгляд могут показаться незначительными. Этот процесс развивает аналитическое мышление, формируя способность прогнозировать, что необходимо для разработки эффективных превентивных мер в правоприменительной практике. Вдохновлённая этими исследованиями, я всё больше убеждалась в том, что сотрудничество права и психологии представляет собой мощный инструмент развития справедливой и безопасной общественной среды. Изучение криминалистики добавило в мой профессиональный арсенал множество методов и принципов, углубляющих анализ доказательств и судебных материалов, такое обучение научило меня видеть в каждой детали возможный след преступления, который требует внимания и тщательности на всех этапах юридических процедур. Тем самым это междисциплинарное обучение обогатило моё понимание права и стало основным фактором, формирующим моё стремление к профессиональному совершенствованию. Полученные знания и навыки расширили горизонты моей карьеры и стали важной составляющей моего успеха как юриста, ориентированного на комплексный и динамичный подход в совершенствовании закона и защите прав человека.

После окончания вуза я вижу своё будущее в служении государству, стремясь внести свой вклад в обеспечение законности и правопорядка. Я мечтаю работать в государственных структурах, таких как Следственный комитет или органы государственной безопасности. Для меня это не просто выбор профессии, а призвание, основанное на убеждении в важности защиты прав граждан и поддержания общественного порядка. Я считаю, что работа в этих учреждениях позволяет приложить свои знания и навыки на благо общества, обеспечивая справедливость и законность. Государственная служба предоставляет уникальные возможности для развития профессиональных навыков, глубокого погружения в юридическую практику и участия в решении сложных общественных задач. Такая работа требует высокой ответственности, честности и преданности делу, и я готова посвятить себя этому. Моя мотивация кроется в желании действовать на благо общества, укреплять правовые основы государства и защищать права граждан. Чувствую, что именно в государственной службе я смогу наиболее полно реализовать свой потенциал и достигнуть профессионального успеха. В процессе обучения в университете я встречаю огромную поддержку со стороны преподавателей, которые разделяют мои стремления и вдохновляют на дальнейшее развитие. Они помогают мне углублять знания, развивать критическое мышление и аналитические способности, столь необходимые для работы в структурах государственного

правопорядка. Под их руководством я постигаю не только основы юриспруденции, но и принципиальные аспекты работы в правовой системе, что укрепляет моё стремление следовать избранному пути.

В процессе постижения юридических наук мне часто доводилось слышать от преподавателей, что ошибка юриста – это всегда высокая цена, которую оплачивают не только клиент, но и сам общественный порядок. Это утверждение глубоко впечатляет и находит во мне абсолютное согласие. Понимание, что за каждым принятым решением стоят судьбы людей и хрупкий баланс справедливости, делает осознание рисков и ответственности неотъемлемой частью моего профессионального становления. Мои преподаватели – это высококвалифицированные профессионалы, опыт и знания которых вызывают восхищение и доверие, так как они щедро делятся своими компетенциями и практическими навыками, вдохновляя меня своим подходом к преподаванию, обучая нас не только теориям и законам, но и принципам этики и ответственности, которые лежат в основе каждой профессиональной деятельности юриста. Поддержка преподавателей не ограничивается рамками учебной аудитории. Они остаются менторской опорой и за её пределами, помогая определить направление в профессиональной жизни и поддерживая на сложных поворотах карьеры. Их руководством я всегда могу воспользоваться, когда столкнусь с трудным этическим выбором или, когда потребуются глубокие аналитические навыки для решения сложных правовых вопросов на практике. Таким образом, образование, которое я получаю, представляет собой не просто передачу знаний, но настоящую школу жизни, где формируются не только профессиональные компетенции, но и личностные качества. Эти уроки остаются со мной, они ведут к зрелому и ответственному подходу к правовой практике – именно к тому, что позволит мне достичь успеха в моей карьере юриста. Развиваясь в юридической карьере, я стремлюсь стать компетентным и ответственно подходящим к своей работе юристом. Моей целью является не только профессиональное становление, но и личностный рост, который позволит стать настоящим защитником закона и справедливости. Вера в значимость выбранного пути, подкреплённая усилиями и поддержкой наставников, ведёт меня к успеху в служении своему обществу и своей стране.

Завершая размышления о профессии юриста как пути к успеху, стоит подчеркнуть, что этот выбор не лишён трудностей и требует значительных усилий. Путь правозащитника полон испытаний, сложных моральных дилемм и необходимости постоянного самосовершенствования. Однако, несмотря на все преграды, моя мотивация становится только сильнее. Она подпитывается стремлением понимать и улучшать те сложные механизмы, которые поддерживают порядок и закон в обществе. Одним из основных двигателей этого процесса является моё повышенное чувство справедливости, которое, как черта характера, постоянно ищет выхода. В этом заключается как сила, так и потенциальная проблема: иногда это чувство может обострять восприятие и усложнять поиск компромиссов. Юристу следует не только стремиться к

справедливости в её идеальной форме, но также уметь обоснованно оценивать реальность и находить оптимальные решения в сложных правовых ситуациях. Задача состоит в том, чтобы направить это чувство в конструктивное русло, где оно станет инструментом для достижения правовых решений, способствующих общему благу. Развитие этой способности требует разума, зрелости и опыта, которые приобретаются со временем и практикой. Таким образом, юриспруденция как моя карьера и успех в этой области – это не только достижение профессиональных вершин, но и внутреннее удовлетворение от того, что я могу воплощать принципы справедливости в жизнь, находя им адекватное применение. Трудности лишь закаляют характер и подталкивают к более глубокому пониманию своего призвания. В результате, несмотря на множество вызовов, мой выбор юриста остаётся осознанным и вдохновляющим, при этом обладая потенциалом влиять на мир в лучшую сторону.

Ковтун Никита Сергеевич,
студент 2 курса (группа 228-ЮБУП),
институт правосудия и правоохранительной деятельности
Донбасского государственного университета юстиции

Кто пользуется своим правом, тот не нарушает ничьего права
(Принцип Римского права)

Карьера юриста – это не просто профессия, это призвание, требующее от человека глубоких знаний и высокой степени ответственности, этики и преданности своему делу. Поразительный простор для мысли открывает это короткое высказывание «Юрист – моя карьера – мой успех», данная фраза для меня является ключом к пониманию того, что моя будущая работа может помочь улучшить жизнь многих людей и способствовать развитию общества в целом. Я готов учиться и совершенствоваться, чтобы стать настоящим профессионалом в своей сфере и добиться успеха в своей карьере.

В этом эссе я хотел бы рассмотреть различные аспекты профессии юриста, опираясь на собственные взгляды.

История формирования профессии юриста имеет множество этапов становления и закрепления на законодательном уровне. Действительно, принято считать её одной из самых древних и уважаемых профессий. Если обратиться к толкованию данного термина, то юрист (от лат. jus «право») – это специалист по правоведению, юридическим наукам; практический деятель в области права.

На сегодняшний день существует много версий происхождения юриспруденции, как самостоятельной отрасли. Бесспорно, все дороги ведут в Рим, поэтому первые юристы появились еще в Древнем Риме. Их называли важно – понтифики, для них была создана даже коллегия. Именно римляне

впервые на высоком уровне начали изучать право, как науку, и давать толкование его нормам. Публий Муций Сцевола, Гай Атей Капитон, Гай Кассий Лонгин, Марк Туллий Цицерон, Лисий, Сервия Сульпиция Руфа – наиболее известные древние юристы (ораторы) и составители трудов по юриспруденции.

Сегодня на вершине популярности находится профессия юрист. В моем представлении успешный юрист – прежде всего тот, кто имеет хорошее образование. Большинство первых лиц государства имеет юридическое образование. В силу специфики профессии человек, который знает законы, может их и создавать, что служит немалым плюсом в юридической отрасли.

В России эта традиция широко распространена, наш Президент В.В. Путин и многие другие политические деятели – с юридическими дипломами. Бывший лидер отечественной фракции ЛДПР В.В. Жириновский, являясь заслуженным юристом РФ, учредил в 1999 году институт Мировых цивилизаций, одним из направлений которого является подготовка специалистов в области юриспруденции.

Можно назвать многих известных людей в этой профессии: А.Ф. Кони, А.М. Яковлев, Ф.Н. Плевако, Л.С. Мамут, Р.А. Руденко, Н.В. Муравьев, К.К. Арсеньев, О.Я. Пергамент и другие.

Юридическое образование открывает обширные возможности раскрыть себя как личность не только в адвокатской, нотариальной, судебной деятельности, но и в правоохранительных органах, органах прокуратуры, в следственных органах и во многих других. Также оно предполагает занятие преподавательской и научной деятельностью. В итоге – достаточно значительный выбор для восхождения по карьерной лестнице.

В нашем мире существует огромное число профессий, каждая из которых по-своему уникальна, интересна и популярна. Одной из самых востребованных и жизненно необходимых профессий является работа в сфере юриспруденции. Это занятие достойно того, чтобы посвятить ему всю жизнь. Помогать людям в области права – это то, к чему должен стремиться каждый уважающий себя юрист, ведь только так можно получить достаточно мощное и правовое государство, в котором жители чувствовали бы себя не только комфортно в условиях нового времени, но и защищёнными от разных антиобщественных направленностей. Необязательно стремиться к тому, чтобы достичь звездного успеха, но быть честным перед самим собой в выбранной профессии – обязательно.

Я считаю, если выбираешь профессию на всю жизнь, то должен гореть ею, получать от нее истинное удовольствие!

Мой путь в юридическую сферу начался с осознания важности правовых норм в обществе. Со школьной скамьи я понимал, что юрист – это не просто защитник интересов клиентов, но и человек, который способствует соблюдению закона и справедливости. В процессе обучения в университете я погрузился в изучение различных областей права: уголовного, гражданского,

административного. Каждый из этих аспектов открыл мне новые горизонты и углубил понимание важности правовой системы.

Никогда не следует думать, что усилия напрасны, я считаю, что , потраченные на учебу дни и ночи обязательно вернутся удовольствием от результата, признанием, успехом. И, безусловно, говоря о профессии юриста, нельзя не упомянуть этические нормы, поскольку эта профессия требует всю жизнь подчинить лозунгу: «Знай закон, служи закону, защищай закон». Только человек, который строит свою профессиональную деятельность на моральных стандартах, основанных на принципах добра, чести, правды и справедливости, может помочь другому человеку решить его судьбу.

Отмечая личностные качества и характер, которыми должны обладать специалисты в области права, необходимо в первую очередь выделить умение внимательно слушать других людей, при этом не терять самообладание, быть терпеливым и целеустремлённым в любой непростой ситуации, быть гибким в общении, но не мягким!

Юристу не должно быть присуще чувство самоуверенности, рано или поздно оно губительным образом скажется на его карьере. Обладание ораторским мастерством является наиболее значимым критерием в работе юриста, так как в процессе труда он должен уметь правильно общаться и договариваться, выступать на публике перед людьми, быть хорошим переговорщиком, а поэтому очень важно также быть и хорошим психологом.

Не менее важно такое качество в профессии юриста как справедливость, так как это нераздельный нравственный и служебный долг.

Юрист должен быть беспристрастен, точно взвешивать все «за» и «против» перед принятием решения, а затем непреклонно проводить справедливое решение в жизнь.

Принцип справедливости для юриста означает, что каждый совершивший преступление должен быть подвергнут справедливому наказанию, а ни один невинный не должен быть осуждён.

При этом юрист опирается на закон: всякое решение, принимаемое органами государства, должно быть законно и справедливо. Более того, законным может быть только справедливое решение, несправедливость не может быть законной.

Как гласит цитата из книги «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: «Лучше отпустить десять виновных, чем осудить одного невиновного». В таких сложных ситуациях юрист и должен проявлять весь свой ум и знания. Трудно не согласиться с автором данного высказывания. Но и подтвердить полностью его слова я не могу. Да, осудить невиновного – значит загубить чью-то жизнь. Это неприемлемо и не должно практиковаться, но и оправдывать виновных тоже неверно. Потому что человек, совершивший преступление, также покалечил или сгубил чью-то жизнь. Оправдать виновного будет означать безнаказанность, что повлечет за собой прирост количества жертв среди неповинных людей.

Я считаю, что в этом вопросе не должен работать принцип, сформулированный Аристотелем: «из двух зол всегда выбирают меньшее» (лат. De duobus malis minus est semper eligendum). Такие вещи не должны ставиться в сравнение: виновные должны быть наказаны, невиновные – оправданы, третьего не дано. Автор рассуждал, очевидно, с благими намерениями, но я всё же с ним не соглашусь. Бывают случаи, когда расследование заходит в тупик и доказательств виновности или невиновности недостаточно, в этих случаях часто осуждаются невиновные люди.

В истории известны случаи, служащие доказательством того, что обе стороны этой медали трагичны. Почти полвека назад был без вины осужден американец Рики Джексон. Вся жизнь была впереди, на момент заключения парню было всего восемнадцать лет. Его признали виновным в убийстве бизнесмена в 1975 году, и Рики Джексона тогда приговорили к смертной казни. Но спустя два года изменили наказание на пожизненное заключение.

На самом деле Рики осудили из-за показаний двенадцатилетнего парня, заявившего, что видел, как происходило убийство. Как выяснилось спустя многие годы, показания были ложными – на мальчика надавила полиция. Свидетель, уже будучи взрослым, признался, что сказал неправду. Так Рики Джексон провел в тюрьме тридцать девять долгих лет, выйдя на свободу уже престарелым мужчиной. Джексон установил рекорд своей страны, отбыв самое долгое заключение по ложному обвинению за всю историю. Его могли лишить жизни, если бы не сменили наказание. Хотя, если посудить, его и так ее лишили.

Не меньшее количество случаев свидетельствуют об обратном – когда виновных оправдывают или же применяют к ним смягчающую, минимальную меру наказания. Например, в Италии, прогремело дело бывшего премьер-министра Сильвио Берлускони в 2012 году. Среди обвинений, которые ему выдвигались, было уклонение от уплаты налогов, но следствие доказало подделку финансовых документов и использование в сделках подставных фирм. Мерой наказания были четыре года лишения свободы, но по закону об амнистии Берлускони отбыл всего один год. Этот человек обворовывал свой народ, и я считаю, что его история также иллюстрирует трагичность ситуаций, когда виновные оправданы.

Исходя из этих примеров, я не соглашаюсь с автором высказывания только потому, что считаю его сравнение нецелесообразным. Ни наказание без вины, ни оправдание виноватого не должны практиковаться, а тем более заменять друг друга. Каждый должен быть наказан в меру своей вины, и оправдан в меру своей невиновности. Для этого в любом государстве должна существовать полноценная система правосудия, а законы должны соблюдаться неукоснительно. Тогда во всем будет правопорядок, не придется оправдывать виновных и сажать в тюрьмы невинных.

Право делает всех людей равными, а общество справедливым. Не важно, какое место занимает человек в социуме, какими дружескими связями он

обладает, сколькими людьми он поддерживается, если он нарушил правовые нормы – он должен быть наказан.

Виктор Гюго утверждал: «Для меня не важно, на чьей стороне сила; важно то, на чьей стороне право». Автор поднимает проблему права как регулятора общественной жизни. Данное высказывание можно понимать следующим образом: физическая сила или многочисленная поддержка не так важны, как закон.

На мой взгляд, автор совершенно четко отразил в своём высказывании мысль, и с ней нельзя не согласиться, если человек или группа лиц обладает большой физической силой, это не означает, что они правы в определенной ситуации. Для того, чтобы принимать чью-либо сторону, необходимо обращать внимание только на то, противоречат или не противоречат действия закону. Регулирует взаимоотношения между людьми только право, под которым понимается система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность, а также обеспеченность возможностью государственного принуждения.

Объединяя данное понятие и цитату В. Гюго, можно раскрыть, что намеревался донести до нас французский писатель, и привести этому пример. Исходя из личного опыта, я могу сказать, что многие пытаются достичь желаемого с помощью силы, и, чувствуют себя при этом победителем, хотя таковыми не являются. Дело в том, что на любую силу рано или поздно найдётся управа, и победителем однозначно выйдет тот, кто был на стороне закона.

Я соглашусь с мнением Гюго, потому что считаю его точку зрения правильной. Тот, кто прав, всегда сильнее своего противника, так как на его стороне – закон и справедливость.

Проходя учебу в университете, я уже понимаю, что образование, которое получаю, не только очень интересно и познавательно, но и полезно в современном мире. За этот небольшой период я многое узнал о юристах и об их деятельности, и, по моему мнению, они как врачи, но только исцеляют страну, а не организмы людей, поэтому мне очень хочется работать в сфере юриспруденции. На мой взгляд, эта занятие достойно того, чтобы посвятить ему всю свою жизнь. Помогать людям – это то, к чему должен стремиться каждый, ведь только так можно получить мощное государство с рациональным, грамотным и справедливым правом, которое служило бы его жителям. Это тот жизненный путь, который я искал всю свою жизнь.

В заключении хотелось бы сказать, что жизнь дана человеку один раз, и он должен приложить максимум усилий для других. Нельзя быть эгоистом. Мы не просто так пришли в этот мир, у каждого есть своя миссия, я стремлюсь выполнить свою. Мне бы хотелось, чтобы многие разделяли идеи, о которых было написано выше, может быть цель слишком сложна, но если стремиться к ней, то всё получится, поэтому я учусь с особым рвением. У меня почти отсутствует свободное время, но надеюсь, это окупится в будущем, лично для

меня успех заключается в том, чтобы быть востребованным специалистом, который поможет людям решать их проблемы и добиваться справедливости.

Таким образом, карьера юриста – это путь, полный трудностей и достижений. Это возможность влиять на жизнь людей и общество в целом. Успех для меня – это не только профессиональные достижения, но и возможность делать мир лучше через свою деятельность. Я горжусь тем, что выбрал этот путь в профессию и буду стремиться к постоянному развитию в ней.

Научные материалы

УДК 342.725

ИЗМЕНЕНИЯ В СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УКРАИНЕ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ

Арковская А.А., преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: a.a.arkovskaya@mail.ru)

В настоящей статье проводится исследование законодательной практики, ограничивающей использование русского языка русскоязычным населением на территории Украины. Анализируется динамика развития нормативно-правовой базы, инициированной органами власти Украины, направленной на укрепление внутриполитической ситуации и формирование политики, имеющей признаки дискриминации по языковому признаку. В основу исследования положены фактические данные, свидетельствующие о возможном несоответствии действующей политики органов власти Украины международным стандартам в области защиты прав человека и основных свобод, в частности, прав лиц, использующих русский язык. Рассматривается вопрос о возможном нарушении законных прав и свобод указанной категории населения посредством принятия законодательных и иных нормативных актов.

***Ключевые слова**: правовые аспекты, русский язык, нормативно-правовая база, денацификация языка, родной язык.*

CHANGES IN THE STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN UKRAINE: ANANLYSIS AND TRENDS OF SOCIO-LEGAL ASPECTS

Arkovskaya, A.A.

This article examines the legislative practice that restricts the use of the Russian language by the Russian-speaking population in Ukraine. The dynamics of the development of the regulatory framework initiated by the authorities of Ukraine, aimed at strengthening the domestic political situation and shaping policies that show signs of discrimination based on language, is analyzed. The study is based on factual data indicating a possible discrepancy between the current policy of the Ukrainian authorities and international standards for the protection of human rights and fundamental freedoms, in particular, the rights of persons using the Russian language. The issue of possible violation of the legal rights and freedoms of this category of the population through the adoption of legislative and other regulatory acts is being considered.

***Keywords**: legal aspects, Russian language, regulatory framework, denazification of the language, native language.*

На сегодняшний день тема денацификации языка является исключительно **актуальной** и социально значимой по ряду причин. Во-первых, вооруженный конфликт между Россией и Украиной оказал колоссальное влияние на общественное мнение и отношение к русскому языку, который исторически был широко распространен на территории страны. Во-вторых, украинское государство проводит политику, направленную на укрепление позиций украинского языка во всех сферах жизни, что неизбежно влияет на использование русского языка. Также следует отметить, что вопрос языка является одним из факторов, способствующих социальной и политической поляризации в украинском обществе. Защита прав национальных меньшинств, включая право на использование родного языка, является важным аспектом демократического общества. Русский язык является частью культурного наследия Украины, и изменения в его использовании имеют последствия для сохранения и развития этого наследия.

Основной **целью статьи** является всесторонний анализ изменений в использовании русского языка на Украине в последние годы и выявление основных тенденций. Для достижения этой цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Оценка масштаба использования русского языка, то есть, определение текущего масштаба использования русского языка в различных сферах жизни (образование, СМИ, культура, бытовое общение) с использованием статистических данных и социологических исследований.
2. Выявление и анализ факторов, определяющих изменения в языковых практиках (государственная политика, общественное мнение, демографические изменения, экономические факторы, влияние СМИ и интернета).
3. Исследование отношения к русскому языку в различных группах населения (возрастные, региональные, этнические, социальные).
4. Определение основных тенденций изменения в использовании русского языка (сокращение, расширение, изменение функциональной нагрузки).
5. Прогнозирование дальнейшего развития ситуации с использованием русского языка на Украине на основе анализа выявленных тенденций и факторов.
6. Оценка социальных, культурных и политических последствий изменений в использовании русского языка на Украине.

Анализ научных исследований статьи заключается в том, чтобы выявить ключевые факторы, влияющие на динамику языковой ситуации. Это предполагает изучение демографических изменений, миграционных потоков, образовательной политики и роли СМИ. Важно установить, как эти факторы взаимодействуют между собой, формируя общую картину.

Необходимо критически оценить методологию исследований, рассматривая репрезентативность выборки, инструменты сбора данных (опросы, интервью, анализ медиатекстов) и адекватность используемых статистических методов. Особое внимание следует уделить интерпретации результатов и выявлению возможных предвзятостей, обусловленных политическим или идеологическим контекстом.

Тенденции использования русского языка на Украине могут проявляться в различных сферах: в бытовом общении, в образовании, в культурной и деловой среде. Анализ должен учитывать региональные различия и социальные группы, демонстрирующие различные модели языкового поведения. Важно оценить, как меняется отношение к русскому языку среди разных поколений украинцев.

Начатая в феврале 2022 года Российской Федерацией специальная военная операция по защите жителей Донбасса от геноцида русскоязычного населения реакционным киевским режимом преследует цели демилитаризации и денацификации украинского государства, где одной из причин стал запрет русского языка. В данной статье рассмотрим, как изменилось его употребление за 30 лет существования данного государства.

Украина − страна, где действует одно из самых строгих языковых законодательств в мире. Русский язык, на котором общается подавляющее большинство населения страны, практически формально запрещен. Саркастическое заявление украинских националистов «Кто говорил, что нельзя говорить по-русски?» стало истинной провокацией. До принятия закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» в 2019 году, этот сарказм был частично оправдан. Официально украинцам требовалось говорить на украинском языке, но на практике они выражали свои мысли так, как им было удобно. Примечательно, что на это долгое время никто не обращал особого внимания, по крайней мере, в течение первых десятилетий независимости.

В 1991 году первый президент Украины Леонид Кравчук обратился к своим соотечественникам − этническим русским, с целью получить поддержку в стремлении к независимости. В своем обращении он заверил их, что он будет делать все возможное, чтобы правительство защищало законные политические, экономические, социальные и духовные интересы российского населения. Кравчук подчеркнул, что насильственная украинизация русскоговорящего населения никогда не будет допущена, а любые проявления дискриминации на национальной почве будут решительно пресекаться [8].

На тот момент и вплоть до 2012 года в Украине действовал закон «О языках Украинской ССР» [4], который признавал русский язык имеющим законодательный статус наравне с украинским. Благодаря этому закону, жители страны имели гарантированное право свободного использования русского языка во всех сферах жизни, а Киев обеспечивал его свободное использование.

Несмотря на это, сразу после провозглашения независимости страны, в законодательство были внесены дискриминационные нормы. Несмотря на закон

о языках, украинское государство с самого начала своего независимого существования принимало меры по ограничению использования русского языка на законодательном уровне, путем принятия различных подзаконных актов и распоряжений.

Важно отметить, что народный депутат Украины Вадим Колесниченко в своем «втором периодическом публичном отчете о выполнении положений европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в Украине» указал, что статус региональных языков и языков меньшинств в Украине не полностью определен как в Конституции Украины, так и в более чем 80 процессуальных кодексах и законах, а также тысячах подзаконных актов (указов, постановлений, распоряжений и т.д.), вытекающих из них [9].

Оценка правового статуса русского языка и его носителей имеет большое значение. Русский язык, как правило, не был свободно использован в Украине после ее обретения независимости и принятия отраслевых законов. Даже несмотря на требования закона Украинской ССР «О языках» [3], которые должны были соблюдаться, ограничения в использовании русского языка начались задолго до принятия Конституции Украины в 1996 году. Дискриминация в отношении русского языка была закреплена на самом высоком юридическом уровне в этой Конституции.

Примером такой дискриминации может служить Закон Украины «О национальных меньшинствах в Украине» 1992 года, согласно которому возможность национальных меньшинств осуществлять большинство языковых прав ограничена территориями, где конкретное национальное меньшинство составляет большинство населения. Еще одним примером является Закон Украины «О телевидении и радиовещании» от 1993 года [7], который запрещает использование русского и других «региональных языков» в национальном вещании.

Конституция Украины 1996 года [4] только закрепила существующую практику дискриминации по отношению к носителям русского языка: в Статье 10 признается украинский язык единственным официальным государственным языком в стране, в то время как вторая часть статьи гарантирует «свободное развитие, использование и защиту русского языка и других языков народов Российской Федерации». Гарантии национальным меньшинствам в Украине были лишь формальными [4].

Несмотря на то, что общепринято считать, что на русский язык начали оказывать давление при бывшем президенте Викторе Ющенко после Оранжевой революции, на самом деле это не так. Примером тому может служить бывший президент Леонид Кучма, который также пытался ввести «карательную филологию». Так, 1 июля 1997 года его правительство представило законопроект «О развитии и использовании языков в Украине» в Верховную Раду. Данный законопроект предусматривал штрафы и лишение лицензий для средств массовой информации, не вещавших на государственном языке. Были даже

попытки взимать штрафы с граждан и чиновников за не пользование государственным языком.

Окончательной крах правового статуса русского языка на Украине вбил Конституционный суд в 1999 году. Он признал украинский язык «обязательным средством общения на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами местного самоуправления, а также в других сферах общественной жизни». Таким образом, почти все дискриминационные законодательные акты, ущемляющие права русскоязычных, были в силе задолго до событий Майдана в 2014 году. Людям, не владеющим украинским языком, запрещалось заниматься юридической практикой, быть членами избирательных комиссий и помощниками народных депутатов. Единственным отличием заключалось в отсутствии языковых патрулей, которые тогда еще не требовали официантам и продавцам общаться с клиентами на украинском языке, хотя они уже были обязаны это делать с точки зрения закона [1].

В сфере образования были предприняты значительные усилия в целях угнетения русского языка. В 1992 году, бывший первый заместитель министра образования Украины Анатолий Погребной выдал письмо, которое разрешало школам преподавать иностранные языки, исключая русский. Это привело к демонстрации статуса русского языка как иностранного несмотря на то, что многие являлись носителями данного языка.

В результате количество русских школ продолжало уменьшаться. В 1990 году, в Украине было 4633 школы, где русский язык являлся основным языком обучения. К началу 2010/11 учебного года оставалось всего 1149 таких школ. Если в 1990 году около 3,5 миллионов учащихся получали образование на региональных языках или языках меньшинств, то к началу 2011 года их число сократилось до 703,609. Из них 685,806 человек использовали русский язык. Это означает, что количество русских школ уменьшилось на 62%, а количество учащихся − в семь раз [10]. Подавляющее большинство закрытых школ, а именно 57%, были именно русскоязычными, и их закрывали в восемь раз чаще, чем украиноязычные школы. На данный момент, в Украине не осталось ни одной русскоязычной школы, но об этом будет сказано позже.

Такая ситуация с языковыми предпочтениями в Украине совершенно не соответствует официальной статистике. Согласно последней переписи населения, которая состоялась удивительным образом лишь в 2001 году, многие граждане Украины не имели возможности учиться на своем родном языке. Доля русскоязычных школ была ниже, чем доля русскоязычного населения. В различных областях такая тенденция была особенно выражена. Например, в Донецкой области насчитывалось 518 русскоязычных школ, что составляло 41,6% от общего числа. В Запорожской области было 180 школ (26,9%), в Луганской – 451 школа (55,1%), в Одесской – 184 школы (19,7%), а в Харьковской – 157 школ (16,1%). Однако, уже в 1998 году в Одессе всего 32% школ проводили обучение на русском языке несмотря на то, что русскоязычные жители составляли 73% населения города. В 2006 году в городе Горловка,

Донецкой области, 82% респондентов назвали русский язык своим родным. Даже в «украинских» регионах ситуация не была однозначной. Например, в Ровно, где только 3% населения говорило на языках национальных меньшинств, в 1996 году были закрыты все русскоязычные школы. В Киеве, столице Украины, к 2011 году осталось всего семь русскоязычных школ (2,04%), хотя даже официальная статистика указывает на то, что 27,9% жителей города используют языки меньшинств, фактически русский язык. В целом, около 30% населения Украины использует языки меньшинств, но к 2011 году среднее образование на языках, отличных от украинского, было доступно только в 7,57% школ страны. Ответы на опросы исследовательскими институтами указывают на то, что официальная статистика не отражает действительность языковых предпочтений людей [10].

Так, согласно опросу Гэллапа, 83% украинцев предпочли заполнять анкеты на русском языке, что свидетельствует о том, что русский язык является их родным языком. Исследование, проведенное в 2015 году, показало, что 59,6% украинских сайтов находятся на русском языке. Более того, статистика использования языков в интернете говорит о том, что только правительственные сайты читаются на украинском языке, в то время как люди предпочитают получать информацию о повседневных вещах на русском языке, будь то путешествия, услуги, СМИ или погода. В течение многих лет эта ситуация практически не изменилась.

Итальянский исследователь Никола Порро привлек внимание к фальсификациям в официальных данных о языковой ситуации в Украине. По данным «Euromaidan Press», в 2012 году украинский язык был родным для 57% населения страны, а русский − для 42%. Однако, по их утверждениям, к 2021 году эти показатели составят 77% и 21% соответственно. Автор высказал сомнения: «Возможно ли, чтобы за какие-то 10 лет 20 процентов населения внезапно сменили свой родной язык?». Euromaidan Press гордо заявляет: «В период с 2012 по 2016 год произошли значительные изменения в языковой самоидентификации» [9]. Интересно, какими «методами убеждения» это было достигнуто? Родной язык мы получаем еще в самом раннем детстве, слушая голос матери. Мать говорит со своими детьми на языке своего сердца. Невозможно изменить свой родной язык.

В 2012 году представители Партии регионов, возглавляемой тогдашним президентом Виктором Януковичем, пытались повысить статус русского языка. Был принят закон «Об основах государственной языковой политики», который предусматривал возможность использования региональных языков в качестве официальных государственных, если число носителей языка в регионе составляло 10% населения [6]. Несмотря на то, что некоторые русскоязычные регионы Украины воспользовались этим преимуществом, многим русскоязычным жителям страны это не помогло. Например, мэр столицы Александр Попов заявил, что «В Киеве не может быть никаких дискуссий о признании русского языка региональным». Кроме того, этот закон снизил статус

русского языка, используемого в межэтническом общении, до обычного языка меньшинств в соответствии с Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств.

История европейской хартии в отношении России является заметной. Принятие этого документа, одного из условий членства Украины в Совете Европы, столкнулось с жестким противодействием неонацистских сил. Верховная Рада впервые ратифицировала хартию в 1999 году, однако тогдашний президент Кучма отказался подписать закон о ратификации, и в итоге Конституционный суд признал его недействительным. Хартия была повторно ратифицирована 15 мая 2003 года, но ее положения обладали декларативным характером. К тому же, Министерство иностранных дел Украины отказывалось выдавать ратификационные грамоты в течение двух лет. Таким образом, она вступила в силу только 1 января 2006 года. Согласно тексту ратифицированного документа, русский язык получил такой же статус, как и языки, которыми говорят всего несколько тысяч человек. Однако ультраправые украинцы постоянно пытались искажать смысл этой хартии, настаивая на том, что она должна защищать только языки, которые находятся под угрозой исчезновения.

Однако и этот смягченный закон не смог устоять в первое время. В 2018 году Конституционный суд Украины признал его несоответствующим положениям конституции страны [9].

Все это было всего лишь предисловием к систематическому запрету использования русского языка во всех сферах жизни, а иностранным гражданам − общаться исключительно на официальном государственном языке. Действующий в Украине закон официального статуса украинского языка был принят в 2019 году при правлении тогдашнего президента Петра Порошенко. Этот закон регулирует использование государственного языка в Украине и включает ряд мер карательного характера.

Прежде всего, закон обязывает всех граждан использовать украинский язык. Нарушение этого требования может привести к гражданской и уголовной ответственности, особенно если умышленно искажается украинский язык в официальных документах и текстах. Кроме того, создание препятствий и ограничений в использовании украинского языка также влечет за собой ответственность.

Закон устанавливает штрафы для государственных органов, средств массовой информации, политических партий и общественных организаций, а также частного бизнеса за орфографические ошибки и использование других языков. В итоге, закон обеспечивает функционирование украинского языка как официального государственного и защищает его от возможных искажений и использования других языков.

Кроме того, были учреждены специальные государственные органы для разработки стандартов национального языка и контроля за их соблюдением. Любой гражданин Украины, обращение к которому произведено не на украинском языке, имеет право подать жалобу на языкового омбудсмена,

которого украинцы прозвали «языковым патрулем». Этот омбудсмен имеет право воспользоваться услугами полиции, агентства по защите прав потребителей, судов, прокуратуры и других правоохранительных органов для обеспечения общения исключительно на украинском языке.

Более того, намерение дискриминировать русскоязычных явно выражено в тексте закона, на что также обратила внимание Венецианская комиссия. В своих заключениях относительно законов Украины, касающихся образования и языка, Комиссия по вопросам демократии через право Европейского совета выделила четыре «категории» языков: языки коренных народов, английский, официальные языки национальных меньшинств в ЕС и языки национальных меньшинств, которые не являются официальными в ЕС.

Согласно отчету комиссии, уже на уровне образования возникает неравенство, где коренные народы относятся более благосклонно, а к национальным меньшинствам, говорящим на официальном языке ЕС, отношение менее благосклонно, чем к национальным меньшинствам, говорящим на языке ЕС. Особое внимание заслуживает русский язык. Руководствуясь мнением Венецианской комиссии, статья 10 Конституции Украины является ключевым положением для защиты языковых прав и свобод, где особое внимание уделяется русскому языку. Как страна, подписавшая Европейскую хартию о региональных языках или языках меньшинств, Киев обязан защищать русский язык, учитывая преимущественную силу этого международного документа по отношению к Конституции Украины [8].

Кроме того, другие жесткие меры по украинизации, такие как квоты на телевидение и радио, требующие, чтобы не менее 75% передач и все культурно-массовые мероприятия проводились только на украинском языке, вызывают критику. С 16 января 2022 года также вступило в силу требование по изданию и продаже не менее 50% книг и печатных изданий на государственном языке, что создает угрозу для издательского бизнеса и печатных СМИ.

Уполномоченный по защите государственного языка тщательно следит за соблюдением языкового закона всеми гражданами, включая продавцов и официантов. В апреле 2021 года его ведомство представило отчет, в котором ясно подтверждается наличие давления на обычных граждан. В документе отмечается, что даже в дошкольных учреждениях, ориентированных на украинский язык, время от времени обращение к детям происходит на русском или других языках. Проблема становится еще более остро заметной в школах. На юго-востоке страны преподавание часто проводится фактически на русском языке, в то время как учащиеся и учителя отказываются говорить по-украински вне уроков. В Киеве 55% учителей время от времени переходят на русский язык, а 4% постоянно используют его на уроках [10].

11 мая 2020 года радиостанция «Столица» была оштрафована на 54 000 гривен (примерно 1800 долларов) за то, что только 32% песен, транслируемых на ней, были на украинском языке. Радиостанция «Радио Шансон» также была дважды оштрафована по 86 000 гривен (примерно 2900 долларов) за каждый

случай. Были оштрафованы также некоторые региональные радиостанции. Например, радиостанция «Маяк» в городе Александрии получила штраф в размере 2865 гривен (примерно 95 долларов), а в Черновцах – 6242 гривны (примерно 210 долларов).

Отчет свидетельствует о темпах и строгости внедрения украинского языка. По информации языкового омбудсмена, 98% детей дошкольного возраста, 99,8% учащихся профессионально-технических училищ и колледжей младшего звена, а также 98,5% студентов университетов, академий и институтов обучаются на украинском языке. В 2020 году количество украинских школ выросло на 272, и число детей, изучающих украинский язык, увеличилось на 200 000. Однако из этой цифры 150 000 учеников изучают русский язык. В Киеве только 94 класса перевели на украинский язык, в то время как количество русскоязычных классов во всей стране сократилось с 11 563 до 5 421. Примерно 78% театральных постановок проводится на украинском языке [8]. Тем не менее, Одесский областной академический театр, Харьковский драматический театр имени Пушкина, Одесский театр музыкальной комедии, академический театр «Академия движения» в Кривом Роге и Закарпатский областной венгерский драматический театр столкнулись с нарушениями.

Выступление главы Совета национальной безопасности и обороны Украины, Алексея Данилова [3], пропитано яркими антироссийскими настроениями. Целью его выступления в сентябре 2021 года было окончательное прекращение связей с Россией путем перехода Украины на использование латинского алфавита вместо кириллицы. В октябре 2022 года руководитель СНБО Украины пошел еще дальше, заявив, что русский язык является «элементом враждебной пропаганды» и должен полностью исчезнуть с территории страны. Он также признал, что на украинской территории обязательными будут только родной украинский и английский языки.

Украинские власти предпринимают меры по ограничению использования русского языка в стране. Несмотря на длительное действие запрета на российские телеканалы, радиостанции, средства массовой информации и социальные сети, а также на ввоз книг из России, кампания теперь затрагивает и русскую литературу, доступную в библиотеках. Александра Коваль, директор Украинского института книги, заявляет о необходимости изъять из публичных библиотек более 100 миллионов книг, которые она определяет, как содержащие «антиукраинский контент с имперскими нарративами; литературу, пропагандирующую насилие; книги, содержащие пророссийскую и шовинистическую политику». Кроме того, на втором этапе планируется уничтожить книги на русском языке, изданные в России после 1991 года. Коваль отмечает, что это необходимо включить в список книг на русском языке различных жанров, включая детские книги, любовные романы и детективы, хотя понимает, что они пользуются спросом, однако это является следствием изменяющихся временных требований.

Очевидно, что итогом этого тихого противостояния между большинством населения Украины, говорящим на русском языке, и фанатичными приверженцами украинизации является вопрос, который заслуживает ответа. Несмотря на 30-летнее интенсивное давление на использование украинского языка, украинцы не перестали говорить на русском. Единственное, что остается неясным, – это какую связь имеет языковая политика Украины с правами человека, демократией и европейскими ценностями.

Сегодня нельзя не признать, что западные союзники Украины тщательно готовились к ослаблению экономической и военной мощи России. Они использовали все доступные инструменты: санкции, спецслужбы, манипуляции с населением. Их действия достигли своей цели – прямого военного конфликта. Результатом стало усиление геополитической напряженности и привлечение иностранных наемников и боевиков. Они были вооружены до такой степени, что стали угрозой для безопасности Российской Федерации.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать **вывод**, что лишение русского языка статуса государственного путем принятия ряда законодательных актов было осуществлено органами государственной власти Украины с применением принципа государственного принуждения. Их стремление к насильственной украинизации на практике нарушило конституционные права и свободы русскоязычного населения, игнорируя при этом и международное право, и духовно-нравственные принципы существования человечества. Это в конечном итоге привело к физическому уничтожению русского народа, проживающего на территории украинского государства.

Список литературы

1. Абашева, Е.А. Динамика реализации антироссийской политики западноевропейскими государствами на территории украинского государства (на материалах российских информационных агентств и СМИ) / Е.А. Абашева, Э.Н. Лыков // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 11 (112).
2. Бабенко, В.Н. Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия / В.Н. Бабенко // Россия и современный мир. 2014. – № 2 (83).
3. Глава СНБО заявил, что русский язык с Украины должен «исчезнуть вообще» // РБК от 21 октября 2022 года. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/10/2022/6352a7b49a7947f3b9632b73 – (дата обращения 28.03.2024).
4. Конституция Украины от 28 июня 1996 года № 254к/96-ВР (принята на 5 сессии Верховной Рады Украины (с изм. и доп. от 01.09.2019 г.) // Онлайн Закон. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155&pos=7;-116#pos=7;-116 – (дата обращения 24.03.2024).
5. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ – (дата обращения 24.03.2024).

6. О принципах государственной языковой политики: Закон Украины от 3 июля 2012 г. № 5029-VI (с изм. и доп. от 16.01.2020 г.) // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=53865 – (дата обращения 24.03.2024).
7. О телевидении и радиовещании: Закон Украины от 21 дек. 1993 г. № 3759-XII (с изм. от 01.01.2017 г.) // ОнлайнЗакон. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30453166 – (дата обращения 25.03.2024).
8. Чурилина, Л.Н. Глобальный мир, глобальный язык и «новая» фразеология как феномен // Проблемы русско-болгарской неографии: колл. монография / ред. колл.: С.Г. Шулежкова (гл. ред.), Н.В. Позднякова, О.Е. Чернова. Магнитогорск : гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова; Пловдив : Пловдивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021.
9. Шагов, А.Е. К вопросу о феномене гибридных войн: взгляд историка / А.Е. Шагов // Современная научная мысль. – 2022. – № 4.
10. Шулежкова, С.Г. Отражение оранжевой революции и гражданской войны на Украине в российских СМИ (концепты «Революция» и «Война» // Публицистический арсенал общественных движений России и Германии: колл. монография / отв. ред. С.Г. Шулежкова. − Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: Ernst-Moritz-Arnt-Universität, 2015. – С. 174–199.

УДК 343.98

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПАСНОСТИ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ПРИ ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Бордюгов Л.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

Рубцова И.В., аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: riv81@bk.ru)

Статья посвящена проблемным вопросам определения момента возникновения опасности для движения при расследовании дорожно-транспортных происшествий. От момента возникновения опасности для движения полностью зависит оценка действий водителя транспортного средства в той или иной ситуации. В работе приведены основные критерии, которые необходимо учитывать при определении момента возникновения опасности для движения.

Ключевые слова: *дорожно-транспортное происшествие, расследование, момент возникновения опасности, опасность для движения, судебная автотехническая экспертиза.*

DETERMINING THE MOMENT OF THE ORIGIN OF A TRAFFIC HAZARD IN AN EXPERT INVESTIGATION OF THE CIRCUMSTANCES OF A ROAD ACCIDENT

Bordyugov, L.G., Rubtsova, I.V.

The article is devoted to the problematic issues of determining the moment of occurrence of danger to traffic during the investigation of road accidents. The assessment of the actions of the driver of a vehicle in a given situation completely depends on the moment of occurrence of danger to traffic. The work presents the main criteria that must be taken into account when determining the moment of occurrence of danger to traffic.

Keywords*: traffic accident, investigation, moment of occurrence of a hazard, traffic hazard, forensic autotechnical examination.*

Актуальность темы исследования. Для нашего времени характерным является бурное развитие автомобильного транспорта, в частности, по мнению специалистов, в конце 2024 года в мире насчитывалось 1 миллиард 475 миллионов транспортных средств. Что касается Российской Федерации, в нашей стране по состоянию на середину 2023 года насчитывалось порядка 45 миллионов 700 тысяч легковых автомобилей» [2].

В настоящее время бытующее ранее выражение «автомобиль не роскошь, а средство передвижения» стало явью. Практически каждая семья, даже самая простая, имеет автомобиль, а то и несколько. Увеличение автомобильного парка закономерно приводит к увеличению количества дорожно-транспортных происшествий. Несмотря на то, что современные транспортные средства, благодаря различным электронным системам, обладают высокой степенью защиты как водителя, так и других участников движения, автомобиль является средством повышенной опасности. Ежегодно в мире от дорожно-транспортных происшествий погибают сотни тысяч людей.

Так, например, в Российской Федерации в 2024 году произошло 116190 дорожно-транспортных происшествий, при этом количество пострадавших составило 144311, из них погибших – 12748 человек [8].

Водитель транспортного средства в зависимости от тяжести последствий может быть привлечен к административной или уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств предусмотрена статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таких преступлений в Российской Федерации в 2022 году зарегистрировано 17595 [15, С.8], в 2023 году – 17865 [16, С.8], в 2024 году – 18261 [17, С.8]. Из приведенных статистических данных следует, что в последние годы наблюдается хоть и незначительное, однако увеличение их количества.

При проведении предварительного расследования дорожно-транспортных преступлений, независимо от степени их тяжести, нередко возникает реальная необходимость в использовании специальных знаний, что реализуется путем назначения судебных экспертиз.

Назначая судебную автотехническую экспертизу, орган расследования или суд должен представить эксперту ряд исходных данных, которыми тот должен руководствоваться в процессе проведения экспертизы. Одними из таких данных являются сведения о моменте возникновения опасности для движения водителю транспортного средства.

Однако, вопросам о моменте возникновения опасности для движения в специальной литературе уделяется недостаточно внимания.

Анализ научных исследований показывает, что вопросы о моменте возникновения опасности освещались еще более полувека назад в работах таких отечественных ученых, как Н.М. Кристи [6], Г.П. Эйвин [20] и других. Не обошли вниманием данный вопрос и современные исследователи [3; 8]. Однако,

ряд вопросов, касающихся тактики определения момента возникновения опасности для движения, остался за пределами внимания ученых.

Целью статьи является научное исследование и анализ тактических основ определения момента возникновения опасности для движения при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Это обусловлено тем, что от объективности определения момента возникновения опасности зависит объективность и всесторонность оценки действий водителя.

Изложение основного материала. Момент возникновения опасности для движения – момент, начиная с которого водитель должен принимать меры по предотвращению дорожно-транспортного происшествия в соответствии с требованиями Правил дорожного движения. Его определение является одним из самых сложных вопросов при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях, поскольку при этом следует оценить, когда водитель мог не только понять, но и оценить намерения других участников движения (пешеходов, водителей транспортных средств). Оценка действий водителя зависит от того, насколько своевременно им были приняты меры по предотвращению происшествия. Опасная ситуация характеризуется тем, что водитель имеет реальную возможность ее оценить и принять экстренные меры по предотвращению происшествия. Поэтому оценка действий участников происшествия во многом зависит от того, своевременно или с опозданием были приняты меры по его предупреждению или снижению тяжести последствий. Следует отметить, что источник опасности зачастую может быть вызван непосредственно конкретной ситуацией и, как правило, не связан с поведением водителя данного транспортного средства.

Нередко определение момента возникновения опасности для движения требует оценки психофизиологических качеств участников дорожно-транспортного происшествия (водителей, пешеходов и т.д.), а также юридической оценки конкретной дорожной ситуации, что не относится к компетенции эксперта-автотехника. Поэтому определение данного момента возлагается на органы предварительного расследования и суда, исходя из всего комплекса собранных по делу доказательств.

В связи с этим, в постановлениях (определениях) о назначении судебно-автотехнических экспертиз зачастую не указываются данные о моменте возникновения опасности для движения. В некоторых случаях наоборот, органом расследования или судом на разрешение ставится вопрос об определении данного момента экспертным путём. В свою очередь, эксперту приходится решать эту задачу, опираясь на личный опыт, некоторые общие положения, принятые в экспертной практике, и данные о дорожной обстановке на месте дорожно-транспортного происшествия, следуя из предоставленных на исследование исходных данных и материалов дела.

Следует отметить, что при управлении транспортным средством возникают различные ситуации, при которых водителю необходимо за короткий промежуток времени выполнять различные действия. Чтобы решить выполнил

ли водитель требования Правил дорожного движения, необходимо оценить его действия и определить, какие необходимые действия из числа возможных для данных условий должен был выполнить водитель, и сопоставить их с его фактическими действиями при возникновении опасности для движения.

Генезис понятия «опасность для движения» можно проследить на примере отечественных правил дорожного движения, действовавших в различное время, начиная с 60-х годов прошлого столетия.

В 1961 году были приняты единые для всей территории СССР правила дорожного движения, которые назывались «Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР». Согласно указанным правилам, водитель должен вести транспортное средство с такой скоростью, чтобы в «конкретно сложившейся обстановке быть способным замедлить движение или остановиться, применяя общепринятые приемы управления» [10, С. 28]. Следует отметить, что термин «сложившаяся обстановка» в этой формулировке правил никакой конкретики не имел.

С января 1965 года введены в действие «Правила движения по улицам городов, населённых пунктов и дорогам СССР», в которых впервые появляется термин «опасность для движения», обязывающий водителя при ее возникновении снизить скорость или остановиться [9].

В Правилах дорожного движения 1973 года этот термин был заменен на «любое препятствие», которое водитель «должен был и мог предвидеть» [11].

Таким образом, в правилах дорожного движения, которые были введены в действие с 01 января 1973 года, водитель должен был реагировать не только на реально возникшее и обнаруженное им препятствие для движения, но и предвидеть возможность появления любого препятствия на пути движения его транспортного средства.

Безусловно, в большинстве случаев водитель действует в изменяющейся среде, где вероятность возникновения нештатной ситуации достаточно высока, поэтому от практических навыков водителя, от умения выявлять признаки и предвидеть возможность возникновения опасности для движения зависит общая безопасность на дороге. Однако требовать от водителя предвидеть развитие события в той или иной дорожной ситуации неверно. Конечно, водитель может предвидеть, например, двигаясь по дороге, покрытой гололедом, что может произойти занос автомобиля, и поэтому выбирает соответствующую скорость и приемы управления транспортным средством. Таким же образом он должен поступать и при движении на закруглении дороги и т.д. В таких ситуациях, если все же произошел занос транспортного средства, эксперт дает однозначный вывод, что водитель выбрал неправильно приемы управления или скорость движения транспортного средства. Вместе с тем, в других ситуациях, например, при выходе пешехода из-за объекта, ограничивающего обзорность, даже при незначительном его времени движения в опасном направлении (с момента появления в поле зрения водителя до момента наезда), водитель будет виноват, поскольку не предвидел его появления на пути движения своего транспортного

средства, хотя объективно никаких признаков для этого не было. Это не только неверно, но и несправедливо по отношению к водителю транспортного средства.

Возможно, в связи с этим в 1980 году разработчики Правил дорожного движения вновь применили термин «опасность для движения» [5, С. 132]. В последующем в начале двухтысячных впервые в Правилах дорожного движения было дано определение этого термина (которое сохранилось и в нынешних Правилах дорожного движения), согласно которому под опасностью для движения следует понимать ситуацию, возникшую «в процессе дорожного движения, при которой продолжение движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу возникновения дорожно-транспортного происшествия» [12, С. 6].

Кроме этого Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» определено, что опасность для движения возникает «в тот момент, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить» [1]. С этим нельзя не согласиться.

Вопрос разработки единого подхода к определению момента возникновения опасности в ходе развития судебной автотехнической экспертизы долгое время не решался.

Одним из первых в истории судебной экспертологии этот вопрос поднял Г.П. Эйвин, который на Симпозиуме по проблемам автотехнической экспертизы, проходившем в Баку в 1968 году, отметил, что в связи с тем, что в Правилах дорожного движения отсутствуют критерии для определения момента возникновения опасности, в экспертной практике различных научно-исследовательских экспертных учреждений нет единой методики в установлении этого момента. При этом он предложил решение данного вопроса отнести к компетенции эксперта-автотехника и обратил внимание на необходимость применения единой методики во всех научно-исследовательских экспертных учреждениях [20].

В 1971 году Н.М. Кристи были рассмотрены «наиболее типичные ситуации при возникновении опасной обстановки» при столкновениях и наездах на пешеходов [6, С. 67-70].

В 1975 году Н.С. Романов впервые предложил при оценке дорожно-транспортной ситуации учитывать тип (вид), характер опасности и ее уровень. Анализируя разные типы опасности, рассматривая вопросы предвидения водителя и характер предупредительных мер, он утверждал, что «разработка четких критериев, по которым определяется источник дорожно-транспортной опасности, имеет первостепенное значение». При этом конкретный объект дорожной обстановки «приобретает черты источника опасности лишь в определенном «ситуационном оформлении» [14, С. 97-98].

Были и другие предложения по определению момента возникновения опасности для движения [13; 18].

Довольно подробно критерии оценки действий водителя в различных дорожно-транспортных ситуациях рассмотрены К.В. Дубоносом и С.А. Шевцовым [4; 19].

Оценка дорожно-транспортной ситуации требует решения трех основных вопросов: имеется ли источник опасности, какие меры необходимо выполнить для предотвращения дорожно-транспортного происшествия и в какой момент следует применить эти меры.

В основе критериев определения момента возникновения опасности для движения лежит ситуационный подход, вытекающий из требований Правил дорожного движения и принципов распознавания признаков возникновения опасности.

К основным критериям следует отнести:

– характер и скорость движения транспортного движения;

– характер действий пешехода и его поведение (стоит, бежит, возобновляет движение, изменяет темп либо направление движения и т.п.);

– видимость проезжей части и конкретного объекта;

– обзорность с места водителя;

– организация дорожного движения;

– характеристика дорожного покрытия;

– дорожная обстановка и ее оценка водителем;

– оценка действий водителя (принятие срочного торможения, плавного торможения, увеличение бокового интервала, объезд препятствия и т.п.).

При этом возникает ряд вопросов, не позволяющих на достаточном методическом уровне определить момент возникновения опасности, а соответственно и оценить действий водителя транспортного средства.

Указанные проблемные проблемы можно разделить на две группы:

К первой группе следует отнести недостатки, которые касаются подготовки материалов для проведения судебной автотехнической экспертизы и которые ограничивают возможность в полной мере определиться с обстоятельствами происшествия:

– осмотр места происшествия может проводиться через значительный промежуток времени после совершения дорожно-транспортного происшествия, в связи с чем к моменту осмотра ряд следов могут видоизмениться или вообще исчезнуть;

– не приняты меры по сохранению следов на месте происшествия;

– низкое качество расследования уголовного дела, что выражается в невыполнении полного объема следственных действий и как результат – не устанавливается полный комплекс исходных данных для проведения экспертизы (скорость движения, время движения и т.д.);

– низкий уровень проведения осмотра места происшествия (не фиксируются или фиксируются недостаточно качественно следы торможения, следы волочения и т.п., осыпь стекла, грунта и т.п.;

– в постановление (определение) о назначении экспертизы не вносится необходимое количество технических данных, характеризующих параметры движения транспортных средств и пешеходов, они отсутствуют и в материалах дела, либо имеют противоречия, либо получены методически неверным путем.

Ко второй группе необходимо отнести отсутствие необходимых методик по определению момента возникновения опасности для движения при различных дорожно-транспортных ситуациях, особенно сложных, в частности:

– ситуация, в которой малолетний пешеход находится со взрослым пешеходом на значительном удалении от него, что может не позволить взрослому исключить неосторожное поведение со стороны малолетнего;

– ситуация, в которой со стороны пассажира во время движения совершаются действия, препятствующие управлению транспортным средством. При этом следует иметь в виду, что действия по предотвращению происшествия со стороны водителя должны быть реализованы не при потере управления, а при первом проявлении таких действий со стороны пассажира;

– ситуация, связанная с потерей управления транспортным средством после наезда на повреждение проезжей части, которое повлияло на процесс управления. Возможность распознавания этого повреждения как опасности для движения является сложной категорией еще и потому, что при осмотре не проведена фиксация его размерных характеристик и размещения относительно продольных элементов дороги и траектории движения транспортного средства.

При определении момента возникновения опасности для движения оценивают действия водителя, не учитывая его субъективных возможностей и особенностей. Эксперта подробно информируют о дорожной обстановке перед происшествием, о транспортном средстве и участниках происшествия, и он определяет, как должен был действовать водитель в определенных условиях, не касаясь субъективной стороны вопроса, т.е. не учитывается опыт вождения водителя, его возраст, состояние и т.п. При этом водитель транспортного средства воспринимается как оператор машинной системы.

В частности, можно привести пример определения момента возникновения опасности в процессе исследования обстоятельств столкновения на неравнозначном перекрестке. В такой ситуации этот момент наступает, когда транспортное средство, движущееся по второстепенной дороге, находилось на расстоянии пути торможения от границы пересекаемой проезжей части. В связи с указанным, при проведении экспертизы для оценки действий водителя транспортного средства, движущегося по главной дороге, эксперт должен провести расчет пути торможения, чтобы в дальнейшем определить время движения транспортного средства, движущегося по второстепенной дороге, в опасном направлении и т.д.

Однако следует отметить, что расстояние пути торможения зависит от скорости движения транспортного средства, от состояния проезжей части, от его загрузки (хоть и в меньшей степени). Указанные данные имеются в материалах дела либо задаются эксперту органом расследования или судом в качестве исходных данных.

А вот водитель транспортного средства, движущегося по главной дороге (даже с большим опытом), не всегда точно может оценить скорость транспортного средства, движущегося (для рассматриваемого случая) по второстепенной дороге. Может неправильно определить и состояние проезжей части второстепенной дороги перед перекрестком. Такое может быть в зимнее время, когда частично дорога может быть сухой, частично покрыта наледью. Тем более он не может определить загрузку автомобиля.

Конечно, все это вызывает у водителя определенные трудности при оценке дорожной ситуации в процессе движения, в том числе и при определении опасности для движения.

В связи с указанным, вопрос определения момента возникновения опасности для движения при проведении судебно-автотехнических экспертиз остается актуальным и требует постоянного усовершенствования.

Выводы. Именно с анализа вопроса о моменте возникновения опасности начинается решение не только вопроса о технической возможности предотвращения происшествия участниками дорожного движения, но и исследование вопроса о том, как следовало действовать участникам дорожного движения, хотя решение последнего зависит от обстоятельств дорожно-транспортного происшествия и от характера конкретных действий каждого из его участников.

В настоящее время в государственных судебно-экспертных учреждениях, среди частнопрактикующих экспертов нет единого подхода к решению данного вопроса. Часть экспертов считает, что момент возникновения опасности для движения должен устанавливать эксперт, другие считают, что момент возникновения опасности для движения должен быть задан органом расследования или судом. Представляется правильной точка зрения третьих, считающих, что устанавливать момент возникновения опасности для движения эксперт-автотехник имеет право только в тех случаях, когда это связано с использованием его специальных знаний в области судебной автотехники. Необходимость использования специальных знаний при определении момента возникновения опасности для движения является единственным критерием отнесения решения данного вопроса к компетенции эксперта-автотехника.

Таким образом, эксперт-автотехник решает вопрос о моменте возникновения опасности для движения тогда, когда для этого необходимы специальные технические знания, и не имеет права решать данный вопрос, когда для этого не требуется применение специальных знаний в области судебной автотехники.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». – URL: https://base.garant.ru/1789227/?ysclid=m7dh71q14u713734516/ – (дата обращения: 15.02.2025).
2. Архипов, Р. Сколько автомобилей насчитывается во всем мире в 2024 году: дан ответ / Р. Архипов. – URL: https://daily-motor.ru/autonews/129744 – (дата обращения: 14.02.2025).
3. Городокин, В.А. Определение момента возникновения опасности при встречных столкновениях транспортных средств и решение вопроса о допустимости маневра как средства предотвращения лобового столкновения / В.А. Городокин, В.И. Майоров // Современная наука. – 2024. – № 3. – С. 13-25.
4. Дорожно-транспортные происшествия. Критерии оценки действий водителя. Авт.-сост. С.А. Шевцов, К.В. Дубонос. – Харьков : Факт, 2003. – 176 с.
5. Комментарий к Правилам дорожного движения. 3-е изд., перераб. и доп. под общей редакцией В.В. Лукьянова. – М.: ДОСААФ, 1981. – 255 с.
6. Кристи, Н.М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы / Н.М. Кристи. – М.: ЦНИИСЭ, 1971. – 126 с.
7. Мурашев, П.М. Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия / П.М. Мурашев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 195-198.
8. Полная статистика ДТП по России по месяцам в 2024 году. – URL: https://rusdtp.ru/stat-dtp/ – (дата обращения: 14.02.2025).
9. Правила движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР: Утв. М-вом охраны обществ. порядка РСФСР 3/VI 1964 г.: Вводятся в действие с 1 янв. 1965 г. / ОРУД ГАИ УООП Мосгорисполкома. – М.: Стройиздат, 1965. – 95 с.
10. Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР: введены в действие 1 янв. 1961 г. распоряжением Совета Министров РСФСР от 25 окт. 1960 г. – Пермь : Газетное издательство «Звезда», 1961. – 141 с.
11. Правила дорожного движения. Введены в действие с 1 января 1973 года. – Ростов-на-Дону : Издательство «Молот», 1974. – 60 с.
12. Правила дорожного движения Российской Федерации на 2024 год: Официальный текст. Включая правила пользования средствами индивидуальной мобильности – Москва : Издательство АСТ, 2023 – 64 с.
13. Пределы экспертного исследования дорожно-транспортного происшествия: Использование экспертных заключений следователем и судом: Метод. письмо / М-во юстиции СССР. ВНИИ судеб. экспертиз; [Подгот.: К.А. Василевским и Т.Ф. Шарковой]. – М.: ВНИИСЭ, 1978. – 149 с.

14. Романов, Н.С. Теоретические и доказательственные вопросы судебной автотехнической экспертизы / Н.С. Романов. – К.: РИО МВД УССР, 1975. – 155 с.
15. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. – М.: [б.и.], 2023. – 66 с.
16. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. – М.: [б.и.], 2024. – 63 с.
17. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. – М.: [б.и.], 2025. – 63 с.
18. Судебная автотехническая экспертиза. Часть II. Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы: Пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей; ответственный редактор В.А. Иларионов. – М.: ВНИИСЭ, 1980. – 492 с.
19. Шевцов, С.А. Возможности использования специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных происшествий / С.А. Шевцов. – Харьков: СПД-ФО Чальцев О.В., 2005. – 308 с.
20. Эйвин, Г.П. Определение момента возникновения опасности для движения при производстве автотехнической экспертизы / Г.П. Эйвин // Вопросы судебной экспертизы / Юрид. комис. Совета Министров АзССР. Азербайдж. науч.-исслед. ин-т судебных экспертиз; Отв. ред. канд. юрид. наук Ф.Э. Давудов. – Баку: [б.и.], 1965-1968. – 9 т.; Материалы симпозиума по проблемам автотехнической экспертизы. – 1968. – С. 49-53.

УДК 343.9

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Булавкин А.А., кандидат социологических наук, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции (г. Москва)

(e-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru)

Мироненко С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

В статье проведен анализ влияния изменений в уголовном законодательстве на эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений. Отмечено, что на современном этапе разработка научных проблем эффективности предупреждения преступлений, в том числе и нормами уголовного права, требует еще большей активизации. Сделан вывод о том, что под эффективностью норм уголовного права в предупреждении преступлений следует понимать их способность обеспечить достижение конкретной цели, которая поставлена законодателем перед той или иной нормой.

Ключевые слова: *нормы уголовного права, предупреждение преступлений, эффективность.*

THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL LAW NORMS IN CRIME PREVENTION

Bulavkin, A.A., Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the impact of changes in criminal legislation on the effectiveness of criminal law norms in crime prevention. It is noted that at the present stage, the development of scientific problems of the effectiveness of crime prevention, including the norms of criminal law, requires even greater activation. It is concluded that the effectiveness of criminal law norms in the prevention of crimes should be understood as their ability to ensure the achievement of a specific goal, which is set by the legislator before a particular norm.

Keywords: *norms of criminal law, crime prevention, efficiency.*

Актуальность темы исследования. На современном этапе разработка научных проблем эффективности предупреждения преступлений, в том числе и нормами уголовного права, требует еще большей активизации. Это объясняется следующим. Во-первых, многие вопросы, относящиеся к понятию и содержанию предупреждения преступлений нормами уголовного права, не нашли в теории юридической науки более или менее одинакового решения, что, безусловно, негативно сказывается на организации борьбы с преступностью. Во-вторых, реальное состояние преступности в нашем обществе характеризуется, начиная с момента распада СССР, не только ее ростом, но и изменением структуры и характера. В частности, увеличилась доля насильственных и корыстных преступлений, появились новые виды тяжких преступлений, получила распространение организованная преступность и тому подобное.

Следует отметить, что в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, по сравнению с предыдущим, есть существенные изменения в направлении декриминализации отдельных деяний, которые логически непоследовательны относительно той задачи, которая ставится перед конкретной уголовной нормой.

Анализ научных исследований. Для теории уголовного права и правоприменительной деятельности в этой сфере существенное значение имеют труды известных ученых: Л.В. Багрий-Шахматова, М.И. Бажанова, В.В. Борисова, Е.В. Благова, Я.М. Брайнина, М.А. Гельфера, В.А. Глушкова, В.К. Грищука, Н.И. Загородникова, А.П. Закалюка, Ю.Ф. Иванова, Е.И. Каиржанова, В.Е. Квашиса, А.Ф. Кистяковского, А.Н. Костенко, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, И.С. Ноя, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, А.И. Чучаева и других.

Цель исследования. Целью исследования является анализ и обоснование влияния изменений в уголовном законодательстве на эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений.

Изложение основного материала. Обеспечение интересов человека требует как можно более широкой защиты его прав. Но сразу следует учесть и интересы общества. Государство может устанавливать законом только такие ограничения прав и свобод человека, которые совместимы с природой этих прав, не посягают на их основное содержание, сущность и преследуют цель содействия общему благосостоянию в обществе [1, С. 127]. Социальное положение в нашем обществе таково, что сфера действия уголовных законов должна иметь также предупредительное значение. Устанавливая уголовную ответственность за то или иное деяние, законодатель обязан в каждом конкретном случае решать: какое именно поведение стоит рассматривать не только как нежелательное, но и как преступное, какой воспитательный и предупредительный эффект даст принятая правовая норма. При этом уголовный закон должен стремиться к тому, чтобы проводить однозначную границу между преступным и непреступным, иначе он не может быть применен, и машина правосудия «завязнет» в бесконечном процессе разногласий.

В правовой литературе давно обсуждается вопрос об объеме законодательного регулирования высшей меры наказания, пределе и целесообразности ее применения. Оно особенно значимо в плоскости уголовно-правового функционирования предупреждения преступлений. Обсуждение применения смертной казни всегда актуально. Указанная тема была предметом дебатов в прошлом, она есть сегодня, и будет в будущем. Это обсуждение включает этические, религиозные, политические, экономические и другие подходы, которые тесно связаны. Специфическая природа смертной казни тесно связана с фундаментальными ценностями современного общества. Различия между общественным мнением, научными взглядами, политическими и правовыми реакциями по этому вопросу – все это объясняет тематическую важность проблемы применения смертной казни.

Поэтому законодатель, решая проблему смертной казни, не может не принимать во внимание общественное мнение. Конечно, оно тоже не однозначно: разные слои населения думают неодинаково. Все это нужно учитывать при принятии новой нормы уголовного права, а также при определении санкций за то или иное преступление.

Бесспорным является факт, что все социальные группы населения очень резко осуждают преступления против личности, и особенно такие, как убийство. И верно отмечается в литературе, что «возмущенное общественное мнение всегда требует справедливого возмездия и не хочет мириться с фактами недостаточно строгих приговоров или оставления в живых опасных, неисправимых преступников. И какой бы эта мысль ни была, с ней нельзя не считаться. Иначе вместо смертных приговоров по закону и суду начинается карательная самодеятельность населения» [2, С. 85-86].

Еще Ч. Беккариа отмечал, что лишение гражданина жизни может быть приемлемым тогда, когда его смерть является единственным средством удержания других от совершения преступления, а наказание достигает своей цели, если страдания, им причиненные, превышают выгоды от преступления [3, С. 164, 169]. Он писал, что «цель наказания заключается ни в чем ином, как в предотвращении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, произвели бы наиболее сильные и наиболее длительные впечатления на людей» [3, С. 106].

Говоря о негативных последствиях для общества от заказных убийств, серийных маньяков-убийц, следует отметить, что в настоящее время достаточно аргументировано и научно доказано, что при актах насилия, и особенно при убийствах, происходят гормональные вспышки, которые усиливают психоэнергетику преступника. В результате этого у преступника создается колоссальная энергия причудливого типа, которая питает организм преступника, но разрушает его личность. Преступник производит мощные биогенные излучения, которые проникают сквозь кирпичные, бетонные стены [4, С. 25].

В любой стране смертная казнь – не только институт уголовного права, не только инструмент уголовной политики, это – социокультурный феномен. Отношение к нему – своеобразный индикатор господствующих в обществе настроений. Он формируется на основе сложного взаимодействия исторических, политических, культурных, правовых и многих других социальных факторов. В силу этого социологические исследования не дают возможности раскрыть механизмы, формирующие индивидуальные установки и отношение к смертной казни на уровне группового и массового общественного сознания. Тем не менее неприемлемость отмены смертной казни общественным мнением – один из основных аргументов ее сторонников.

Еще в 1906 г. немецкий психиатр Г. Ашаффенбург писал, что самым радикальным средством помешать преступнику повторить его преступное деяние – является смертная казнь [5, С. 201].

Сохраняя жизнь убийцы, государство не только морально влияет на родственников и близких жертвы, но еще и удерживает убийцу пожизненно за их счет, на налоги честных людей. Итак, провозглашать неприкосновенным жизнь садиста, который может убить кого угодно и сколько угодно раз – значит расшатывать устои государства, отворачивать граждан от государства и принуждать их жить по другим законам.

Сторонники отмены смертной казни иногда ссылаются на то, что жизнь человеку дает не государство, а Бог. Поэтому, мол, государство не вправе ее отнимать. Однако, если обратиться к Библии, то в главе 21 книги «Исход» можно, например, прочитать: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» [6].

Некоторые ученые считают, что отмена смертной казни является необходимым условием для совершенствования отечественного уголовного права и гуманизации общества, поскольку это направлено не на облегчение судьбы преступников, а на признание государством человеческой жизни высшей и абсолютной ценностью. Однако, на наш взгляд, прежде всего государство обязано признавать и охранять человеческую жизнь законопослушных граждан, а не убийц, а также учитывать по этому вопросу общественное мнение.

«Уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняемого поведения воспринимается как требующая уголовно-правовой наказуемости», – указывает А.И. Коробеев [7, С. 84]. Иными словами, как отметил К. Кенни, «деяние должно в значительной мере возмущать привычные чувства общества, общественное мнение» [8, С. 301].

История смертной казни в России учит, прежде всего, осторожному отношению к этой мере наказания. К пагубным последствиям ведут и внеправовое использование этой кары, и ее отмена, и мораторий на ее применение, а также, игнорируя общий уровень правовой культуры и криминогенную ситуацию в обществе, гуманное отношение к злостным преступникам, посягающим на жизнь человека [9, С. 220].

Как свидетельствует исторический опыт, общества без преступности не бывает, это – иллюзия. Преступления совершались и будут совершаться, они только отличаются между собой коэффициентом. Во многих странах преступности не боятся не потому, что ее нет, а потому, что криминогенная обстановка сведена к минимуму. В таких государствах не только принимаются законы, реально направленные на борьбу с преступностью, но они реально выполняются на практике всеми гражданами.

Никакую строгость не следует рассматривать как постоянную, неизменную. Возможно, в скором будущем исчезнет смертная казнь. Но в современных условиях наказание должно быть достаточно суровым, чтобы оно могло достичь своей цели, то есть наказать и воспитать, а также предупредить новые преступления. Наказывая зло, уголовный закон восстанавливает тем самым справедливость, отвергнутую неправомочными действиями виновного лица.

Здесь следует согласиться с А.И. Алексеевым, С.И. Герасимовым, А.Я. Сухаревым, которые отмечают, что обеспечение интересов жертв преступлений является одним из проявлений гуманизма [10, С. 119]. В то же время следует учитывать, что преступлением признается только виновное и противоправное причинение вреда человеку. В этой связи случайное причинение вреда человеку, лишение его жизни по приговору суда или в состоянии необходимой обороны не может расцениваться как преступление.

Иными словами, закон должен основываться на интересах общества, быть выражением его общих интересов и потребностей, вытекающих из материального способа производства, в противовес произволу отдельных индивидуумов.

Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступности во многом обусловлена логичностью, согласованностью и назначением норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ими в основном урегулированы вопросы, связанные с обязанностью органа дознания, следователя, прокурора и суда выявлять и устранять причины и условия совершения преступлений. Определенное правовое значение в этом вопросе имеет и представление органа дознания, следователя и прокурора, а также отдельное определение суда. Важное значение имеет уровень доверия населения к правоохранительным органам, прокуратуре, суду. Доверие к правоохранительным органам означает их надёжность и зиждется на репутации отдельных сотрудников, которые взаимодействуют с общественностью или конкретным человеком [11, С. 40].

Для определения эффективности уголовно-правовых норм не менее значимым является понимание таких фундаментальных категорий криминологии, как причины преступности и условия, способствующие совершению преступлений.

«Влияние на причины и условия преступности – наиболее значительная часть предупреждения преступности как по объему, так и по результату» [10,

С. 4]. Для того, чтобы объективно выявить причины и условия, способствующие совершению конкретного преступления, а затем вовремя и правильно принимать меры к их устранению, необходимо прежде всего четко и однозначно изложить в УПК РФ понятие причин и условий, способствующих совершению конкретного преступления.

Следует отметить, что в юридической литературе по этому вопросу нет единого мнения. Одни ученые считают, что объектом предупреждения преступлений являются отдельные виды преступности (рецидивная, несовершеннолетних и т.п.), причины, условия и обстоятельства, способствующие совершению преступлений, а также определенное лицо [12]. Другие – что основным действующим лицом системы объектов предупреждения является человек [13]. Третьи – что объекты предупреждения – не люди и их поведение, а социальные явления и процессы, которые питают и поддерживают преступность [14]. Четвертые – что не лицо как таковое является объектом предупреждения, а так называемое совершенное поведение (а потому социально опасное) или преступное поведение [15].

Однако большинство ученых как объект предупредительной деятельности рассматривают причины, порождающие преступления, и условия, которые им способствуют.

В некоторых учебниках по криминологии причинами и условиями преступности называется «совокупность социальных явлений, процессов, детерминирующих преступность как свое следствие» [16, С. 66-67]. Общее определение понятий причин и условий указывает на то, что авторы учебника между причинами и условиями предполагают относительное различие.

Несмотря на определенную относительность границ между причинами и условиями преступлений, их возможности меняться местами, их разделение имеет большое значение как для теории предупреждения преступлений, так и для практической деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Прав А.Е. Жалинский, говоря, что «крайне необходимым следует считать развитие единого языка криминологии, ее понятийного аппарата, генерализующего и формализующего категории криминологии. Это чрезвычайно сложная задача, но уже теперь можно настаивать на однозначном употреблении терминов хотя бы в рамках одного труда, на соблюдении их субординации и взаимоотношений» [17, С. 109].

Разработка понятийного аппарата причин и условий совершения преступлений, классификация последних, на наш взгляд, должны осуществляться с позиций философского их осмысления, основанного на диалектическом материализме.

Этот вывод следует из того, что понимание причинности, данное философией диалектического материализма, должно служить основой для решения вопросов о причинности в каждой конкретной области знания, в том

числе и в сфере юридических наук. Решение вопроса о причинности через диалектический материализм – единственное научное решение этой проблемы.

Углубление и развитие понятийного аппарата теории и практики предупреждения преступлений не может происходить путем простой ассимиляции категориального аппарата диалектики – здесь нужен особый процесс философской интерпретации, философского осмысления понятий, причем именно это осмысление должно опираться на существующий категориальный аппарат материалистической диалектики.

В юридической литературе в настоящее время отсутствует единое мнение о понятии причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления. А.С. Шляпошников указывает, что «под причинами конкретного преступления понимаются те явления и процессы, которые породили антиобщественные взгляды данного лица и вызвали его преступное действие (бездействие), а под обстоятельствами, способствующими достижению преступного результата, понимаются конкретные недостатки в деятельности государственных учреждений, хозяйственных организаций, отдельных должностных лиц и граждан, облегчивших совершение преступлений и способствовавших наступлению преступного исхода» [18, С. 144].

По мнению В.Н. Кудрявцева, «под причинами конкретного преступления понимаются те явления и процессы, которые вызвали у данного лица решимость совершить умышленное преступление или привели к совершению им преступления по неосторожности, а под условиями, облегчающими совершение преступления, понимают конкретные недостатки в деятельности государственных учреждений, хозяйственных организаций, отдельных лиц и граждан, которые объективно способствуют совершению преступления и наступлению преступного исхода» [18, С. 168].

А.Б. Сахаров считает, что «непосредственные причины совершения конкретного преступления заключаются, с одной стороны, в особенностях потребностей, интересов, взглядов, отношений, системы ценностных ориентаций и мотиваций (направленности) личности данного индивида, а с другой – в совокупности внешних обстоятельств, обусловливающих формирование и реализацию побуждений (мотивы) и решимость совершить преступление. Элементами криминогенной ситуации являются обстоятельства, способствующие совершению преступления. Это различные недостатки хозяйственно-организационной деятельности, поведение отдельных лиц, а иногда и природные явления» [12].

Применение различной терминологии негативно сказывается на практике разграничения причин и условий, способствующих совершению преступлений. Под причиной конкретного преступления, на наш взгляд, следует понимать сформировавшуюся под воздействием разного рода негативных явлений и процессов, антиобщественную установку в сознании лица, которая вызвала у него решимость совершить умышленное преступление или привела к совершению преступления по неосторожности.

Антиобщественную установку, видимо, необходимо рассматривать и как результат сложного психологического процесса, проходящего ряд этапов: антиобщественное представление; антиобщественная позиция и антиобщественная установка с психологической готовностью к ее реализации. Иначе говоря, явления и процессы как таковые, как правило, не вызывают решимости совершить преступление, а именно – постепенно влияют на лицо, формируют в его сознании определенную антиобщественную установку, которая и вызывает решимость совершить умышленное преступление или приводит к совершению преступления по неосторожности. Поэтому негативные явления и процессы непосредственно вряд ли могут быть причинами конкретного преступления. Исключением может быть ситуация, когда преступление совершается в состоянии сильного душевного волнения.

Поэтому решимость совершить противоправное деяние в абсолютном большинстве случаев не возникает внезапно, неожиданно. Явления и процессы, как правило, могут быть только причинами неблагоприятного формирования лица, причинами возникновения антиобщественных взглядов, навыков, привычек и т.д. То есть антиобщественной установки в сознании лица. И, находясь в определенной ситуации, человек действует уже в соответствии с установкой, ранее сформировавшейся в его сознании.

Считаем, что антиобщественная установка – это целеустремленность сознания лица, его позиция относительно общества и действующих в нем законов и морали. И если развитие и закрепление положительных, общественно полезных установок является результатом влияния всего общества, когда «в основе психического развития лежит специфическая воспроизводящая деятельность человека, с помощью которой он приобретает исторически сформировавшиеся фундаментальные потребности, необходимые ему для включения в активную трудовую и общественную жизнь» [19, С. 59], то антиобщественная установка – результат искаженных, антиобщественных воздействий. Связывать причину отдельного (конкретного) преступления исключительно с личными качествами человека не является правильным. Преступление, как и любое другое поведение человека, является следствием определенного взаимодействия социальной среды и человека.

Антиобщественная установка по своему содержанию может быть корыстной (лицо строит свои интересы только на материальной выгоде) и насильственной (оно пренебрежительно относится к окружающим, проявляя при этом злость, жестокость, эгоизм и пр.). Чем прочнее антиобщественная установка, тем больше вероятность совершения ее носителем преступления.

Выяснение типа антиобщественной установки имеет большое практическое значение. Выявив индивидуальные черты лица, характеризующие определенный тип антиобщественной установки, можно принять конкретные и наиболее действенные меры для исправления и перевоспитания определенного лица.

Антиобщественная установка, сложившаяся в сознании лица, является не более чем возможностью совершения преступления. Для реализации преступного умысла необходимы определенные условия, при которых возможность может превратиться в реальность.

Под условиями, способствующими совершению конкретного преступления, необходимо понимать «недостатки в деятельности государственных учреждений, хозяйственных организаций, отдельных лиц и граждан, объективно способствующих совершению преступления или наступлению преступного исхода» [20, С. 184].

Выводы. Таким образом, под эффективностью норм уголовного права в предупреждении преступлений следует понимать их способность обеспечить достижение конкретной цели, которая поставлена законодателем перед той или иной нормой. А эффективность правоприменительной деятельности означает ее способность обеспечить такую своевременную и согласованную с требованиями закона реализацию юридических норм, которая при наименьших затратах оптимально положительно влияла бы на регулируемые общественные отношения и поведение их участников в желаемом направлении.

К составным элементам эффективности норм уголовного права в предупреждении преступлений следует отнести:

1) отражение в норме воли народа и основных направлений политики государства;

2) четкое определение цели по принятию нормы;

3) полноту отражения в норме особенностей преступности современного периода;

4) прогнозирование – насколько эффективной окажется предложенная или проектируемая норма;

5) учет при принятии нормы экономических, политических, идеологических и других специальных процессов, происходящих в обществе;

6) отражение в норме объективных потребностей и возможностей общества;

7) своевременность и полноту применения нормы;

8) соблюдение законности при применении нормы;

9) состояние рецидивной преступности;

10) сравнение результатов применения норм с их непосредственной целью;

11) системный подход к повышению эффективности норм в предупреждении преступлений;

12) надлежащую подготовку исполнителей, реализующих норму;

13) соответствие наказания общественной опасности преступления;

14) анализ правоприменительной деятельности в предупреждении преступлений;

15) учет предполагаемых (плановых) и фактически осуществленных расходов, связанных с правоприменением нормы;

16) исследование норм уголовного права, которые в наилучшей степени обеспечили охрану и развитие общественных отношений в нашей стране и использование их методов регулирования, форм и рамок при принятии новых норм уголовного права.

Необходимо признать, что практика судебного толкования при заполнении пробелов законодательства, не заполненных самим законодателем, может быть оправданной, но не в случаях, когда закону придается более репрессивный смысл, чем это следует из его принципов и буквального толкования.

Список литературы

1. Хмель, О.В. Понятие права человека на свободу от саморазоблачения: философский, правовой, психологический и моральный аспекты / О.В. Хмель, А.Н. Титов // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 1. – С. 123-131.
2. Никифоров, А.С. США: сентябрьский (1994 г.) закон о контроле над насильственной преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1996. – С. 82-95.
3. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: БИМПА, 1995. – 304 с.
4. Кашницкий, С. Под колпаком // Московский комсомолец. – 2000. – 30 марта – 6 апреля. – С. 25.
5. Ашаффенбург, Г. Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов. К вопросу о реформе уголовного законодательства / Пер. с нем. – Одесса, 1906. – 242 с.
6. Толкования священного писания. – URL: https://bible.optina.ru/old:ish:21:12 – (дата обращения: 18.11.2024).
7. Коробеев, А.И. Советская уголовная политика. – Владивосток : ДВГУ, 1987. – 267 с.
8. Кенни, К. Основы уголовного права. – М.: Иностранная литература, 1949. – 597 с.
9. Малько, А.В. Смертная казнь в России: История. Политика. – М.: Норма, 2013. – 222 с.
10. Алексеев, А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2012. – 481 с.
11. Мамона, Т.М. Проблемы и перспективы борьбы с коррупцией как уголовно-правовым явлением / Т.М. Мамона // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 2. – С. 36-43.
12. Сахаров, А.Б. Научные сообщения: основные положения // Профилактика правонарушений. – Вып. 8. – М., 1979. – С. 21-26.
13. Яковлев, А.М. Научные сообщения: основные положения // Профилактика правонарушений. – Вып. 8. – М., 1979. – С. 15-17.
14. Лекарь, А.Г. Профилактика преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – 102 с.

15. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособ. – М.: ФОРУМ–ИНФРА–М, 1998. – 216 с.
16. Криминология: учебник для вузов по спец. «Правоведение» / [В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Н.Ф. Кузнецова и др.]; отв. ред. В.К. Звирбуль. – М.: Юрид. лит, 1979. – 420 с.
17. Жалинский, А.Е. Некоторые вопросы структуры научного криминологического знания // Вопросы изучения преступности и борьбы с нею. – М., 1975. – С. 109-112.
18. Криминология : учебник для юрид. фак. и ин-тов. – М.: Юрид. лит. – 1966. – 360 с.
19. Давыдов, В.В. Принцип развития в психологии // Вопросы философии. – 1980. – № 12. – С. 59-64.
20. Криминология: учебник для студ. юрид. ин-тов и фак. / [А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, Б.Л. Золотов и др.]; под ред. И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1976. – 439 с.

УДК 340.12

КУЛЬТУРА КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ ПРАВА

Гребеньков Г.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры служебной психологии, социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: ggrebenkoff57@mail.ru)

Статья посвящена проблеме осмысления природы и сущности права как феномена культуры и месте права в культуре. При этом право, как один из имманентных сущности культуры атрибутов, рассматривается в качестве системы ценностей. Также автором проводится мысль об аксиологии как адекватной праву методологии его познания и понимания.

Ключевые слова: *право, ценностно-смысловая реальность, культура, аксиология.*

CULTURE AS THE REALIZATION OF VALUESAND THE VALUE-SEMANTICESSENCE OF THE EXISTENCE OF LAW

Grebenkov, G.V.

The article is devoted to the problem of understanding the nature and essence of law as a cultural phenomenon and the place of law in culture. At the same time, law as one of the attributes immanent in the essence of culture is considered as a system of values. The author also suggests the idea of axiology as a methodology adequate to law for its cognition and understanding.

Keywords: *law, value-semantic reality, culture, axiology.*

Актуальность темы исследования. Философское постижение права, означающее прежде всего выяснение его идеи, природы и сущности, не поддается обыденному, рассудочному сознанию. Сознание рассудка в границах классической рациональности очень часто сводит всю совокупность свойств социального феномена к какому-то одному его признаку, и лишь на основе последнего строит представление об этом объекте как результате жестких причинно-следственных зависимостей. Методологический плюрализм позволяет во многом «снять» эту проблему и взглянуть на право как на сложную бытийную систему, во-первых идей, принципов, целей и ценностей права в качестве его метафизической составляющей и, во-вторых, реальной действительности права как действующего права, его (права), так сказать,

юридической составляющей, которая не есть предмет философского правознания, а предмет правовой социологии, исследующей право как инструментальное воплощение, реализацию Идеи/идей, природы и сущности права в его реальном, объективно данном, фактуальном воплощении. Иначе говоря, в действующем праве оно (право) предстоит как имманентное качество бытия социального, правовая жизнедеятельность общества и человека, его (права) экзистенциальный уровень проявленности.

Как воплощается идея свободы; что есть способ существования нормы права; что есть конкретный «живой» правопорядок, т. е. такой правопорядок человеческих отношений, в основе которого должна лежать (но может и не лежать) мера свободы как общепринятая норма организации социальности, телеономно сохраняющая жизнь людей как культуру? Если право есть внутреннее качество, фундаментально обеспечивающее бытие культуры, то какова феноменология права в культуре?

Ставя себе эти вопросы, мы тем не менее остаемся в границах онтологии права, говорим о правовом бытии как единстве должного, продукта метафизических усилий разума, схватывающих предмет исследования в понятиях. Ибо вне онтологических (метафизических) процедур исследования нам никогда не удастся прояснить смысл, а также выстроить понятийный каркас, описать структуру и систему того, что мы не только описываем, но и пытаемся в соответствии с целями и ценностями изменить в интенции «должного быть», идеала. В сущности своей, глубоко прав Э. Соловьев, когда говорит, «что определение права по строгому счету является не теоретическим (типа «А есть Б»), а ценностно-теоретическим, нормативно-теоретическим (типа «А должно мыслиться как Б»)». «Это прекрасно понимали наши дореволюционные правоведы, – пишет он, – а мы где-то полвека назад понимать перестали. Мы давно уже не спрашиваем себя, что следует ценить, утверждать и отстаивать в качестве права: мы просто выслеживаем, чем оно по преимуществу было. В итоге мы употребляем сам термин «право» совершенно в духе юридического позитивизма, т. е. как нейтрально-маркировочное, «средне-историческое» выражение» [9, С. 3].

Анализ научных исследований. «Вопрос о правовой онтологии, – писал в середине XX столетия немецкий исследователь права А. Кауфман, – должен гласить: каким способом право причастно к бытию…какая модальность бытия... ему подходит, короче: что есть право в своей онтологической структуре...» [4, С. 144]. Тем не менее и на рубеже XXI века, и в настоящее время проблема выявления, описания и понимания правового бытия была и остается одной из самых дискурсивно «открытых».

Начиная с конца XIX − начала XX столетия, спор о праве, его истоках и сущности, целях и ценностях приобрел нс только мировоззренческий, но и политико-государственный характер (вспомним полемику П. Новгородцева и Л. Петражицкого о естественном праве в 1913 году на страницах «Юридического вестника», издававшегося под редакцией Б. Кистяковского в Москве) и остается

– об этом уже было сказано – таковым и поныне практически на всем постсоветском пространстве. Поэтому дальнейший ход наших рассуждений о построении «возможной» онтологии права очевидно подразумевает необходимость авторского включения в дискурс относительно проблем «причастности права бытию» и прояснению проблемы «онтологической структуры права». И в этой связи исходной методологической посылкой для нас становится постулат признания в качестве очевидной данности факта «встроенности» права в более широкое по своим пространственно-временным, кросс- и трансисторическим, энергийным, психологическим, духовным и т. д. контекстам явление, каковым есть Культура-плод телеономной деятельности человека как рода и индивида.

Цель исследований. Прояснить природу и сущность права как ценностного феномена культуры.

Изложение основного материала. Понимание необходимости введения в философско-правовой дискурс о праве понятия и феноменологии культуры онтологически и эпистемологически обосновано. Сошлемся лишь на одно из многочисленных определений культуры, подразумевающих правовой аспект исследования и понимания ее сущности. «Культура, – пишет К. Уислер, – есть совокупность стандартизированных верований и практик,которым следуют люди» [15, С. 15]. Такое толкование культуры очевидно говорит нам о том, что культура обладаем имманентной характеристикой права-общеобязательностью и легитимностью. Сошлемся и на суждение А. Хёбеля, который полагал, что «культура суть интегрированная система заученных моделей поведения» [13, С. 5].

Как было сказано, в современной социально-философской, философско-правовой и юридически ориентированной литературе не ослабевает дискуссия по поводу того, что есть право. Приблизительно такая же ситуация имеет место и в философии культуры, и в культурологии относительно феномена «культура». Между тем прояснение смысла понятия культуры, описание и понимание культуры как сферы бытия homosapiens, как некоторой социокультурной реальности, думается, позволит нам описать и понять право в качестве имманентного составляющего элемента культуры, не отдельной реальности, имеющей свою «особую» логику развития, а лишь в качестве способа отражения реальности культуры в аспекте ее становления, сохранения, воспроизводства и функционирования как определенного Порядка жизнедеятельности человека как рода и индивида.

Итак, как же соотносятся право и культура, как взаимосвязаны их содержания, структуры, смысловые контексты, наконец, сущностные определенности?

Бесчисленное множество определений культуры, начиная с появления этого понятия в XVIII столетии, располагается в диапазоне от самого широкого – культура есть все, что создано человеком, в отличие от природы, до самого узкого, сводящего ее к культуре этикета, культуре поведения и т.п. Но все

определения фиксируют главную особенность – принципиальную отличимость культуры как явления искусственного, надприродного, творения рук и сознания человеческих. Однако изначально в понятие культуры (от лат cultura – обработка, возделывание) заложен смысл не противопоставления природе, а облагораживания ее, начиная с возделывания земли (от лат. agriculture– земледелие; греч. cultura – полеводство, от agros – поле). Не случайно это понятие и сегодня используется в сельскохозяйственной науке и практике в семантике «культивирование растений», «посевные культуры».

Иным истоком понятия культуры следует считать феномен культа как некоторой таинственной и сакральной (cultus – почитание) процедуры, связывающей человека с миром трансцендентного, скрепляющего, направляющего и регулирующего жизнь человека как рода и индивида. Связь е трансцендентным упорядочивала жизнь индивида, иерархизировала его бытие, закрепляла в образах мифа, преданиях, нравах и обычаях некоторые правила «должного бытия», табу или разрешения на тот или иной вид деятельности. Таким образом, бытие человеческое культивировалось, окультуривалось. Иначе говоря, что бы изначально ни понимать под культурой, ее исходные основания неизменно приводят нас к мысли о ценностях и ценностной природе отношения человека к бытию.

Недаром еще в XIX столетии в нарождающейся европейской аксиологии идея о ценностном подходе как принципе осмысления культуры, выявления ее специфики и содержания практически стала общепринятой. Так, скажем, на рубеже веков уже упоминавшийся нами неокантианец Г. Риккерт определял культуру как «процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития» [5, С. 48]. Та же мысль следует и из высказывания С. Франка о культуре как «совокупности осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей» [11, С. 277].

Вот что писал по этому же поводу уже во второй половине XX столетия известный грузинский философ Н. Чавчавадзе: «Рассмотреть культуру изнутри... значит... увидеть ее с точки зрения того, как и насколько воплощены в ней ценности и насколько в реальном «теле» культуры и ее феноменов осуществлено, материализовано их идеально-ценностное, духовное содержание... Культура есть не что иное, как реализация идеально-ценностных целей, как перенесение ценностей из мира должного в мир позиций...» [12, С. 231].

Подобного рода суждения, «постулирующие некоторый род интеллектуальных интуиций, представлены в работах и современных отечественных философов» [7, С. 50]. Между тем «ключевое значение для понимания истоков культуры как творения рук человеческих, имеет разработка и логическое обоснование истоков самой ценности, выявление ее природы и обоснование ее онтологического статуса» [7, С. 50]. Иначе говоря, можно предположить, что «обоснование онтологического статуса ценности есть само по себе и обоснование аксиологической природы культуры» [7, С. 50].

Разрешение этой проблемы, как нам представляется, было нами осуществлено при рассмотрении вопроса о естественных, культурных и антропологических истоках права и правогенеза. Здесь лишь напомним, что именно в ходе эволюции живого и различных уровней субъективного человек приобрел фундаментальное свойство организации своего бытия – выделять значимое и незначимое с помощью механизма оценки, позволяющего в форме психологического процесса «рассекать» реальность, телеономно и ценностно ее осваивать, закреплять в индивидуальной памяти и коллективном сознании значимое в качестве значений как элементов знания о действительности, и тем самым структурировать, иерархизировать, выделять одни ее компоненты в виде ценностей и отвергать другие как неценности. Таким образом, ценностное освоение реальности природного мира позволило человеку преодолеть голос инстинктов и выработать уникальную систему ориентиров – ценностей, внеприродных по своему существу.

Ценности возникают как рефлексивное отражение опредмечивания социальной природы человека, а следовательно, ценность – это атрибутивная характеристика социальной человеческой телеономной (целеполагающей) деятельности. Трактуемые в широком философском плане, ценности фиксируют универсальный векторный срез бытия, иерархичность его пластов, уровней и, прежде всего, человеческих предметов как особых модусов бытия и специфически воспринимаемых форм объективации человеческой деятельности. Иначе говоря, ценности культивируют мир природы, облагораживают его, творя реальное Бытие – ценностно-смысловую реальность как культуру людей.

Эта реальность в исторической эволюции человека возникла как результат накопления значений «должного быть», иначе говоря, накопления специфических связей человека с природным миром, образуя тем самым смысловое пространство использования того или иного предмета с целью удовлетворения потребностей. Так, если для древнего человека камень представлял собой значение лишь в качестве примитивного орудия труда и средства охоты, то для цивилизованного человека он функционален в значениях и строительного материала, и символа-памятника, и в качестве указателя движения и т.д. Одним словом, один и тот же материальный объект в процессе становления человеческой социабельности «обрастал» множеством значений, порождая социально-обобщенное, идеальное по форме отображение объекта как его смысла.

Таким образом, идеальное как иная, отличная от материального реальность бытия концентрировало не только совокупность значений, но и совокупность смысла как тотальное содержание ценностного отношения материального объекта к субъекту, способов организации практики и общественного бытия уже как культуры в целом. Недаром современный отечественный философ и культуролог С. Крымский определяет культуру как «творческую реализацию смысловых потенциалов освоения мира, опыта истории и заданных его возможностей очеловечивания бытия» [3, С. 163].

Ведь, скажем, идею греческого Космоса нельзя приписать какому-либо одному человеку. Как и все крупнейшие мировоззренческие построения − это плод усилий многих людей, продукт коллективной мысли. Пифагор вышел на идею Космоса, пытаясь обнаружить музыкально-математическую гармонию небесных сфер. Демокрит на ту же идею Космоса − из сложения бесконечного числа движущихся в пустоте атомов. Смысл Космоса «воплотил в себе иерархию ценностей как значений (или степеней совершенства) в котором над землей, соединившей более тяжелые, непроницаемые и темные начала, возвышались невесомые сферы небесных светил − область светлого, вечно жизненного эфира» [10, С. 31]. Именно так идеальное, интерсубъективное, социально-психологическое пространство становилось ценностно-смысловой реальностью как способ сохранения, аккумуляции и трансформации «ценностей-образцов», ценностей «должного быть», придающих смысловое начало телеономной деятельности человека. И в данной связи не так уж были неправы неокантианцы Г. Риккерт и В. Виндельбанд, постулируя сферу «должного». Неправота их состояла в ином, а именно в отрыве этой сферы от человеческого практического бытия, где сфера смысловой реальности возникает и существует как аксиосфера бытия или, что то же, культура.

Идея о том, что идеальное представляет собой ценностное образование, уже давно закрепилась в литературе. Поэтому мы здесь лишь подчеркнем, что в процессе практической деятельности и становления культуры как системы социальных отношений и ценностно-смысловой реальности ценность возникла как всеобщее духовное образование, свойство, приписываемое материальным объектам, находящимся в определенной смысловой связи как определенных значений в отношении к человеку, его потребностям, потребностям как рода и индивида.

Поскольку в своей сущности ценностно-смысловая реальность представляет собой ценностный опыт концентрации значимых отношений (хозяйственных экономических, социальных, политических, правовых и т.д.) людей, возникших и возникающих в процессе практического освоения ими мира, а также обмена деятельностью, эта реальность, в зависимости от этических, географических, хозяйственно-экономических предпосылок, становится системой общественных функций организации социума в ее конкретной социально-исторической форме или, что то же, системой конкретно-исторических ценностей, принимающей вид мировоззренческих построений: научных, религиозных, философских, идеологических и иных конструкций.

В любую эпоху, или конкретно-исторический отрезок времени, смысл объекта как ценности, т.е. с теми или иными потребностями человека, раскрывается исходя из накопленного исторического опыта. В соотнесении социального опыта как критерия индивидуальной оценки и интенциональности, движимой в конечном счете витальными основаниями человека, становится и личностная система ценностей, понимаемая нами как совокупность и структура личностных аксиологических функций [8].

Итак, мир человеческого общежития устроен как мир ценностей. Смысл бытия этого мира раскрывается как воспроизводство и конструирование новых значений предметной и духовной составляющих этого мира или, что то же, как постоянный процесс наращивания культуры. По отношению к отдельному индивиду ценностно-смысловая реальность как форма бытия духовных ценностей объективна; ценности заданы ему в качестве сферы его социальности, в том числе и природа, которая внесена в контекст культуры в качестве «первой природы», первого условия и предпосылки социабельности.

Весь мир социальности – это ценностный мир, с точки зрения человека как рода. Даже не тронутые рукой человека, при остающейся неизменной своей структурно-субстанциональной определенности, объекты природы наполняются множеством новых функциональных значений, раскрывающих смысл, вытекающий из представленного в данном уровне развития общественно-исторической практики многообразия социально-групповых, индивидуально-личных позиций и предпочтений.

Жизнь человека, таким образом, задолго до его индивидуального рождения детерминирована ценностями. Индивид вступает в мир как некоторое «аксиологическое поле» – аксиологическую сферу тотального социального мира аккумуляции человечеством ценностей организации своего бытия. Для бытия человечества весь мир измерен, измеряется, иерархизируется, и в соответствии с этим создается и воспроизводится как ценностная реальность. В ней возможны лишь акты «переоценки», но никак не выбора между ценностями и неценностями.

Таким образом, мы исходим из принципиальных установок, что:

– сущностное постижения (осмысление и понимание) культуры, т. е. постижение ее онтологического статуса, есть не что иное, как обоснование аксиологической природы культуры;

– аксиологическая природа культуры имманентна социальной эволюции человека как рода и индивида. Культура, будучи естественной средой становления человека, сама происходит из укорененной в психике человека способности (оценки реальности) бытия, тем самым созидая это бытие как иерархическое, морфологическое образование – упорядоченный мир ценностей;

– ценности представляют собой ядро культуры, ее «плоть и кровь», в системном отношении образуя аксиологическую (по типу ноосферы) сферу бытия – его (бытия) ценностно-смысловую реальность. Эта реальность возникла как результат накопления значений «должного быть», иначе говоря, специфических связей человека с природным миром, образуя тем самым смысловое пространство жизни человека как рода и индивида;

– в своей сущности ценностно-смысловая реальность представляет собой ценностный опыт концентрации значимых и смысловых отношений людей, возникших и возникающих в процессе практического освоения ими мира, а также обмена деятельностью.

Известный отечественный философ С. Крымский отмечает, что «культура как ценностно-смысловая реальность является «исторической системой и по происхождению, и по сути, выступая сферой опредмечивания человеческих сущностных сил» [2, С. 161]. «...Она (культура) становится причастной тому материнскому началу истории, которое порождает и человека, и человеческую субстанцию культурных процессов». Познать эту систему возможно лишь став на точку зрения, что «только через призму ценностных градаций и детерминаций можно понять, как складывается иерархическая онтология сфер, областей культурной жизни» [2, С. 161].

В основании осмысления культуры как «исторической системы», согласно вышеприведенному суждению, должен лежать методологический принцип рассмотрения ее как некоторого морфологического образования с присущими ему уровнями градации и проявленности. Приняв в качестве первого принципа осмысления культуры идею ее анализа как многоуровневого образования, мы, вероятно, необходимо должны сформулировать и другой принцип: на каком основании систематизировать и иерархизировать ценности, при условии/ аутентичности этих процедур логике и сущности эволюции культуры.

В качестве методологического замечания следует указать, что морфология культуры предполагает такое ее структурное строение, которое предусматривает наличие некоторых устойчивых ценностных образований, восходящих к природе и сущности человека, но функционально и динамично подчинено законам синергетики в своем системном оформлении в различных исторических контекстах взаимоотношения Человека и Бытия. Это означает, что на различных этапах истории, согласно законам синергетики, развитие различных форм ценностного сознания и ценностного отношения происходит неравномерно. Поэтому взаимодействие различных видов ценностей (религиозных, политических, правовых, эстетических, этических, художественных) и их взаимоположение в системе ценностей, борьба за доминирование в иерархии на каждом этапе развития культуры как ценностно-смысловой реальности, меняются.

Развернутое классифицирующее расчленение ценностно-смысловой реальности является достаточно сложным делом, поскольку она представляет собой динамичное и сложно организованное, развивающееся по законам синергии образование, морфология которого есть взаимодействие устойчивых элементов (религиозных, философских, идеологических, эстетических и т. д.) и многообразных форм мировоззренческих построений. Тем не менее, исходя из определения ценности, где роль субъективного начала детерминирует само понимание ценности в качестве феномена бытия, а также исходя из постулированного нами выше принципа, что морфология культуры предполагает такое ее структурное строение, которое предусматривает наличие некоторых устойчивых ценностных образований, восходящих к природе и сущности человека, можно полагать, что ценности и их системная иерархия принимают, во-первых, вид неких универсальных (абсолютных) ценностей,

природа которых есть объективация трансисторической человеческой практики в тотальной символической форме. И это суть высший уровень ценностной иерархии – общечеловеческие ценности, предельные социабельные формы бытия человека на Земле, универсалии культуры.

Во-вторых, всякий раз эти универсалии получают свое выражение в качестве определенных значений и их совокупностей как системы конкретно-исторических социальных ценностей.

И, в-третьих, ценности принимают вид личностных систем как некоторых устойчивых аксиологических функций человека, форма которых детерминирована исторической эволюцией рода «человек разумный» и представляет собой совокупность устойчивых ценностных отношений человека к бытию.

Единство и иерархичность этих трех уровней организации ценностно-смысловой реальности (культуры) и есть, на наш взгляд, аксиологическая модель иерархии культуры как таковой, т. е. ее аксиосферы, уровневая организация.

Все эти наши рассуждения носят предварительный характер, необходимый для того, чтобы очертить формальные границы размышлений о правовой реальности как составной части культуры.

Вместе с тем, полагаем, что в основании осмысления культуры как «исторической системы» должен лежать методологический принцип рассмотрения ее как некоторого морфологического образования, с присущими ему уровнями градации и проявленности; содержание уровней представляет собой систему феноменов (материальные предметы – вещи, духовные образования – идеи), которые по отношению к индивиду, точнее к его индивидуальному сознанию, выступают в качестве некоторой совокупности ценностей. Именно эта аксиологическая сфера культуры и есть не что иное, как ценностно-смысловая реальность бытия.

Специалистами давно отмечено, что если попытаться даже поверхностно ознакомиться с культурой античного, буддийского, мусульманского, средневеково-христианского, современного мира, то мы всегда столкнемся с явлением, где контекст «человек – мир» вращается вокруг некоторого очерченного множества символов-ценностей: Бога, Блага, Добра, Истины, Справедливости, Свободы, Зла, Смерти, Долга, Судьбы и т.д., выраженных, правда, в различных лингвистических формах, но семантически сходных друг с другом.

Как можно объяснить это явление с точки зрения рационального дискурса? Сошлемся на мнение Ю. Рычкова, дающее нам естественно-научную интерпретацию вышеозначенного факта. Он пишет: «В генетической структуре современных поколений в упорядоченной форме хранится информация о всех пройденных этапах этнического развития. При этом и древнейшие, и позднейшие этапы представлены равновеликими объемами генетической информации. Тем самым мы можем говорить о реальности генетической памяти поколений о своем историческом и даже доисторическом прошлом. Эта память

отличается от нашей индивидуальной и от коллективной исторической памяти тем, что в ней нет провалов и искажений, все ее пласты, и древние и поздние, генетически равновелики и, следовательно, – одинаково информативны. Такая равновеликость достигается за счет огромного «времени жизни» генов по сравнению с длительностью всего общественно-исторического процесса. Вовлеченные в этот процесс человеческие гены, как щепки в потоке, позволяют следить за его течением и выявляют строгую регулярность там, где обычно все, кроме смены общественно-экономических формаций, представляется калейдоскопическим и непредсказуемым» [6, С. 168].

Из приведенного суждения следует, что родовая генетическая память человечества как основа сознания закрепляла те исходные способы организации общественного бытия, которые, будучи осмысленными, отрефлексированными, стали теми универсальными Принципами организации социальной жизни, в которые можно уложить любое значение, связанное с сохранением жизнедеятельности человека как рода и индивида. Все зависело от культурологической интерпретаций этих универсалий как ценностей, которые могут быть признаны с различной степенью полноты и адекватности.

В процессе эволюции сформировались некоторые исходные, универсальные по своему содержанию фундаментальные составляющие человеческого бытия, которые получили общечеловеческий, абсолютный характер проявления и признания человечеством в качестве принципов родовой сущности человека. В феноменологии сознания как части ценностно-смысловой сферы реальности, или, употребляя слова Г. Гегеля, – «объективного духа» – абсолютные ценности (универсалии) предстают как исходные смыслы интерпретации и организации человеческого бытия. В контексте конкретной культуры универсалии получают различное ранговое и смысловое выражение, детерминируемое этической, политической, экономической, правовой, духовной организацией жизни людей, а это значит, что универсалии образуют ту основу морфологии культуры, внутри которой только и возможно творчески развивать национальное содержание.

Мы будем понимать под культурными универсалиями культурные же феномены, сформировавшиеся в результате историко-эволюционного процесса становления человеческой социабельности, закрепленные различными формами коллективной (родовой) памяти человечества, его интеристорической и кроссисторической структурой сознания и иными структурами ценностно-смысловой сферы реальности.

«Культура состоит из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов, она возникает в результате деятельности групп людей... Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентуированные) идеи, в первую очередь – те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой – как ее регуляторы» [14, С. 104]. В этом определении культуры, данном

К. Клакхоном, есть весьма значимое для целей нашего исследования, а именно понимания культуры как ценностного феномена, толкование ее сущности в качестве идей-ценностей, становящихся идеально-духовными ориентирами поведения людей.

Итак, право – суть система ценностей, и поэтому, будучи аспектом культуры, оно выявляет себя на всех уровнях организации бытия. Следовательно, мы можем говорить, во-первых, об абсолютном уровне бытия права, т. е. наличии неких универсалий правового бытия, во-вторых, о конкретно-исторических (этнонациональных, цивилизационных и иных) формах проявленности универсалий, а также об индивидуально-личностном уровне бытия права в качестве психологических и поведенческих компонентов.

Указание на ценностную природу права в свое время обосновывал выдающийся российский правовед и философ Н. Алексеев [1, С. 96-129]. При этом именно аксиологический критерий он использовал в качестве размежевания нравственности и права. Так, рассматривая различие между нравственными обещаниями и юридической формой, Н. Алексеев приходил к заключению о разных степенях глубины в переживаниях ценностей. При значительной глубине переживания ценности, полагал он, речь идет о нравственной сфере. Если же глубина относительно поверхностна, то мы оказываемся в правовой сфере. Не принимая такой «критерий размежевания» права и нравственности (морали), отметим принципиальный вывод Н. Алексеева о том, что право является определенным уровнем восприятия ценностей и, более того, право, с его точки зрения, есть интеллектуальный, а мораль – эмоциональный подход к ценностям [1, С. 69].

Отталкиваясь от этого суждения Н. Алексеева, можно сделать следующие методологически значимые для нашего исследования допущения: право есть определенный феномен видового уровня проявленности по отношению к ценностно-смысловой реальности бытия (культуры), которая выступает по отношению к праву как родовое образование аксиологической природы. Далее, если право является «определенным уровнем восприятия ценностей» (Н. Алексеев), то, следовательно, право предстает и как определенный уровень организации правовой психологии (переживание права, осознание права, правосознание как форма проявления сознания и т. д.).

Исходя из понимания бытия как единства объективной реальности (фактуальности) и ее отражения на различных уровнях индивидуальной и коллективной психики в качестве эмоций, переживаний, интуиций, рационально оформленных целей, концепций, т. е. как некоторой онтологической картины этой объективной реальности, мы смеем полагать, что и правовое бытие представляет собой системное единство объективно присутствующих в бытии эмпирических феноменов права как ценностей материальной природы и идеальных правовых ценностей, отражающих право в виде духовных феноменов.

Правовые ценности материальной природы есть результат трансисторического практического опыта накопления человечеством и его историческим пространственно-временным ареалом способов сохранения и поддержания социального порядка в качестве средства избегания социальноэнтропийных процессов. Опредмеченный опыт, как было сказано выше, представляет собой единство предметов в качестве символических систем, несущих в своем содержании значение и смысл, т. е. те идеи в качестве идеального (трансцендентального) компонента этих способов сохранения социабельности, позволяющих «уходить» от социальной энтропии. Именно так, на наш взгляд, возникал мир реально сущего в качестве материальных структур, закрепляющих действующие эмпирические нормы и правила поведения жизнедеятельности людей в вещах, предметах, словах, отношениях, поведенческих формах; но именно так возникала и сфера идеального «должного быть» в качестве идеальных моделей – образцов этих вещей, предметов, слов, поведенческих форм, отношений. Стало быть, культура воплощает в себе специфически человеческий способ коллективной адаптации людей к условиям своего эмпирического существования, при этом адаптацию следует понимать как способ порождения определенных предметов и действий, знаковая форма и символическое значение которых создавали уникальный мир ценностных по своей природе регуляторов порядка.

Исследуя эволюцию становления порядка как способа и формы существования культуры, мы также приходим к выводу, что право в качестве особого специфического вида социальной регуляции и особого творца порядка возникает в результате рефлексивного, аксиологического в своей сущности отражения опредмечивания социальной природы человека; таким образом, право есть атрибутивная характеристика социокультурной человеческой телеономной деятельности. В этом состоит субстанциальная основа права, впрочем, как и иных регулятивов человеческого бытия – нравственности и морали: быть объективными социальными ценностями и одновременно существовать в действительности в качестве психологических феноменов аксиологической (ценностной) природы.

«Главное в реальности права, – пишет С. Максимов, – заключается в особом способе его проявления, в том, что оно действует на человека. Это особый вид действия – действие не по внешней причине, а по внутреннему побуждению. Оно относится к сфере значимости, отличающейся от сферы эмпирически-социальных проявлений... Как особое измерение мира человека он (мир права) строится по законам, которые отличаются от законов эмпирического мира, а его структурными элементами выступают не факты, а смыслы и значения» [4, С. 154].

Выводы. Таким образом, будучи сферой ценностей, право представляет собой не особую качественно отличную от культуры ценностно-смысловую правовую аксиосферу, а лишь ее (культуры) специфический способ проявленности, грань, с присущими этому способу (грани) характеристиками. И

в этой связи задача философско-правового анализа права состоит в исследовании права как аспекта, грани социального бытия, где это бытие сохраняет свою сущность, проявляясь лишь в правовой модальности. Поэтому право, скажем, интересует не сама по себе личность, а правовая личность (homojuridicus), не просто социальные нормы, а их правовая ипостась. Иначе говоря, философское постижение права означает погружение в право как мир особых культурных феноменов, причем эта особенность выражается не общим сущностным определением культуры – быть ценностью, т. е. обладать значением и смыслом (эти модусы присущи всем явлениям культурного мира – искусству, науке, религии, политике и т. д.), а тем, как эти значения и смыслы приобретают правовые измерения.

Итак, право представляет собой иерархическую систему ценностей объективной (материальной по своей природе), а также интерсубъективной и индивидуально-субъективной (идеальной по своей сути) проявленности, где имеют место их (ценностей бытия) абсолютные, конкретно-исторические и экзистенциально-личностные контексты. Дело лишь заключается в том, чтобы выстроить эту иерархию права как систему ценностей, руководствуясь изначально принципом, что ценности культуры задают содержание, логику становления и феноменологию ценностей права.

Список литературы

1. Алексеев, Н.Н. Основы философии и права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 218 с.
2. Крымский, С.Б. Философия как путь человечности и надежды / С.Б. Крымский. – К.: Курс, 2000. – 308 с.
3. Культура и развитие человека : Очерк филос.-методол. пробл. / Отв. ред. В.П. Иванов] – К.: Наук. думка. 1992. – 320 с.
4. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. – Х.: Право, 2002. – 328 с.
5. Риккерт, Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Логос.–1914. – Т.1. – Вып. 1. – С. 45-49
6. Рычков, Ю.Г. История как фактор генетического развития народонаселения / Ю.Г. Рычков // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – 504 с.
7. Самосознание европейской культуры XX века : Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современ. обществе : [Сборник : Перевод / Вступ. статьи Р.А. Гальцевой, И.Б. Роднянской; Примеч. С.С. Аверинцева и др.]. - Москва : Политиздат, 1991. – 365 с.
8. Сержантов, В.Ф. Природа человека и его судьба / В.Ф. Сержантов. – СПб.: ПАНИ, 1994. – 428 с.
9. Соловьев, Э. Право, свобода, демократия (материалы «Круглого стола») / Э. Соловьев // Вопросы философии. – 1990. – №6 – С. 3-32.
10. Филатов, В.П. Научное познание и мир человека / В.П. Филатов – М.: Политиздат, 1989. – 263 с.

11. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк // Русское зарубежье. – Л.: Лениздат. 1991. – С. 243-434.
12. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1984. - 171 с.
13. Hoebel E. Adamson Antropology: The Study of Man. – N.Y., – 1953.– P. 5.
14. Kroeber A., Kluckhohn C. Critical concepts and definition // Paper of Pealogy museum of American Archeology and Ethnology. - N.Y. – 1959. – P. 104.
15. Wissler C. An introduction to the social antropology. – N.Y. – 1929. – P. 15.

УДК 347.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ПО РЕШЕНИЮ СУДА

Дрёмова А.В., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: anvidremova@yandex.com)

Данная статья посвящена анализу правовых аспектов, касающихся изменений и расторжения договоров по судебному решению. Автор приходит к выводу, что суд вправе вносить изменения в договор или полностью его аннулировать, при условии, что законность такого решения была подтверждена в ходе судебного процесса. Тем не менее, одни и те же обстоятельства могут как оправдывать, так и не оправдывать решение суда о внесении изменений или расторжении договора. В связи с этим автор предлагает ввести в законодательство более четкие и однозначные формулировки, чтобы избежать неоднозначности в правоприменении, что позволило бы сделать судебную практику более предсказуемой и устранить потенциальные несоответствия при рассмотрении подобных дел. Определение четких критериев и условий для правомерности изменений или расторжения договоров может значительно улучшить правоприменительную практику и защитить интересы сторон, вовлеченных в судебные разбирательства.

Ключевые слова: *договор, изменение договора, расторжение договора, невыполнение условий договора, изменение обстоятельств договора.*

SOME ASPECTS OF MODIFICATION AND TERMINATION OF A CIVIL LAW CONTRACT BY A COURT DECISION

Dremova, A.V.

This article is devoted to the analysis of legal aspects concerning amendments and termination of contracts by court decision. The author concludes that the court has the right to amend the contract or cancel it completely, provided that the legality of such a decision has been confirmed during the trial. Nevertheless, the same circumstances may or may not justify the court's decision to amend or terminate the contract. In this regard, the author suggests introducing clearer and more unambiguous formulations into the legislation in order to avoid ambiguity in law enforcement, which would make judicial practice more predictable and eliminate potential inconsistencies in the consideration of such cases. Defining clear criteria and conditions for the legality of changes or termination of contracts can significantly

improve law enforcement practices and protect the interests of the parties involved in litigation.

Keywords: *contract, modification of contract, termination of contract, failure to fulfill the terms of the contract, change of circumstances of the contract.*

Актуальность темы исследования. Гражданско-правовой договор – краеугольный камень гражданского права, пронизывающий все сферы общественной жизни и регулирующий имущественные отношения как предпринимателей, так и обычных граждан. Его растущая популярность, порождающая всё больше спорных ситуаций, делает тему договора актуальной и всё более привлекательной для изучения.

Постоянное развитие гражданского оборота, рождающего новые виды договоров, требует создания для них специального правового режима. Появление многочисленных смешанных договоров усложняет правовое регулирование, заставляя анализировать не только доктринальные положения, но и судебную практику. Эта потребность в практическом осмыслении и решении проблем, связанных со смешанными договорами, делает тему договора не только актуальной, но и чрезвычайно важной для практикующих юристов.

Актуальность исследования вопросов, связанных с изменением и расторжением договоров по решению суда, действительно велика, ведь это обусловлено тем, что данные аспекты занимают важное место в рамках гражданского права. Обычно судебные решения по поводу изменения или прекращения договора выносятся, когда стороны не могут прийти к общему согласию о продолжении или внесению изменений относительно условий соглашения. В связи с этим, анализ вопросов, касающихся данной темы, представляет собой значимую задачу как для физических лиц, так и для юридических лиц.

Непосредственно изучение рассматриваемых вопросов необходимо для понимания правовых последствий и защиты интересов сторон в разных ситуациях. Значимость исследования подчеркивается тем, что оно позволяет более глубоко осмыслить механизмы, которые стоят за изменением и расторжением договоров, а также выявить тенденции и проблемы, возникающие в процессе применения норм гражданского законодательства. Это делает тему особенно актуальной в условиях динамичной правовой среды и постоянных изменений в сфере гражданского оборота.

В целом, актуальность должна быть подкреплена конкретными примерами и показателями, демонстрирующими важность исследуемой проблемы в современном обществе.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты изменения и расторжения гражданско-правовых договоров в последнее время рассматривались такими учеными, как Н.А. Абляпитова, С.Е. Андреев, О.Н. Захарова, М.А. Егорова, Т.Ю. Епифанцева, Ю.И. Купцова,

А.А. Овчинников, Е.В. Позднышева, И.А. Сивачева, И.А. Стрельникова, О.О. Фалилеев, А.И. Федотова, А.В. Шабнова и др.

Тем не менее, поскольку судебное изменение или прекращение договоров является редкой ситуацией, возникает необходимость в дополнительных исследованиях этого вопроса и нахождении решений для его устранения.

Цель статьи состоит в комплексном анализе изменения и расторжения гражданско-правового договора по решению суда.

Изложение основного материала. Прежде чем, перейти к рассмотрению непосредственно темы настоящей статьи, считаем необходимым раскрыть понятие гражданско-правового договора как такового в научной литературе и в законодательстве, в частности.

Таблица 1.

Понятие гражданско-правового договора

Ученый	**Понятие**
Г.Ф. Шершеневич	«соглашение двух или более лиц, направленное к установлению, изменению или прекращению юридических отношений» [1, С. 54]
И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц	«соглашение двух или нескольких (граждан или юридических) лиц об установлении, изменении или прекращении каких-либо прав и обязанностей» [2, С. 63]
О.С. Иоффе	«соглашение двух или нескольких лиц о возникновении, изменении или прекращении гражданских правоотношений» [3, С. 71]
Б.И. Пугинский	«соглашение двух или большего числа лиц об осуществлении определённых действий и установлении регулирующих такие действия взаимных прав и обязанностей, исполнение которых обеспечивается возможностью государственного организационного принуждения» [4, С. 82]
А.Ю. Кабалкин	«правовой инструмент, при помощи которого стороны выражают и согласовывают свою волю, при этом факт согласования воли должен быть надлежащим образом выражен для восприятия как самими контрагентами, так и другими лицами» [5, С. 93]
Законодательное определение «Договора»	
ч.1 ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)	соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [6]

Таким образом, среди различных определений гражданского договора можно выделить несколько его основных характеристик:

– сделка, в которой участвуют две или более сторон. Данный аспект подчеркивает, что такой тип договора служит основой для возникновения, изменения или прекращения прав, исходя из достигнутого соглашения между сторонами. Важность этой характеристики заключается в том, что без согласия всех участников невозможно легитимное оформление правовых отношений.

Для его установления необходимо согласие всех участников. Этот момент опирается на основной принцип гражданского права – свободу договора, которая подразумевает, что большинство гражданских договоров имеет свободный характер, что соответствует требованиям экономического развития и природе гражданских отношений.

Участники таких отношений способны самостоятельно определять и реализовывать свои права в своих интересах.

Они имеют право устанавливать свои обязательства при помощи договора и формулировать любые условия, не противоречащие действующему законодательству;

– он рассматривается как юридический факт, способный создавать, изменять или отменять гражданские права и обязанности, что можно наглядно проиллюстрировать примерами лизинга, который становится все более востребованным среди юридических лиц.

Рассмотрев понятие гражданско-правового договора и его признаки, перейдем непосредственно к раскрытию темы настоящей статьи.

Так, стоит отметить, что «по требованию одной из сторон договора в случае получения отказа от второй стороны о его изменении и расторжении, договор может быть изменен или расторгнут исключительно по решению суда в следующих случаях:

1) при существенном нарушении договора другой стороной;

2) в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами;

3) в случаях, предусмотренных договором».

В соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ, «существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет причинение ущерба для другой, при котором она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора».

«Сторона, которая требует в суде изменения или расторжения договора в связи с существенным его нарушением, должна доказать существенный характер нарушения и сам факт нарушения договора».

В соответствие с российским гражданским законодательством изменение и расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается судами в исключительных случаях только тогда, когда случившаяся обстановка противоречит общественным интересам, а также повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий

затраты, необходимые для исполнения договора.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на трудности в применении судами ст. 451 ГК РФ, связанные с использованием таких оценочных понятий как «непредвиденность» и «существенность» [6].

Изменение и прекращение договоров через суд может быть осуществлено в упрощенном формате, без необходимости доказывать значительность нарушения для заинтересованной стороны или важность изменения обстоятельств. Достаточно подтвердить наличие оснований, предусмотренных ГК РФ, другими законами или самим договором.

К примеру, ГК РФ «предоставляет дарителю возможность инициировать расторжение договора, если действия одаряемого с подаренной вещью, для дарителя имеющей большую нематериальную ценность, создают риск ее окончательной утраты. В дополнение, арендодатель может требовать завершения договора аренды, если арендатор существенно ухудшает состояние имущества или дважды не выполняет обязательства по оплате аренды в установленные договором сроки» [6].

Дополнительные основания для расторжения содержатся в других кодексах, например:

Таблица 2.

Статья кодекса Российской Федерации	**Основания**
статья 46 Земельного кодекса РФ	«предоставляет арендодателю право на расторжение, если арендатор неправомерно использует земельный участок» [7]
часть 3 статьи 74.1 Лесного кодекса РФ	«возможность расторжения договора, если арендатор существенно изменяет характеристики лесного участка государственной или муниципальной собственности» [8]

В качестве примера также приведем, как согласовать условия об изменении или расторжении договора подряда по решению суда, а именно:

«Стороны вправе согласовать в договоре виды нарушений, которые они считают существенными (п. 4 ст. 421 ГК РФ).

Примеры условия:

«Нарушение сроков выполнения работы более чем на 14 дней является существенным нарушением условий договора. В случае совершения подрядчиком такого нарушения заказчик вправе обратиться в суд с требованием о расторжении договора».

В договоре можно предусмотреть условие о том, что при определенных нарушениях сторона вправе потребовать расторжения договора без указания на их существенность. Данное условие в соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ не

предполагает оценки судом существенности нарушения. Поэтому для привлечения стороны договора к ответственности достаточно доказать факт совершения ею нарушения, что может представлять риск для заказчика, связанный с необходимостью возмещать убытки, причиненные расторжением договора» [9].

Непосредственно в юридической практике отсутствует единое мнение относительно того, какие изменения следует классифицировать как значимые. Часто одна и та же ситуация может быть признана таковой в одном судебном процессе и не рассматриваться как таковая в другом. Это зависит от конкретных обстоятельств дела и позиций суда.

Суды зачастую не признают его существенным изменением. При рассмотрении таких дел суды нередко указывают на недостаток доказательств. Это может быть связано с отсутствием четкой позиции Верховного суда, так как нормы гражданского кодекса предоставляют лишь общие направления, что усложняет объективную оценку.

Законодатель разрешает изменение договора через суд только в исключительных случаях, при наличии особых условий, как указано в п. 2 ст. 451 ГК РФ [6].

Важно отметить, что судебное изменение или расторжение договора осуществляется в рамках гражданского и арбитражного процессов. В зависимости от характера договора и особенностей спора компетентным судом может оказаться как суд общей юрисдикции, так и арбитражный. Суд, принимая решение, может указать на необходимость внесения изменений в условия договора, его прекращение или предложить иные меры для восстановления нарушенных прав и интересов участников договорных обязательств.

Примером расторжения договора по решению суда может служить дело № А32-46209/2016, рассмотренное Арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области, «в этом деле строительная организация обратилась в суд с иском о расторжении договора подряда на выполнение работ по строительству жилого дома. Суд рассмотрел дело и вынес решение о расторжении договора, поскольку заказчик нарушил условия договора, несвоевременно оплачивая работы исполнителя» [10].

Как отмечалось выше, изменение или расторжение договора по решению суда может быть осуществлено в соответствии со ст. 450 ГК РФ, «согласно данной статье, если в результате изменения обстоятельств, на которые ни одна из сторон не могла повлиять, исполнение договора стало для одной из сторон чрезмерно тяжелым, то эта сторона вправе требовать изменения условий договора.

При этом изменение договора должно быть согласовано обеими сторонами или установлено судом» [6].

Важно подчеркнуть, что изменения или аннулирование договора по решению суда должны соответствовать нормам российского законодательства. Суд обязан оценить все обстоятельства дела и принимать решения, исходя из

правовых норм и принципов.

Таким образом, пересмотр и расторжение договора через суд являются законными действиями, проводимыми в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Выводы. Гражданский договор формирует правовую структуру, регулирующую взаимоотношения сторон, обеспечивая защиту их интересов и прав. Это взаимодействие должно быть четко обозначено в договоре, чтобы избежать недоразумений и обеспечить выполнение обязательств.

Ключевыми аспектами являются согласованность и взаимное понимание сторон, что является основой для любого эффективного сотрудничества в рамках гражданско-правового договора.

Непосредственно, в связи с изменением и расторжением договора через суд можно выделить несколько важных моментов:

во-первых, необходимы определённые условия, установленные как законодательством, так и самим договором;

во-вторых, именно та сторона, которая желает прекратить действие договора, должна будет подтвердить наличие этих условий;

в-третьих, законодательные положения о причинах для расторжения содержат множество оценочных категорий (таких как непредвиденные обстоятельства, значительность изменений и соотношение интересов), что затрудняет работу судов.

Отсутствие разъяснений от высших инстанций также приводит к тому, что такие нормы редко применяются. Поэтому важно уточнить, как суды должны трактовать эти оценки и развить перечень условий, относящихся к значительным изменениям;

в-четвёртых, изменение условий договора в судебном порядке требует наличия исключительных обстоятельств для предотвращения произвольного вмешательства;

в-пятых, до начала судебного процесса сторонам рекомендуется попытаться разрешить спор мирным путём, что облегчит нагрузку на судебную систему;

наконец, обязательства до расторжения остаются в силе, а само расторжение прекращает обязательства на будущее.

Список литературы

1. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 148 с.
2. История советского гражданского права [Текст] / И.Б. Новицкий ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражданского права. – Москва : Госюриздат, 1957. – 327 с.
3. Избранные труды по гражданскому праву : Гражданское право : Из истории цивилист. мысли. Гражд. правоотношение. Критика теории «хоз. права» / О.С. Иоффе ; [Редкол. Маковский А.Л., Шилохвост О.Ю.; Каф. гражд. права

Юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова]. – [2-е изд., испр.]. – Москва : Консультант плюс : Статут, 2013. – 780 с.
4. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях [Текст] / Б.И. Пугинский. – Москва : Юрид. лит., 2014. – 224 с.
5. Гражданско-правовые договоры в России : Общ. положения : Курс лекций / А.Ю. Кабалкин. – Москва : Юрид. лит., 2002. – 222 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) – URL: https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482692&dst=102047&cacheid=3A8965B4FEFD04B2716B25D58DAC7CB0&mode=splus&rnd=HmubEdUuQPQDJPXI1#QP1cEdUtV584OOcL – (дата обращения:19.02.2025).
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.01.2025) – URL: https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=481376&dst=0&rnd=HmubEdUuQPQDJPXI1#0KVcEdUNZW1PCmg4 – (дата обращения: 19.02.2025).
8. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) – URL: https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=480012&dst=1000000001&cacheid=81358B06F8857BF54311D02199B9FFED&mode=splus&rnd=HmubEdUuQPQDJPXI1#8vhcEdU0zH3recFO – (дата обращения 19.02.2025).
9. Как согласовать условия об изменении или расторжении договора подряда по решению суда – URL: https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=155628&dst=100079&cacheid=F02996CCF3D1C6D7C9F72645F26B6385&mode=splus&rnd=HmubEdUuQPQDJPXI1#ifLgEdUKN4UNWHJo – (дата обращения:19.02.2025).
10. Постановление от 25 ноября 2022 г. по делу № А32-46209/2019 – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/31TtHdiv9mY4/ – (дата обращения 19.02.2025).

УДК 343.21

ВИДЫ ФАКТОРОВ ОШИБОК В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коваленко Э.Д., кандидат юридических наук, главный инспектор инспекции штаба МВД по Донецкой Народной Республике, полковник внутренней службы (г. Донецк)
(e-mail: edvard.pakhomoff.40@mail.ru)

В статье проведен анализ причин ошибок в квалификации преступлений. Обращается внимание не только на то, какие факторы признаются в литературе причинами ошибок в квалификации преступлений, или их условиями, но и на их систематизацию. Систематизация причин ошибок необходима потому, что отдельные причины действуют не изолированно, а в сочетании с другими. Автором сделан вывод о том, что увеличение количества выявленных ошибок вовсе не обязательно свидетельствует об ухудшении качества работы органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-правовую квалификацию преступлений. И, наоборот, уменьшение количества измененных или отмененных приговоров, дел, направленных для дополнительного расследования (по мотивам неправильной квалификации) вовсе не обязательно является свидетельством улучшения работы.

Ключевые слова: *квалификация преступлений, ошибки в квалификации преступлений, факторы ошибок.*

TYPES OF ERROR FACTORS IN THE QUALIFICATION OF CRIMES

Kovalenko, E.D.

The article analyzes the causes of errors in the qualification of crimes. Attention is drawn not only to what factors are recognized in the literature as the causes of errors in the qualification of crimes, or their conditions, but also to their systematization. Systematization of the causes of errors is necessary because individual causes do not act in isolation, but in combination with others. The author concludes that an increase in the number of identified errors does not necessarily indicate a deterioration in the quality of work of bodies and officials involved in the criminal legal qualification of crimes. Conversely, a decrease in the number of amended or overturned sentences and cases sent for additional investigation (based on incorrect qualifications) is not necessarily evidence of an improvement in work.

Keywords: *qualification of crimes, errors in the qualification of crimes, error factors.*

Актуальность темы исследования. Курс на укрепление правового государства обусловливает повышение требований к правоприменительной деятельности. В связи с этим важное значение приобретает выявление, устранение и предупреждение ошибок, которые допускаются в ходе применения правовых норм. Особую актуальность эта проблема приобретает для уголовного права, поскольку любая неточность, отклонение в применении уголовного закона затрагивает интересы государства и общества в сфере противодействия преступности.

Любые масштабные изменения в законодательстве означают, что перед практикой возникает много вопросов, которые еще не получили освещения в литературе, по которым не сформирована позиция органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Это является объективной предпосылкой ошибок в применении закона и их реального допущения.

Анализ научных исследований. Проблема ошибок в квалификации преступлений не нова для юридической науки. Отдельные ее аспекты рассматривались такими учеными как М.И. Бажанов, В.В. Борисов, Е.В. Благов, Я.М. Брайнин, М.А. Гельфер, В.А. Глушков, Н.И. Загородников, Ю.Ф. Иванов, Е.И. Каиржанов, А.Ф. Кистяковский, И.Я. Кливер, Г.А. Кригер, В.Н. Кудрявцев, Б.А. Куринов, И.С. Ной, А.А. Пионтковский, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин, А.И. Чучаев и другие. Этими авторами сделан значительный вклад в теоретическое обоснование проблемы ошибок в квалификации преступлений, разработку научных основ ее решения.

Цель исследования. Целью исследования является анализ ошибок в квалификации преступлений, факторов ошибок в квалификации преступлений, а также форм, способов выявления и предупреждения ошибок в квалификации преступлений.

Изложение основного материала. Научный анализ причин ошибок в квалификации преступлений предполагает критическую оценку того, как решается этот вопрос в опубликованных работах других авторов. При этом главное внимание должно быть обращено не только на то, какие факторы признаются в литературе причинами ошибок в квалификации преступлений, или их условиями, сколько на их систематизацию [1]. Систематизация причин ошибок нужна потому, что отдельные причины действуют не изолированно, а в сочетании с другими.

Систематизация предполагает сведение разрозненных знаний о предметах (явлениях) объективной действительности в единую научную систему, установление их единства. Систематизация является отражением материального единства мира и основывается на изучении существенных связей, объединяющих эти предметы (явления). Она опирается на классификацию, анализ и синтез исторических свойств определенной объективной системы, а осуществляется в форме соответствующих логических систем – теории, гипотезы и тому подобное. Систематизация всегда односторонняя, ибо логические системы неспособны исчерпывающе отразить закономерности объективных систем. Диалектическое противоречие между

стремлением науки к всеобъемлющей систематизации знаний и невозможностью ее осуществления развязывается совершенствованием познания человеком действительности [2].

Построение системы причин ошибок в квалификации преступлений означает определение их порядка, обусловленного правильным расположением частей, структурного ряда, связанного целого, совокупности принципов, положенных в основу определенного учения.

В научной литературе обоснованию того, почему те или иные факторы признаются причинами ошибок в квалификации преступлений и их систематизации, должное внимание пока не уделялось. Хотя было бы неправильным сказать, что оно оказалось совсем обойденным вниманием исследователей. Так, И.Л. Петрухин предложил концепцию причин судебных ошибок (к которым относятся и причины ошибок в квалификации преступлений), согласно которой такие причины подразделяются на три группы:

а) причины ошибок, связанные с нарушением принципов и конкретных требований норм материального и процессуального права;

б) причины ошибок, заключающихся в недостатках общих условий осуществления правосудия и недостаточном уровне подготовки судей, следственных и прокурорских работников; особенностях их правосознания; условиях их жизни и трудовой деятельности; ненадлежащей организации судебной системы; эффективности деятельности участников процесса; в недостаточном уровне информационного обслуживания судебной системы;

в) причины ошибок, имеющих корни в состоянии общих видов гарантий законности: экономических, идеологических, политических и юридических [3, С. 100-101].

Таким образом, в основу классификации причин ошибок положена степень обобщения причин судебных ошибок. В целом, такая классификация имеет право на существование, она позволяет выделить непосредственные и более отдаленные причины ошибок – те, которые действуют опосредованно, через другие факторы. Вместе с тем И.Л. Петрухин не различает причин и условий судебных ошибок. В свою очередь это стоит на пути определения роли и значения отдельных факторов в допущении ошибки.

Классификацию, предложенную И.Л. Петрухиным, воспринял и Н.Н. Вопленко. В то же время он разработал и модернизировал концепцию, рассмотренную выше. Наиболее весомым вкладом Н.Н. Вопленко в классификацию факторов, обусловливающих ошибки в правоприменении, является их разделение на причины и условия. Причины ошибок в правоприменении Н.Н. Вопленко называет внутренними или конкретными причинами ошибок в правоприменении. Условия же ошибок в правоприменении, по мнению этого автора, это обстоятельства, которые опосредованно связаны с ошибками, влекут за собой их возникновение. Такие факторы Н.Н. Вопленко признает внешними причинами ошибок в правоприменении [4, С. 103].

Разделение факторов, обусловливающих ошибки в правоприменении, является существенным вкладом в развитие учения о причинах ошибок в правоприменении. Однако, к сожалению, только этим разделением Н.Н. Вопленко и ограничился. К тому же, анализируя причины ошибок в правоприменении, он и сам, по сути, не делит ее на причины и условия.

Определенное внимание исследованию причин ошибок в квалификации преступлений и их классификации уделил А.В. Наумов. По его мнению, причины неправильного применения уголовного закона могут быть сведены к трем основным разновидностям:

– недостатки в деятельности судебных и прокурорско-следственных органов. К этой разновидности он относит не всегда четкое знание уголовно-правового закона практическими работниками, нередко поверхностное знакомство практических работников с постановлениями Пленумов Верховного Суда СССР и его практикой, недостаточное знание некоторыми работниками положений уголовно-правовой теории;

– наличие слабых мест в теории уголовного права. Под такими недостатками он понимает отсутствие единой позиции по ряду важных теоретических вопросов, противоречивость учебников и комментариев, что иногда дезориентирует прокурорских работников;

– несовершенство формулировки некоторых уголовно-правовых норм, законодательной техники. Имеется в виду отсутствие законодательной расшифровки некоторых важнейших уголовно-правовых понятий и применение оценочных понятий, что также приводит к различному их пониманию [5, С. 153-155].

Обращает на себя внимание то, что А.В. Наумов, рассматривая причины ошибок в применении уголовного закона, отдельно выделяет среди них причины ошибок в квалификации преступлений, причины ошибок в назначении наказания и причины других видов ошибок в применении уголовного закона. Выделяя отдельные виды таких причин, А.В. Наумов классифицирует их с учетом отраслей юридической деятельности, с которыми связаны те или иные недостатки. Безусловно, такая классификация способствует выделению отдельных видов причин, их разграничению. Однако, это лишь одно из немногих возможных делений.

Анализируя причины уголовно-правовых судебных ошибок в квалификации преступлений, И.Я. Кливер разделяет их на субъективные: а) недостатки профессиональной подготовки некоторых судей и порой слабая активность народных заседателей при решении вопросов квалификации; б) небрежность, которая иногда допускается (например, осуждение лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность) и объективно-субъективные : а) неясность некоторых разъяснений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик; б) недостатки редакции, неточности или неясности некоторых статей уголовного законодательства [6, С. 15]. Кроме того, причины неправильной квалификации преступлений этот автор рассматривает только в отношении хулиганства, преступлений против собственности и против личности. И.Я. Кливер также отмечает, что способствовать уголовно-правовой ошибке может и наличие так

называемого «психологического штампа» (зависимость от квалификации, данной в обвинительном заключении) и, наконец, объективная сложность дела [6, С. 15].

Необходимо отметить, что И.Я. Кливер исследовал только судебные ошибки в квалификации преступлений. Поэтому за пределами его анализа оказались причины следственных ошибок, которые занимают определенное место в общей системе причин ошибок в квалификации преступлений. Сами критерии классификации причин ошибок в квалификации преступлений, которые называет И.Я. Кливер – «субъективные» и «объективно-субъективные» – показывают, что проводимая им классификация не может быть признана логически правильной. Ведь любое явление может быть по своему характеру либо объективным, либо субъективным.

Важно также отметить, что И.Я. Кливер не проводит разделения факторов, которые вызывают ошибки в квалификации преступлений, на причины и условия. Поэтому, исходя из его концепции, трудно объяснить, почему недостатки законодательства для одних следователей, прокуроров и судей выступают причинами ошибок в квалификации, а другие же квалифицируют содеянное правильно. Это же касается и объективной сложности дела, которая сама по себе неизбежно ошибку в квалификации не вызывает. Вызывает сомнение то, что к причинам ошибок в квалификации преступлений относится халатность лица, применяющего уголовный закон. Халатность, как об этом уже говорилось при формулировании понятия ошибки в квалификации преступлений, выступает не причиной ошибки, а признаком понятия ошибки.

Таким образом, приходится констатировать, что в вопросе анализа причин судебных ошибок И.Я. Кливер, как и другие исследователи этой проблемы, сделал лишь первые шаги.

Как уже отмечалось, исследование причин и условий ошибок в квалификации преступлений предусматривает их классификацию и систематизацию. В свою очередь это связано с установлением критериев классификации факторов неправильной уголовно-правовой квалификации. Классифицировать такие факторы можно по многим основаниям. Среди них могут быть:

– те, которые лежат в основе классификаций, которые уже предлагались в литературе;

– такие, которые вытекают из классификации самих ошибок в квалификации;

– которые базируются на проведенном анализе понятия причин ошибок в квалификации.

Так, по социальному значению факторы ошибок в квалификации преступлений могут быть поделены на негативные и позитивные. Негативные факторы ошибок в квалификации преступлений – это причины и условия неправильной квалификации. Позитивные факторы – это то, что выше называется «антипричинами» – причины и условия, которые обеспечивают правильную квалификацию. Они противодействуют совершению ошибки или ее сохранению, способствуют выявлению, устранению и предупреждению ошибок в квалификации преступлений.

По характеру влияния на допущенную ошибку факторы ошибок в квалификации преступлений могут быть разделены на причины ошибок и условия

ошибок. Как уже отмечалось, причины – это факторы, которые закономерно, неизбежно ведут к ошибке в квалификации преступлений, а условия – это то, что облегчает действие причин, создает негативный фон, на котором развиваются причины ошибок в квалификации преступлений. Во многих случаях различие причин и условий ошибок в квалификации преступлений невозможно, либо нецелесообразно. Поэтому, там, где в этой работе говорится о факторах ошибок в квалификации преступлений, имеются в виду как причины ошибок в квалификации преступлений, так и их условия.

По сфере распространения могут быть выделены такие факторы ошибок в квалификации преступлений: общие, особенные и единичные. Общие – это те, которые касаются ошибок в квалификации любых преступлений; особенные – которые являются причинами и условиями ошибок в квалификации определенных категорий преступлений (например, ошибок в квалификации убийств, ошибок в квалификации преступлений против собственности, ошибок в квалификации неоконченных преступлений, ошибок в квалификации преступлений, совершенных в соучастии и т.д.); единичные – те, которые являются причинами и условиями ошибок в квалификации конкретного преступления.

По осознанности факторы ошибок в квалификации преступлений могут быть поделены на объективные и субъективные. Субъективные факторы – это те, которые касаются личности субъекта квалификации, его воли и сознания. Объективные же факторы относятся к причинам и условиям ошибок в квалификации преступлений, которые являются фактами действительности и существуют независимо от воли лица, осуществляющего квалификацию преступлений.

По стадиям уголовного процесса, на которых допущена ошибка, могут быть выделены: причины и условия следственных ошибок; причины и условия судебных ошибок; причины и условия ошибок, которые выявляются на всех стадиях уголовного процесса.

Факторы ошибок в квалификации преступлений с учетом юридических последствий ошибок для положения лица, деяния которого квалифицируются могут быть поделены на: причины и условия ошибок, которые заключаются в ухудшении положения лица, деяния которого квалифицируются; причины и условия ошибок, которые ведут к улучшению положения лица, деяния которого квалифицируются.

По характеру взаимодействия факторы ошибок в квалификации преступлений можно разделить на: изолированные, то есть те, действие которых проявляется безотносительно к действию других причин и условий ошибок в квалификации преступлений; системные – которые действуют в совокупности с другими факторами ошибок. При этом, если преобладающим является действие негативных факторов, то имеют место ошибки в квалификации преступлений, а при преобладании положительных факторов происходит правильная квалификация.

По происхождению факторы ошибок в квалификации преступлений могут быть: первоначальные и производные. Первоначальными предлагается считать такие факторы ошибок в квалификации, которые возникают и существуют сами по себе. Это, преимущественно, причины ошибок в квалификации преступлений.

Производные – те, которые порождены другими факторами. Ими обычно выступают условия ошибок в квалификации преступлений.

По частоте повторения могут быть выделены причины и условия единичных, типичных и массовых ошибок в квалификации преступлений. Причины и условия единичных ошибок – это факторы, которые проявляются однократно или несколько раз, но при отсутствии связи между ними. Причины и условия типичных ошибок – тех, которые проявляются при квалификации определенных категорий преступлений, определенных типов преступной деятельности, когда имеет место взаимосвязь между отдельными ошибками и причинами и условиями их допущения. Причины и условия массовых ошибок – это факторы, которые являются достаточно распространенными, когда ошибки являются скорее закономерностью, чем проявлением случайности.

По направлению действия факторы ошибок в квалификации преступлений могут быть поделены на: причины и условия совершения (допущения) ошибок в квалификации преступлений и причины, и условия сохранения ошибок. К первым относятся причины и условия, которые вызывают появление ошибки (в действиях лица, которое первым осуществляет квалификацию). Они активны по своему действию, поскольку вызывают, порождают ошибки в квалификации преступлений. Вторые же из названных факторов – пассивные, ибо они препятствуют устранению ошибки, касаются бездействия участников процесса, которые обязаны выявить и исправить ошибки в квалификации преступлений.

Перечень критериев разделения причин ошибок в квалификации преступлений может быть продлен едва ли не до бесконечности. Предложенная выше классификация факторов ошибок в квалификации преступлений построена на дихотомическом делении, преимущества которого обосновывались выше. Наряду с очевидными положительными чертами, такое разделение не лишено и определенных изъянов. Наиболее очевидный из них касается того, что одни и те же, или родственные причины и условия ошибок в квалификации преступлений относятся одновременно к нескольким классификационным группам, выделенным по разным критериям [7]. Это допустимо, исходя из необходимости соблюдения логических правил классификации. Однако, попытка разностороннего и глубокого анализа отдельных причин ошибок в пределах каждой классификации неизбежно повлечет за собой повторение, громоздкость изложения материала.

Прежде всего, остановимся на тех факторах ошибок в квалификации преступлений, которые связаны с деятельностью отдельных участников процесса, выявляются на тех или иных стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

Как уже отмечалось, представляется целесообразным наряду с факторами, действующими на всех стадиях уголовного процесса, отдельно выделять факторы таких ошибок в квалификации преступлений на предварительном расследовании и судебных стадиях, а также указать на специфику действия общих причин в отношении отдельных стадий уголовного процесса.

К факторам, которые специфичны для следственных ошибок в квалификации преступлений, относятся:

– недооценка значения правильной квалификации по сравнению с другими сторонами деятельности следователя;

– отсутствие надлежащей требовательности к органам предварительного расследования относительно правильности квалификации преступлений;

– существующие критерии оценки качества работы органов дознания, следователей и прокуроров;

– существующие статистические показатели, отражающие проведение предварительного расследования [8, С. 71-85].

Существуют особенности и в причинах ошибок в квалификации преступлений, которые допускаются на судебных стадиях уголовного процесса. Среди причин судебных ошибок в квалификации преступлений обращают на себя внимание следующие:

– корпоративная солидарность судей с работниками органов, проводящих дознание, следователями и прокурорами;

– нежелание признавать и фиксировать ошибки, которые допущены в пределах самой судебной системы;

– стремление «не ломать» дело, в котором применялась мера пресечения в виде заключения под стражу;

– недостаточное внимание к ходатайству обвиняемого и его защитников об изменении квалификации;

– влияние руководителей судебных органов на решение конкретных дел с целью достичь благоприятных статистических показателей;

– фактическая безответственность судей за допущенные ошибки в квалификации преступлений;

– отсутствие системы повышения квалификации судей.

В литературе отмечается, что способствовать уголовно-правовой ошибке может и наличие так называемого «психологического штампа» (зависимость от квалификации, данной в обвинительном заключении) [6, С. 15]. То есть, речь ведется о том, что судьи в определенной степени «связаны» квалификацией преступлений, которая дана на досудебном следствии, существуют предпосылки для того, чтобы такую квалификацию признавать правильной и не изменять, а потому допущенные при предварительном расследовании ошибки в квалификации преступлений не исправляются, а сохраняются на судебных стадиях уголовного процесса. Таким образом, можно констатировать, что одной из причин ошибок выступает не критический подход к оценке деятельности лиц, ранее принимавших решение о квалификации в этом же деле. Вполне правильным представляется утверждение, что суд должен исследовать и оценить материалы предварительного расследования в полном объеме, избегать некритического воспроизведения его материалов. Это касается как исследования фактических материалов дела, так и юридической оценки [9, С. 3-4].

К этому добавляются еще и личные связи следователей, прокуроров и судей. Традиции общения между юристами сложились таковы, что судьи и прокуроры (в меньшей степени следователи) считаются людьми одного общественного слоя.

Оправдательный приговор или изменение в квалификации преступления обычно расценивается как «пощечина» прокурору, публично нанесенная судьей. Стремление же сохранить хорошие отношения, является одним из факторов, который толкает к тому, чтобы не исправлять ошибки в квалификации преступлений, если на определенном решении настаивает прокурор, тем самым допускать уже судебные ошибки.

Есть основания вести речь и о более серьезных причинах ошибок в квалификации преступлений. Речь идет о случаях, когда дело возвращается на предыдущую стадию процесса (для проведения дополнительного расследования или нового судебного разбирательства) и производство по нему осуществляет то же лицо, которое ранее приняло ошибочное решение по этому же делу. Ученые и практические работники указывают, что при этом трудно избавиться от предвзятости, правильно оценить собственные решения, принятые ранее, ведь в подобных ситуациях следователь и прокурор, пусть и не напрямую, заинтересованы в определенном решении дел [10, С. 52].

Не имея законных возможностей влиять на состояние рассмотрения конкретных дел, руководители судов тем не менее отчитываются об их деятельности. А оценка деятельности того или иного суда во многом зависит от стабильности приговоров. Причем, руководители апелляционных судов традиционно считаются ответственными за состояние судебной деятельности всех судов, размещенных на соответствующей территории. Это также не способствует их заинтересованности в исправлении ошибок в квалификации преступлений, допущенных на судебных стадиях процесса.

Характеризуя еще один из факторов, названных выше, отметим, что суды, изменяя квалификацию преступления, которая была установлена в ходе предварительного расследования, должным образом не реагируют на выявленные ошибки в квалификации преступлений. Процессуальной мерой реагирования на ошибки в квалификации преступлений является вынесение судом отдельного постановления при выявлении нарушений закона, допущенных при производстве предварительного расследования, или при рассмотрении дела нижестоящим судом. Как отмечается в литературе, суды нередко выносят отдельные постановления о нарушении норм УПК РФ, допущенные при расследовании уголовных дел. В то же время грубое нарушение материального закона, явно неправильная квалификация, серьезно ущемляющая права и интересы обвиняемого, почему-то на практике не рассматриваются как основание для вынесения судом отдельного постановления [11, С. 7].

Ошибкам в квалификации преступления, существующему обвинительному уклону способствует и формальная, безынициативная и даже неквалифицированная защита по некоторым уголовным делам [12]. Имеют место совершенно недопустимые случаи, когда по делам, которые оканчиваются вынесением оправдательного приговора, защитники не оспаривали предъявленного подсудимому необоснованного обвинения, не добивались его оправдания, ограничиваясь беспомощно-стандартным ходатайством о смягчении наказания [13, С. 23].

В то же время следует отметить наличие и противоположной тенденции в деятельности защитников, что тоже способствует ошибкам в квалификации преступлений. Речь идет об их попытке убедить органы досудебного следствия и суд в необходимости изменить квалификацию в сторону смягчения положения лица, деяния которого квалифицируются, в тех случаях, когда нет законных оснований для такого изменения. Для этого появляются необоснованные ходатайства об изменении квалификации. При отсутствии критического отношения к соответствующей деятельности со стороны защиты следствие и суд могут подвергнуться влиянию защитника и обвиняемого и допустить ошибку в квалификации преступления.

Сопоставляя значение обвинительного и оправдательного уклона, как факторов, способствующих ошибкам в квалификации, отметим, что они явно неравнозначны, ведь следователь и прокурор выступают субъектами квалификации, они сами принимают решения по делу и имеющийся у них обвинительный уклон проявляется непосредственно, может получить выражение в квалификации преступления [14, С. 12].

Защитный же уклон имеет место в деятельности лиц, которые сами не осуществляют квалификации. Для того чтобы этот уклон проявился, а ошибка в квалификации была допущена, требуется соответствующее воздействие на сознание и волю субъекта квалификации, нужно убедить его в необходимости той или иной уголовно-правовой оценки деяния. Уклон защиты может быть проявлением ошибки в квалификации преступления, когда лицо, совершившее деяние, или его защитник на самом деле считают, что деяние должно быть квалифицировано по менее строгой статье (статьям) Уголовного закона. Такой уклон может выступать и как результат сознательного введения в заблуждение, то есть речь идет о ситуации, когда сторона защиты достоверно знает об отсутствии оснований для изменения квалификации в сторону смягчения и, тем не менее, пытается добиться такой квалификации [14, С. 18-19]. Соответствующие действия обвиняемого и защитника признаются одним из способов защиты, который не запрещен законом. Что же касается моральной оценки, то она видимо, должна быть дифференцированной. Морально оправданными являются такие действия обвиняемого, который стремиться добиться пусть и ошибочного, но более благоприятного для себя решения. Что же касается защитника, особенно если им выступает профессиональный юрист, то попытка добиться ошибочного с точки зрения закона решения своего коллеги (который хоть и выполняет другую процессуальную функцию) является неприемлемой с позиций профессиональной этики.

Такие действия защитника ни при каких обстоятельствах не могут быть оценены как подстрекательство к преступлению. Ведь подстрекательство – это соучастие в преступлении, которое предполагает умышленное участие двух или более субъектов преступления в совершении умышленного преступления. В данной же ситуации лицо, осуществляющее квалификацию, и допускающее при этом ошибку, действует по неосторожности.

Из понятия ошибок в квалификации преступлений следует, что они представляют собой неправильное решение, принятое вследствие халатности,

недобросовестности, ненадлежащего исполнения своих обязанностей. В свою очередь любая неосторожность связана с недостаточно вдумчивым отношением к своей деятельности рассеянностью, легкомыслием, надеждой на предотвращение вредных последствий содеянного. В литературе отмечается, что квалификация преступлений выступает как отношение должностных лиц правоохранительных органов к своим служебным обязанностям. В процессе квалификации преступлений, как и в процессе другой правоохранительной деятельности, отношение работников правоохранительных органов к своему служебному долгу может быть добросовестным, принципиальным, а может быть деформированным, недобросовестным, а, порой, преступным.

Отсюда следует, что факторами, обусловливающими состояние законности при квалификации преступлений, соответственно и ошибок в квалификации, выступают:

– содержание правосознания работников правоохранительных органов, уровень их профессиональной квалификации. Так, И.Я. Кливер основной причиной ошибок в квалификации преступлений признает недостаточную правовую подготовленность некоторых судей, высказывает мнение, что ошибки в квалификации связаны с отсутствием достаточно тесной связи с наукой [6, С. 16];

– состояние кадровой работы;

– содержание критериев оценки деятельности правоохранительных органов;

– функционирование системы контроля за состоянием законности в деятельности правоохранительных органов, составляющей которого является ответственность работников за ошибки в работе.

Необходимо выявлять не только факторы, которые обусловливают ошибки в квалификации преступлений, выступают их причиной, но и называть обстоятельства, которые причинами таких ошибок не выступают, хотя иногда относятся к ним. Главным образом, они касаются не допущения, а выявления и фиксации существующих ошибок в квалификации преступлений.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать важный практический **вывод:** увеличение количества выявленных ошибок вовсе не обязательно свидетельствует об ухудшении качества работы органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-правовую квалификацию преступлений. И наоборот, уменьшение количества измененных или отмененных приговоров, дел, направленных для дополнительного расследования (по мотивам неправильной квалификации) вовсе не обязательно является свидетельством улучшения работы. К сожалению, в практике оценки работы руководителей сохраняется неоднократно критикуемый подход, по которому оценка их работы осуществляется по таким формальным основаниям.

Список литературы

1. Виды и причины квалификационных ошибок и иных квалификационных нарушений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberpedia.su/12xe561.html – (дата обращения: 01.02.2025).

2. Диалектика / Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/328/ДИАЛЕКТИКА – (дата обращения: 01.02.2025).
3. Петрухин, И.Л. Причины судебных ошибок / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – М.: Наука, 1970. – № 5. – С. 100-106.
4. Вопленко, Н.Н. Причины ошибок в правоприменении / Н.Н. Вопленко. – Советское государство и право, 1982. – № 4 – С.103-108.
5. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм. Учебное пособие / А.В. Наумов. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР. – 1973. – 176 с.
6. Кливер, И.Я. Уголовно-правовые судебные ошибки, квалификации преступлений и их предупреждение: Автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 1979. – 18 с.
7. Понятие, виды и причины квалификационных ошибок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/7094224/page:14/ – (дата обращения: 05.02.2025).
8. Халикова, Д.А. Применимость системы ключевых показателей эффективности к деятельности органов предварительного расследования / Д.А. Халикова // Научный компонент. – 2022. – № 2 (14). – С. 71-85.
9. Колбая, Л. Исследование и оценка судом материалов предварительного следствия // Советская юстиция. – 1970. – № 17. – С. 3-4.
10. Васильев, Л. О предвзятости и деформации в деятельности следователей и прокуроров / Л. Васильев, М. Филиппов // Социалистическая законность. – 1989. – № 7. – С. 52.
11. Шелковкин, Г. Правильная квалификация преступлений на предварительном следствии – одна из гарантий социалистической законности / Г. Шелковкин // Советская юстиция. – 1974. – № 3. – С. 4-7.
12. Чурилов, Ю. Латентное оправдание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.klerk.ru/law/articles/97181/ – (дата обращения: 07.02.2025).
13. Пастухов, М.И. Оправдание подсудимого. – Минск : Университетское, 1985. – 109 с.
14. Григорьев, Н.В. Следственные ошибки и причины их возникновения: Лекция / Н.В. Григорьев, А.А. Плотников. – Хабаровск : Высшая школа МВД СССР, 1990. – 129 с.

УДК 347.7

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Педерсен И.А., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административного производства, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: iralex-2012@yandex.ru)

В статье приведены основные виды отношений, связанных с оборотом ценных бумаг, проанализированы правовые основы их правового регулирования в Российской Федерации. Установлены основные недостатки правового регулирования рассматриваемых отношений в целом, а также недостатки правового регулирования оборота отдельных видов ценных бумаг в Российской Федерации.

Ключевые слова: *ценная бумага, рынок ценных бумаг, законодательство о ценных бумагах, правовое регулирование.*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS RELATED TO THE TURNOVER OF SECURITIES IN RUSSIAN FEDERATION

Pedersen, I.A.

The article presents the main types of relations related to the turnover of securities, analyzes the legal basis for their legal regulation in Russian Federation. The main shortcomings of the legal regulation of the relations under consideration as a whole, as well as the shortcomings of the legal regulation of the turnover of individual types of securities in Russian Federation, are established.

Keywords: *security, securities market, securities legislation, legal regulation.*

Актуальность темы исследования. Ценные бумаги, являясь важнейшим инструментом финансового рынка, требуют наличия эффективной системы правового регулирования. Растущая роль ценных бумаг в развитии экономических отношений требует особого, повышенного внимания к правовой регламентации данного института. Нормативные правовые акты, в той или иной степени затрагивающие вопросы правового регулирования оборота ценных бумаг, а также отдельных их видов, требуют серьезного совершенствования, направленного на раскрытие сущности, правовой природы, конкретизацию видов ценных бумаг. На рынке ценных бумаг появляются новые виды финансовых инструментов, в том числе электронных, новые сегменты

инфраструктуры рынка, что определяет необходимость постоянного совершенствования правового регулирования отношений в данной сфере. Это объясняет актуальность рассмотрения вопросов правового регулирования отношений, связанных с оборотом ценных бумаг в Российской Федерации, установления недостатков и определения направлений совершенствования правового регулирования данных отношений.

Анализ научных исследований. Вопросам правового регулирования отношений в сфере оборота ценных бумаг посвящены труды таких ученых, как Т.А. Батяева, В.А. Белов, С.М. Бойцов, А.В. Габов, С.П. Гришаев, А.М. Дергачев, К.В. Криничанский, А.В. Мелькумянц, Я.М. Миркин, Д.В. Мурзин, Э.С. Петросян, Е.А. Суханов, Р.В. Чикулаев, Г.Н. Шевченко, О.М. Шевченко и ряда других. Разнообразие проблем, поднятых исследователями в сфере правового регулирования изучаемых отношений, требует систематизации и дальнейшей доработки. Кроме того, появление новых видов ценных бумаг, развитие сегментов финансового рынка требует постоянного изучения возникающих проблем правового регулирования оборота ценных бумаг, определения путей их решения.

Целью статьи является исследование основных недостатков, существующих в сфере правового регулирования отношений, складывающихся в сфере оборота ценных бумаг в Российской Федерации.

Изложение основного материала. В научной литературе общепризнанным является выделение следующих групп отношений, связанных с оборотом ценных бумаг:

1. Отношения, возникающие в результате выпуска ценных бумаг. Эти отношения являются базовыми, поскольку все остальные отношения возможны только при наличии данного объекта – ценной бумаги. Как справедливо отмечает Габов А.В., «именно эмиссия ценных бумаг является основой для появления и других отношений, связанных с данным объектом гражданских прав, – отношений по ее присвоению, использованию, распоряжению, по охране прав ее владельцев от различных посягательств и т.д.» [1, С. 16].

2. Отношения, связанные с обращением ценных бумаг. Указанные отношения возникают в результате совершения эмитентом гражданско-правовых действий с ценной бумагой, в результате которых права, удостоверяемые ценной бумагой, передаются другому лицу. При этом порядок обращения ценных бумаг различен для отдельных их видов. Специфичность обращения различных видов ценных бумаг определяется функциями, которые они выполняют.

3. Отношения, связанные с осуществлением субъективных гражданских прав, закрепленных той или иной ценной бумагой. Субъективные гражданские права, предоставляемые ценными бумагами, достаточно многообразны. Это права требования денежных средств или иного имущества, права распоряжения товаром (грузом), права на участие в управлении, права на приобретение определенного базового актива и другие права. Т.е. в зависимости от вида прав,

которые предоставляются ценной бумагой своему владельцу, зависит и разнообразие отношений, возникающих в результате оборота такой ценной бумаги.

4. Отношения, которые возникают на рынке ценных бумаг в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Эти отношения связаны с совершением сделок с ценными бумагами, учетом прав на них, сбором и хранением информации и т.д.

5. Охранительные отношения, содержание которых состоит в защите прав и законных интересов участников рынка ценных бумаг. Это отношения, направленные, в первую очередь, на защиту прав и законных интересов инвесторов и владельцев ценных бумаг, а также иных участников рынка ценных бумаг.

Многообразие отношений, связанных с оборотом ценных бумаг, определяет то, что правовое регулирование данных отношений осуществляется нормами различных отраслей права – как нормами публичного права, так и нормами частного права. «Регулирующее воздействие на указанные отношения оказывают нормы конституционного, гражданского, административного, уголовного и финансового права» [2, С. 36]. Следует заметить, что преобладающая часть исследуемых отношений строится на равноправии сторон, между формально равными участниками. Это объясняет то, что преобладающая часть этих отношений является предметом гражданско-правового регулирования и, соответственно, регулируется нормами гражданского права. При этом определенная часть отношений в сфере обращения ценных бумаг, требует обязательного государственного вмешательства. Такие отношения регламентированы нормами финансового и административного права. Так, административно-правового регулирования требуют вопросы государственного регулирования рынка ценных бумаг, определения полномочий органов государственной власти на рынке ценных бумаг, в том числе по применению мер административного принуждения. Нормами финансового права осуществляется регулирование отношений, возникающих в сфере оборота государственных и муниципальных ценных бумаг. Охрана прав и законных интересов участников оборота ценных бумаг предусмотрена нормами гражданского, уголовного, административного и процессуальных отраслей права. Нормы конституционного права, являясь основой для формирования норм всех остальных правовых отраслей, закладывает основу для правового регулирования и в сфере оборота ценных бумаг (ст. 8, 34, 35, 71, 74 Конституции РФ [3]), получая развитие уже в специальных правовых нормах.

Многоотраслевая структура правового регулирования отношений, связанных с оборотом ценных бумаг, непосредственно отражается на источниках правового регулирования этих отношений.

Правовое регулирование оборота ценных бумаг как объектов гражданских прав в Российской Федерации осуществляется значительным количеством нормативно-правовых актов, однако системообразующим правовым актом в

данной сфере является Гражданский кодекс РФ [4]. Гражданским кодексом РФ раскрыты общие положения для всех видов ценных бумаг. Общие гражданско-правовые нормы, регулирующие правовой институт ценных бумаг, установлены главой VII ГК РФ «Ценные бумаги» и раскрывают понятие, виды, требования к обороту ценных бумаг и т.д. Кроме того, нормы, регламентирующие обращение ценных бумаг, находятся также в других частях Гражданского кодекса РФ (ст. 224, 302, 358.16, 389, 844, 877-885, 912-917 и др.) [4, 5].

Нормы, регулирующие оборот отдельных видов ценных бумаг, находятся и в других законодательных актах. Так, Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [6] содержит нормы, определяющие правила обращения эмиссионных ценных бумаг. Правовой статус конкретных ценных бумаг определяется Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7], Федеральным законом от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» [8], Федеральным законом от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» [9], Федеральным законом от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости») [10] и некоторых других. Кодексом торгового мореплавания РФ [11] регламентирован оборот такой товарораспорядительной ценной бумаги как коносамент (§ 3 главы VIII Кодекса).

Отдельные нормы, регулирующие оборот ценных бумаг, содержатся в банковском и финансовом законодательстве. Так, правовая регламентация оборота ценных бумаг государства и муниципальных образований осуществляется Бюджетным кодексом РФ (глава 14.1 «Эмиссия и обращения государственных (муниципальных) ценных бумаг») [12]. Отдельные нормы, регулирующие оборот ценных бумаг, содержатся в валютном и инвестиционном законодательстве РФ.

Источником правового регулирования отношений, связанных с оборотом ценных бумаг, являются в определенной степени и подзаконные нормативно-правовые акты. Следует отметить, что с развитием законодательной базы в сфере оборота ценных бумаг количество и значение подзаконных актов заметно снизились. В настоящее время количество подзаконных актов, принятых органами общей компетенции и, соответственно, содержащих общие вопросы правового регулирования оборота ценных бумаг – указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ – незначительно. Ведущую роль среди подзаконных актов выполняют ведомственные нормативные акты – акты Банка России и Министерства финансов РФ, в которых конкретизируются положения законодательных и подзаконных актов в рамках компетенции указанных органов.

Для регулирования отношений в сфере оборота ценных бумаг определенное значение имеет и такой специфический источник права как акты судебной практики. Постановления высших судебных инстанций имеют важное значение в создании новых, не существовавших ранее правоположений в сфере оборота ценных бумаг, а также в решении конфликтных ситуаций, связанных с

оборотом ценных бумаг. Практика показывает, что только в результате принятых решений судебных органов разрешены значительные массивы спорных вопросов в указанной сфере.

Анализ правовых актов, регулирующих оборот ценных бумаг, позволяет выделить следующие основные недостатки правового регулирования данной сферы:

– законодательство Российской Федерации о ценных бумагах является достаточно обширным, но плохо структурированным, в нем отсутствует четко выстроенная система. Так, некоторые виды ценных бумаг названы и регулируются непосредственно ГК РФ, а положения о других видах ценных бумаг содержатся в отдельных федеральных законах, в связи с чем досточно сложно сформировать полный перечень ценных бумаг, признаваемых таковыми российским законодательством;

– исходя из своего названия, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» [6] должен регулировать в целом отношения на рынке, однако, значительная часть его положений направлены на регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг, которые являются бездокументарными. Таким образом, в законе отсутствуют положения, направленные на регулирование оборота документарных ценных бумаг, а также положения о неэмиссионных ценных бумагах. Регулирование оборота неэмиссионных ценных бумаг осуществляется другими законодательными актами. Фактически, отсутствует единый законодательный акт, содержащий перечень неэмисионных ценных бумаг и определяющий особенности их оборота;

– необходимость постоянного совершенствования правового регулирования оборота ценных бумаг объясняется также ростом проникновения цифровых отношений в сферу оборота ценных бумаг. Многие вопросы и проблемы, связанные с появлением в обороте электронных форм фондовых ценностей до сих пор не решены и не отрегулированы законодательством. Так, соответствующие изменения внесены только в правовые акты общего характера – Гражданский кодекс РФ [4, 5] и Федеральный закон РФ «О рынке ценных бумаг» [6]. При этом специальное законодательство о конкретных видах ценных бумаг не претерпело соответствующих изменений.

Следует обратить внимание, что недостаточно урегулированной является и нормативно-правовая база, регулирующая оборот отдельных видов ценных бумаг, которые при этом являются достаточно используемыми в деловом обороте.

Например, наиболее распространенным и простым видом ценных бумаг, удостоверяющим право на получение денежных средств, является вексель. Сразу стоит отметить отсутствие законодательного определения понятия «вексель», что является значительным недостатком. При этом в теории наиболее распространенным определением понятия «вексель» является следующее – «это письменное долговое обязательство строго установленной формы, удостоверяющее безусловное обязательство одной стороны уплатить в

конкретный срок определенную денежную сумму другой стороне и право последней требовать уплаты» [13, С. 55]. Приведенное определение должно быть внесено в вексельное законодательство с целью раскрытия сущности данной денежной ценной бумаги.

Порядок обращения, форма векселя, его функции, права и обязанности сторон регламентированы вексельным законодательством РФ. Как отмечает Габов А.В., «основной проблемой вексельного законодательства является его несоответствие фактическим потребностям участников рынка, наличие коллизионных и нерешенных вопросов, приводящих к злоупотреблениям со стороны участников вексельного обращения и противоречиям судебной практики» [1, С. 781]. В силу давности принятия, вексельное законодательство не учитывает некоторые особенности вексельного оборота, сложившиеся в современной практике осуществления хозяйственной деятельности, и поэтому требует совершенствования с учетом сложившихся условий вексельного оборота. Кроме того, существует ряд проблем, связанных с документарной формой векселя. Именно бумажная форма векселя способствует совершению множества преступлений с его использованием: продолжение обращения векселя после его фактической оплаты, что позволяет осуществлять сделки с несуществующими активами; мошенническое использование не полностью заполненной формы векселя с последующим внесением в него намеренно ложной информации; кражи векселей с мест его хранения (депозитарии, кассы, сейфовые депозиты и т.д.); получение векселей против воли их составителей и ряд других. Указанные проблемы требуют совершенствования правового регулирования вексельного обращения, принятия мер, поддерживающих должную вексельную дисциплину и безопасность и, тем самым, позволяющих в современных условиях собственнику векселя защищать и реализовывать свои права в полной мере.

Являясь именной ценной бумагой, сберегательный (депозитный) сертификат имеет сложный юридический состав процедуры перехода прав на него. Процедура перехода прав включает: совершение сделки по отчуждению этой ценной бумаги, оформление цессии на самой ценной бумаге, личную явку в кредитную организацию продавца и покупателя сертификата, личное подписание передаточного акта или обращение к нотариусу обеих сторон для нотариального удостоверения передаточного акта, передачу этого акта в кредитную организацию одной из сторон [14]. Только после получения передаточного акта кредитная организация вправе внести отметку о переходе прав на сертификат в учетные записи (п. 9 ст. 146 ГК РФ). Следует отметить, что отмена в 2018 году сберегательных и депозитных сертификатов на предъявителя, направленная на ликвидацию незаконных сделок с ними, привела к затруднению использования этих ценных бумаг в гражданском обороте, усложнила процедуру перехода прав на них. В современных условиях законодателю следует комплексно решать вопросы усовершенствования правовой регламентации использования сберегательных и депозитных сертификатов, практики их

применения, что положительно скажется на качестве делового оборота и повысит уровень гарантированности прав их владельцев.

Обращают на себя также проблемы правового регулирования обращения чеков в Российской Федерации, состоящие в недостаточности законодательной базы оборота данной ценной бумаги. Фактически, кроме отдельных положений Гражданского кодекса РФ и банковского законодательства, в России нет отдельного правового акта, регулирующего обращение чеков. Кроме того, Российская Федерация не следует международным чековым конвенциям и, следовательно, необходимо принятие национального законодательного акта, регулирующего оборот чеков. Также, необходимым является законодательное урегулирование вопросов выпуска и обращения электронных чеков, которые постепенно внедряются в хозяйственный оборот, но не имеют достаточной правовой основы.

Одним из малоизученных и недостаточно регулируемых видов ценных бумаг в российской практике являются такие объекты гражданских прав как товарораспорядительные ценные бумаги. Данный вид ценных бумаг удостоверяет право распоряжения определенной ценностью в виде конкретно обозначенного товара (груза). Следует отметить, что Гражданский кодекс РФ не содержит определения понятия «товарораспорядительная ценная бумага», а оперирует понятием «товарораспорядительный документ», т.е. документ, дающий право своему владельцу распоряжаться указанным в нем товаром. В настоящее время к товарораспорядительным документам принято относить лишь коносамент и складское свидетельство (двойное и простое). Коносамент и складское свидетельство законодательно определены как ценные бумаги (п. 2 ст. 142 ГК РФ и п. 3 ст. 912 ГК РФ), поэтому товарораспорядительные документы с полным правом могут быть названы товарораспорядительными ценными бумагами. Кроме того, используя определение документарной ценной бумаги, приведенное в ст. 142 Гражданского кодекса РФ, можно с уверенностью отнести товарораспорядительные документы к документарным ценным бумагам.

В российском законодательстве отсутствует определение понятия «коносамент». Понимание коносамента в российском праве, прежде всего связано с его квалификацией в качестве документа, который выполняет доказательственную и товарораспорядительную функции. Исходя из определения, приведенного Чуриловым А. Ю., коносамент можно определить как «товарораспорядительную ценную бумагу, подтверждающую факт заключения договора перевозки груза и принятия груза перевозчиком, удостоверяющую право его держателя распоряжаться указанным в коносаменте грузом, сданным для морской перевозки, и получить этот груз после завершения перевозки [15, С. 91]. Согласно Конвенции ООН о морской перевозке грузов от 1978 г. («Гамбургские правила»), коносамент – это «документ, являющийся доказательством заключения договора морской перевозки и приема или погрузки товара перевозчиком, а также документ, по которому перевозчик обязуется выдать соответствующий товар против предоставления этого

документа» [16]. Приведенные определения раскрывают содержание коноссамента как отдельного вида ценной бумаги и заслуживают законодательного закрепления.

Как и коносамент, складское свидетельство, являясь товарораспорядительной ценной бумагой, предоставляет своему держателю право распоряжения, в данном случае, хранящимся на складе товаром (п. 1 ст. 914 ГК РФ). Определение понятия складского свидетельства осложнено существованием двух его видов – простого и двойного складского свидетельства. В теории под складским свидетельством понимается «документ, доказывающий прием товара на хранение, и позволяющий его владельцу получить товар против предъявления документа, либо передать права на соответствующий товар путем передачи документа» [15, С. 21]. При этом определение складского свидетельства также законодательно не представлено.

Таким образом, исходя из анализа базовых правовых источников, регулирующих обращение товарораспорядительных ценных бумаг (Гражданского кодекса РФ и Кодекса торгового мореплавания РФ), можно сделать вывод, что для оптимизации правового регулирования товарораспорядительных документов необходимым является определение термина «товарораспорядительная ценная бумага» в Гражданском кодексе РФ с учетом функций, выполняемых данным видом ценных бумаг. Кроме того, для установления правовой определенности в регулировании товарораспорядительных ценных бумаг необходимо не только указать определение товарораспорядительных ценных бумаг в Гражданском кодексе РФ, но и установить их закрытый перечень, включающий коносамент и складские свидетельства. Это исключит появление ряда судебных решений, согласно которым к товарораспорядительным относят документы, в действительности не выполняющие распорядительную функцию. На настоящий момент только коносамент и складское свидетельство являются доказательством приема товара по договору, позволяют их владельцу получить товар против предъявления документов, либо передать права на соответствующий товар путем передачи документов, т.е. отвечают всем необходимым критериям товарораспорядительных документов. Однако, это не исключает возможности установления и других видов товарораспорядительных ценных бумаг, поскольку по мере развития товарного рынка вполне допустимо дополнение их перечня.

Особое внимание следует уделить правовому регулированию производных ценных бумаг.

В научной литературе производные ценные бумаги именуются деривативами или производными финансовыми инструментами. В Российской Федерации законодательное регулирование оборота производных финансовых инструментов ограничивается Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» [6] и некоторыми подзаконными нормативно-правовыми актами, в основном правовыми актами Центрального Банка РФ. При этом ни в одном правовом акте нет четкого определения понятия «производная ценная бумага». В связи с этим,

правовой режим производных ценных бумаг остается недостаточно раскрытым, что приводит к правовым коллизиям и создает трудности для правоприменителя при квалификации отношений, возникающих по поводу таких ценных бумаг.

Наиболее распространенным является мнение о признании производных ценных бумаг производными финансовыми инструментами, которые определяются как разновидность гражданско-правового договора согласно ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [6]. Однако производные ценные бумаги нельзя определить как договор: во-первых, владелец производной ценной бумаги имеет только права, а обязанности возлагаются на эмитента такой ценной бумаги; во-вторых, покупка производной ценной бумаги не предполагает понуждения, т.е. владелец производной ценной бумаги может отказаться без наступления негативных последствий покупать (продавать) базовый актив, и, в третьих, наступление указанных обстоятельств (покупка/продажа базовых ценных бумаг) может и не произойти. Указанные признаки не позволяют отнести производные ценные бумаги к договору. Согласно Указанию Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» [17], к производным финансовым инструментам относятся опционный договор, фьючерсный договор, форвардный договор и своп-договор. Поэтому указывать их как производные ценные бумаги является неверным.

Таким образом, необходимым является разделение понятий «производная ценная бумага» и «производный финансовый инструмент», законодательное закрепление понятия «производная ценная бумага», установление видов таких ценных бумаг.

Определенные трудности вызывает и классификация видов производных ценных бумаг, несмотря на ограниченное их количество видов в российской практике. Типичными примерами производных ценных бумаг, названных таковыми (ценными бумагами) законом, являются опцион эмитента и российская депозитарная расписка.

Выводы. Основными недостатками правового регулирования отношений, связанных с оборотом ценных бумаг в Российской Федерации, являются следующие:

– законодательство Российской Федерации о ценных бумагах является достаточно обширным, но плохо структурированным, в нем отсутствует четко выстроенная система. Не сформирован полный перечень ценных бумаг, признаваемых таковыми российским законодательством;

– значительная часть положений Федерального закона «О рынке ценных бумаг» посвящена эмиссионным ценным бумагам, а не в целом отношениям на рынке. При этом отсутствует единый законодательный акт, содержащий перечень неэмисионных ценных бумаг и определяющий особенности их правовой природы и оборота;

– многие вопросы, связанные с появлением в обороте электронных форм фондовых ценностей до сих пор не решены и не отрегулированы

законодательством, в особенности, специальным законодательством о рынке ценных бумаг.

Разрозненность законодательства о ценных бумагах, а также недостаточная регламентация оборота некоторых видов ценных бумаг вызывает определенные трудности в правоприменении и требует совершенствования.

Список литературы

1. Габов, А.В. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка: монография / А.В. Габов. – М.: Статут, 2011. – 1104 с.
2. Яковлева-Чернышева, А.Ю. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебное пособие / А.Ю. Яковлева-Чернышева. Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ростов н/Д : Профпресслит, 2021. – 226 с.
3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Российская газета от 25 декабря 1993 г. – № 237.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. – № 5. – Ст. 410.
6. О рынке ценных бумаг [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 22.04.1996 № 39-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ – (дата обращения: 15.02.2025).
7. Об акционерных обществах [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 26.12.1995 № 208-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ – (дата обращения: 15.02.2025).
8. О переводном и простом векселе [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 11.03.1997 № 48-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13669 – (дата обращения: 15.02.2025).
9. Об ипотечных ценных бумагах [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 11.11.2003 № 152-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44997 – (дата обращения: 15.02.2025).
10. Об ипотеке (залоге недвижимости) [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 16.07.1998 № 102-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396 – (дата обращения: 15.02.2025).

11. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03 мая 1999 г. – № 18. – Ст. 2207.
12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03 августа 1998 г. – № 31. – Ст. 3823.
13. Подузова, Е.Б. Проблемы правового регулирования оборота ценных бумаг : учебник / Е.Б. Подузова. – Москва : Проспект, 2021. – 240 с.
14. О банках и банковской деятельности [Текст электронный]: Федеральный закон Российской Федерации от 02.12.1990 № 395-1. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ – (дата обращения: 17.02.2025).
15. Чурилов, А.Ю. Правовая природа передачи коносамента третьему лицу / А.Ю. Чурилов // Вестник СГЮА. – 2021. – №1 (138). – С. 90-100.
16. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов [Текст электронный]: заключена в Гамбурге 31 марта 1978 г. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3826/ – (дата обращения: 18.02.2025).
17. О видах производных финансовых инструментов [Текст электронный]: Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177289/ – (дата обращения: 18.02.2025).

УДК 347.73

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Подмаркова И.П., канд. экон. наук, доцент кафедры управления проектами и аудиторской деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: irina_podmarkowa@list.ru)

В статье раскрываются особенности возникновения социального предпринимательства и его правового регулирования в Российской Федерации, проводится сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства (прежде всего европейского и американского), регулирующего такое новое направление деятельности, как социальное предпринимательство.

Ключевые слова: *законодательство, правовое регулирование, социальное предпринимательство, экономическая безопасность.*

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

Podmarkova, I.P.

The article reveals the peculiarities of the emergence of social entrepreneurship and its legal regulation in the Russian Federation, a comparative legal analysis of Russian and foreign legislation (primarily European and American) regulating such a new area of activity as social entrepreneurship is carried out.

Keywords: *legislation, legal regulation, social entrepreneurship, economic security.*

Актуальность проблемы. В современных условиях в большинстве государств усиливается общая тенденция к передаче всё большей части социальных функций в частные руки ввиду недостаточности бюджетных средств для эффективного решения социальных проблем общества. В свою очередь, это обусловливает необходимость законодательного обеспечения перехода ряда задач, традиционно стоящих перед социальной сферой, из государственного в частный сектор экономики. Полноценное обеспечение социально-имущественных потребностей населения, повышение уровня жизни и степени социальной защищённости граждан в условиях формирования социально

ориентированного правового государства и гражданского общества представляется одним из факторов укрепления экономической безопасности государства.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. В разработку проблемы развития социального предпринимательства в России как нового социального и правового направления внесли свой вклад такие отечественные исследователи, как А.В. Барков, П.П. Баттахов, Ю.Е. Благов, А.Ю. Веретенникова, Я.С. Гришина, С.С. Занковский и другие. Однако отмеченная проблема требует дополнительного анализа, теоретического, методологического и правового обоснования, что обусловливает необходимость дальнейших исследований.

Цель исследования – обобщить российский и зарубежный опыт государственной поддержки и правового обеспечения социального предпринимательства в России и за рубежом.

Основное содержание. В советский период вопрос о социальном предпринимательстве не стоял, потому что сам термин «предпринимательство» не был в употреблении, так как мог ассоциироваться с уголовно осуждаемым частным бизнесом. Преобладало понятие «хозяйственная деятельность», однако именовать ее социальной, как пишет С.С. Занковский, не имело смысла по той причине, что «первое в мире государство рабочих и крестьян» и так провозглашало лозунг «всё во имя человека, всё для блага человека». И, хотя реалии могли расходиться с приведённым лозунгом, заострять на этом внимание не стоило во избежание обвинения в «очернительстве» советской действительности с вытекающими отсюда плохими последствиями для самого очернителя [13, С. 52].

Мотивы Российской Федерации как государства к поддержанию социального предпринимательства обусловлены уже тем фактом, что на социальных предпринимателей и на некоммерческие организации возлагаются те задачи, которыми по большей части должно заниматься само государство.

В соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [25] некоммерческие организации (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) могут быть признаны социально ориентированными организациями в случае осуществления ими деятельности, которая направлена на разрешение социальных проблем и развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также осуществление видов деятельности, предусмотренных ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» (социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан; благотворительная деятельность, а также деятельность в области организации и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства); деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан; увековечение памяти жертв политических репрессий; охрана окружающей среды и защита животных и др.).

Также в первоначальной редакции Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ применительно к целям создания таких предприятий в ст. 8 была указана необходимость осуществления деятельности в целях решения социальных задач (в том числе реализации определенных товаров и услуг по минимальным ценам); необходимость осуществления деятельности по производству товаров, выполнению работ, оказанию услуг, реализуемых по установленным государством ценам в целях решения социальных задач [23]. Несмотря на то, что в действующей редакции данного Закона приведенных положений уже нет, задачи государства в социальной сфере остались прежними.

Фактически же явление социального предпринимательства получило широкое распространение в России с 2007 г. Предпосылкой для развития этого направления стало создание Фонда региональных программ «Наше будущее». Именно этот фонд обеспечил необходимые условия для создания надежной платформы для развития этой сферы предпринимательской деятельности. Начинающие социальные предприниматели всегда могут рассчитывать на консультативную, информационную и финансовую поддержку фонда. Для реализации детских и юношеских программ в 2011 г. был организован общественный фонд содействия социальным программам «Навстречу переменам». Благодаря деятельности этого фонда было реализовано более ста социальных программ для детей и подростков [16; 18, С. 207].

Понятие социального предпринимательства в российском законодательстве на тот момент отсутствовало. Однако оно, не находя свое отражение в законе, раскрывалось в официальных актах толкования.

Так, в письме Минэкономразвития России от 22 декабря 2011 г. № ОГ–Д05–2585 дано следующее определение: «социальное предпринимательство – это социально ответственная деятельность субъектов среднего, малого и микропредпринимательства, которая направлена на разрешение социальных проблем, в том числе по следующим направлениям:

1) обеспечение занятости матерей, имеющих детей в возрасте до 3 лет, инвалидов, лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, а также, лиц, освобожденных в течение 2 лет из мест принудительного заключения, если среднесписочная численность перечисленных категорий граждан среди их работников составляет не менее 50%, а их доля в фонде оплаты трудовой деятельности – не менее 25%;

2) оказание услуг (производство товаров) в объеме не менее 50% от величины ежегодных доходов предприятия:

– содействия трудоустройству и профессиональной ориентации;

– социального обслуживания граждан, услуг массового спорта, физической культуры, здравоохранения, проведения занятий в детских и молодежных студиях, секциях, кружках (по стоимостным характеристикам, доступным для граждан, имеющих доходы на уровне средних для субъекта РФ);

– выпуска периодических печатных изданий и книжной продукции, связанной с наукой, образованием, культурой» [22].

В дальнейшем направления деятельности социального предпринимательства стали бурно расширяться. При этом возникла проблема отграничения социального предпринимательства от благотворительности и пожертвований (меценатства).

Любой социальный предприниматель, в какой бы организационно-правовой форме он ни действовал, как верно подмечает С.С. Занковский, вполне может заниматься благотворительностью и пожертвованием. Однако между этими тремя сферами имеются существенные различия [13].

Формальное отличие состоит в том, что для приобретения статуса социального предпринимателя необходимо пройти регистрацию в этом качестве в соответствии с Порядком признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием [20], в то время как другие указанные сферы этого не требуют. Фактическое же отличие между отмеченными понятиями заключается в том, что социальное предпринимательство является разновидностью предпринимательской деятельности, в то время как благотворительность и пожертвования представляют собой особо урегулированные в законе сделки, в которые может вступать любой желающий субъект.

В соответствии с Федеральным законом «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ, под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки [19, ст. 1].

Понятие меценатства содержится в ст. 1 Модельного закона СНГ «О меценатстве и благотворительной деятельности», принятого на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 10-8 от 6 декабря 1997 года) и формулируется как «бескорыстная, безвозмездная помощь граждан в сфере искусства, науки, культуры, образования, просвещения, выражающаяся в передаче другим гражданам или юридическим лицам имущества и денежных средств» [24].

Меценатство, по сути, проявляется в такой форме дарения как пожертвование. Пожертвованием, согласно ст. 582 ГК РФ, признается дарение вещи или права в общеполезных целях [8]. В этом состоит его отличие от социального предпринимательства, которое не предполагает ни дарения, ни каких-либо целей использования товаров, приобретенных на льготных условиях у социального предпринимателя. Ещё одним отличием этих понятий является то, что пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Более того, использование пожертвованного

имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением дает право жертвователю или его правопреемнику требовать отмены пожертвования (п. 3 ст. 582 ГК РФ), что никак не свойственно социальному предпринимательству.

Что касается сложности в разграничении между субъектом социального предпринимательства и социально ориентированной некоммерческой организацией, то следует отметить, что любая некоммерческая организация может рассматриваться в качестве социально ориентированной. Что же касается благотворительной деятельности, а также деятельности в области организации и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства), то их нельзя отнести к предпринимательству, как и меценатство. Социальное предпринимательство не может квалифицироваться как деятельность безвозмездная и бескорыстная, хотя и нацелено на достижение общественно полезного результата [5; 13].

Последующие шаги к введению в оборот понятий «социальное предпринимательство» и «социальные предприятия» были сделаны в 2016 году. Распоряжение Правительства Российской Федерации утвердило план мероприятий («дорожную карту») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» [26], который предусматривал поддержку социальных предприятий. В плане содержится комплекс из 44 мероприятий, намеченных к реализации в 2016-2017 гг. В частности, было предусмотрено увеличение доли таких организаций при получении указанных услуг, создание условий для повышения качества услуг, сокращение дефицита в части предоставления обязательных услуг населению в указанной сфере, развитие системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНО) и организаций социального предпринимательства (ОСП), развитие механизмов государственно-частного партнёрства в социальной сфере.

26 августа 2019 г. были приняты изменения и дополнения [21] в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [27] (далее – Закон № 209-ФЗ). В числе новелл, вводимых названными изменениями, было узаконение понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие».

В новой редакции Закона № 209-ФЗ социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными Законом. Соответственно, субъект, осуществляющий социальное предпринимательство, получил название социального предприятия. Общественно полезные цели социального предпринимательства установлены при этом следующим образом: обеспечение занятости граждан, нуждающихся в социальном обслуживании (инвалидов и лиц с ограниченными возможностями

здоровья, пенсионеров и граждан предпенсионного возраста, беженцев и вынужденных переселенцев, малоимущих и т.п.); реализация продукции, изготовленной нуждающимися в поддержке гражданами; изготовление товаров (выполнение работ, оказание услуг) для реабилитации или социальной адаптации нуждающихся в поддержке граждан (ст. 24.1) [27].

На сегодняшний день Российская Федерация, как социально ориентированное государство несет полную ответственность за благополучие своих граждан, а социальное предпринимательство является одним из основных инструментов, позволяющих обеспечить надлежащий уровень жизни для незащищенных слоев населения [28]. Государство принимает все необходимые меры для вовлечения в решение социальных проблем и оказания социальной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, а также некоммерческих структур. Государственные органы контроля оставляют за собой право в выборе субъектов, которые будут оказывать эти услуги и отслеживают качество их оказания.

Особую актуальность социальное предпринимательство приобретает в наши дни для новых регионов Российской Федерации. Так, в Донецкой Народной Республике с момента начала военных действий в 2014 году появилось множество людей, потерявших жильё, имущество, здоровье, трудоспособность, работу, близких людей, кормильцев. Были разрушены объекты инфраструктуры. Много домашних животных оказалось на улице. Очевидно, что все социальные проблемы поначалу еще отдельное молодое государство, не имеющее достаточных бюджетных средств, было решить не в состоянии. В ряде случаев часть проблем взяли на себя волонтеры-добровольцы, которые привозили пострадавшим необходимые вещи и продукты, оказывали психологическую и правовую помощь, спасали животных и т.д. Однако при отсутствии соответствующей правовой базы их деятельность в большинстве случаев не была официально оформлена. В результате волонтеры нередко сталкивались с бюрократическими трудностями и препятствиями, а также практически оказались лишены возможности включения своей деятельности в трудовой стаж.

После присоединения к Российской Федерации в Республике создан «Центр поддержки социального предпринимательства», который работает при Общественной палате Донецкой Народной Республике. В его задачи входят поиск и поддержка социальных инициатив. Для успешной работы команда Центра в течение 2023 года прошла комплексное обучение в Омской региональной общественной организации «Центр инноваций социальной сферы» по созданию социальных проектов, в реализации которых могут работать представители социально-незащищенных категорий [28].

Дальнейшее развитие и совершенствование гражданско-правового регулирования социального предпринимательства в Российской Федерации и её регионах должно происходить с учётом постепенно накапливаемого опыта и его анализа, а также изучения опыта зарубежных стран, достигших определённых

успехов в построении собственной модели социального предпринимательства и её правового обеспечения.

Зарубежные ученые, изучая становление и развитие института социального предпринимательства и его правового регулирования, осуществляют анализ данного понятия и выделяют его характерные черты. За рубежом социальное предпринимательство появилось в 70–80-е годы XX века, существует и развивается уже более 40 лет, в отличие от России, где институт социального предпринимательства появился сравнительно недавно.

В настоящее время идеология социального предпринимательства в развитых странах Америки и Европы является достаточно популярной. Под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, направленная на решение социальных проблем, с использованием инновационных методов и технологий. Осознание того, что ни один из секторов экономики: бизнес, государство, некоммерческий сектор – не способны в одиночку справиться с социальными проблемами, на первый план выводит понимание необходимости поиска путей оптимального межсекторного взаимодействия, однако с использованием инновационно-предпринимательских средств, позволяющих интегрировать социальный и экономический эффект. Вопрос исторически сложившихся моделей социального предпринимательства и специфических особенностей их проявления составляет предмет дискуссии исследователей [17, С. 30].

Социальное предпринимательство, являясь особым видом экономической деятельности, стало формироваться в конце XX века в США и Западной Европе.

Первой страной, которая закрепила понятие социального предпринимательства в законе, является Италия. Развитое кооперативное движение в этой стране получило свою правовую основу ещё с 1946 года, когда в Конституции Италии было закреплено, что именно кооперативы могут выполнять социальные и общественно значимые функции. Статья 45 новой Конституции Италии, составленной в 1947 году, прямо признает сотрудничество и гласит, что «Республика признает социальную функцию сотрудничества как формы взаимной помощи, лишенной всякого частного спекулятивного намерения. Закон поощряет расширение сотрудничества с помощью наиболее подходящих средств и предусматривает надлежащие проверки, призванные гарантировать его характер и цель» [33].

Правовое регулирование социального предпринимательства в Италии обеспечивается прежде всего двумя законами – № 381 от 1991 года «О социальных кооперативах» и № 118 от 2005 года «О делегировании Правительству полномочий по регулированию вопросов социального предпринимательства».

Первый закон был принят 8 ноября 1991 года № 381 «Disciplina delle cooperative sociali» (его дословное название – «Дисциплина социальных кооперативов») [12]. В нём закреплено, что социальные кооперативы

преследуют такую цель, как общий интерес сообщества к продвижению человеческой и социальной интеграции граждан через:

– регулирование предоставления услуг в социальной сфере, а именно – в сферах здравоохранения и образования;

– проведение программ помощи в трудоустройстве незащищенных, обездоленных людей в разных отраслях экономики – сельском хозяйстве, промышленности, коммерческом секторе и в сфере услуг.

Также указанным законом, в соответствии с итальянской практикой, было предусмотрено две группы социальных кооперативов:

– группа А – кооперативы, которые оказывают услуги незащищенным слоям населения и нацелены на социально-трудовую интеграцию граждан, перечень которых закреплен в законе;

– группа В – кооперативы, производящие товары для данных категорий граждан, при этом в производстве должно быть задействовано не менее 30 % уязвимых групп населения. Эти кооперативы получили название «кооперативов общественной пользы», поскольку преследовали цель – осуществлять предпринимательскую деятельность, которая будет решать конкретные социальные проблемы в интересах всего общества [12].

Только в 2005 году с принятием Закона 118 было принято решение создать третью группу смешанного типа (кооператив «А+В»), которая сочетала в себе модели «социально-трудовой интеграции» и «устойчивого развития» – «общественной пользы». Главным достоинством модели служила возможность включения в состав работников, потребителей, производителей на всех этапах производства не только бедных граждан, но и всего общества в роли выгодоприобретателей. Благодаря этому обеспечился баланс в развитии обеих сторон [2; 30; 34].

Эффективность итальянского социально-предпринимательского кооперативного опыта решения социальных проблем была по достоинству оценена европейским сообществом. Идея государственной поддержки работодателей, способствующих социально-трудовой интеграции социально уязвимых граждан и реинвестирующих часть прибыли в решение социальных проблем, получившая название итальянской социально-предпринимательской модели, первоначально связанная с развитием кооперативного движения, нашла практическое воплощение в законодательстве Бельгии, Греции, Испании, Польши, Португалии, Франции и других странах. Вслед за Италией в 1998 году, в соответствии с законодательным декретом № 7/98 от 15 января 1998 года, в Португалии появляются кооперативы социальной солидарности (cooperativas de solidariedade social (португ.)) [29, С. 90], в 1999 году в Греции – социальные кооперативы с ограниченной ответственностью [9]. При этом наряду с социально-трудовой интеграцией социально уязвимых граждан развивается и направление общественно полезной предпринимательской деятельности.

Вторым разделом Главы XI Закона Испании № 27/1999 от 16 июля о кооперативах получил легализацию «кооператив социальной инициативы»

(cooperativa de iniciativa social (исп.)). В соответствии со ст. 106 закона указано, что кооперативы, не нацеленные на получение прибыли и независимо от своего класса, имеющие направленность на трудовую интеграцию лиц, страдающих от какой-либо социальной изоляции («социально-трудовой интеграции») или в качестве своей социальной цели рассматривающих предоставление медицинских, образовательных, культурных или других социальных услуг, или развитие любой другой экономической деятельности по обеспечению социальных потребностей, не удовлетворяемых рынком («общественной пользы»), будут квалифицироваться как кооперативы социальной инициативы [35].

Во Франции законом № 2001-624 от 17 июля 2001 года была закреплена такая форма кооператива, как «кооператив коллективного интереса» (societies cooperatives d'interet collectif (франц.) (сокращенно SCIC)) [36]. «Такой статус могут приобрести: публичная корпорация с ограниченной ответственностью (SA), упрощенная акционерная корпорация (SAS) или корпорация с ограниченной ответственностью (SARL), а также любая некоммерческая ассоциация. Кооператив коллективного интереса в соответствии с социально-предпринимательской идеологией продвигает коллективные ценности и должен преследовать двойную цель: экономическую эффективность и социальную полезность» [31].

В Греции «выделяются следующие виды кооперативов: интеграционные социальные кооперативы, способствующие трудоустройству социально уязвимых категорий граждан («социально-трудовой интеграции») и кооперативы социальной опеки, по производству товаров и услуг для данной категории граждан и общественного производства, по производству товаров и оказанию услуг содействующих развитию общины («общественной пользы»)» [37].

Также, на основе итальянской модели в Бразилии предусмотрено «создание и функционирование социальных кооперативов, направленных на социальную интеграцию граждан» [32].

При этом, как справедливо уточняет Ю.А. Кицай, «правовое положение большинства европейских социальных кооперативов не принципиально отличается от итальянского и заключается в различии подходов к определению категорий социально уязвимых граждан и необходимого их количества для получения доступа к государственной поддержке, которая также различается исходя из бюджетных возможностей» [14].

В целом же в европейской традиции, где высока роль государства как законодателя, «государственная поддержка общественно полезной деятельности субъектов социального предпринимательства осуществляется органами государственной власти на основе единой социально-правовой политики Евросоюза, а в американской, где сложилась развитая система негосударственной поддержки – многочисленными частными благотворительными фондами, финансирующими проекты социальных

предпринимателей в зависимости от рейтинга их общественной полезности» [10, С. 179-180]. Однако отмеченные различия являются следствием не разногласий англо-саксонской и романо-германской систем права, а в первую очередь – проявления особенностей исторического и социально-экономического развития социального предпринимательства в США и Европе.

Возникновение американской школы (социально-предпринимательской и социально-инновационной) обусловлено экономическим спадом ещё 1970-х годов, оказавшим воздействие на сокращение федерального бюджета в США и приведшим к недостаточному финансированию некоммерческих организаций (далее – НКО) в сферах образования, здравоохранения и охраны окружающей среды. Решение проблемы виделось во введении и расширении коммерческой деятельности в НКО, где важным было получение дохода от социально-ориентированной деятельности. Таким образом, американский подход основывается на определении социального предпринимательства как рыночной деятельности, служащей социальной цели вне зависимости от сектора деятельности и организационно-правовой структуры. Из американских частных фондов наиболее известны Фонд «Ашока» (1980) и Фонд Сколла (1999) [6, С. 160; 7, С. 93].

В 2011 г. в США объявлено о формировании «четвертого сектора экономики», на базе которого с использованием инноваций социального предпринимательства будут решаться социальные проблемы, что позволяет сделать вывод о том, что данное социальное явление следует рассматривать как продолжение социальной политики.

В настоящее время во многих странах с развитым правопорядком социальное предпринимательство является предметом больших общественных ожиданий, касающихся перспектив развития некоммерческого сектора экономики, бизнеса и социальной политики государства, которую чаще всего связывают с именами Рейгана и Тэтчер. Изучением феномена социального предпринимательства заняты научные центры многих стран мира, что подчеркивает популярность данной идеи. Интерес либеральных экспертов отражает надежды на гуманизацию бизнеса, а социальное предпринимательство рассматривается как альтернатива государству благосостояния, к сожалению, не справляющегося в настоящее время с возложенной на него миссией, являющаяся образцом для многих социально ориентированных стран, стремящихся построить социальное государство [11, С. 50-51].

Английский подход имеет отличия от американского и европейского, его можно выделить как самостоятельный. В 2004 году в Великобритании появилась новая юридическая форма для социально-ориентированных предприятий – CIC (Community Interest Company). С 2006 года все вопросы, связанные с социальным предпринимательством, были переданы в Управление третьего сектора (The Office of the Third Sector – OTS), основной задачей которого были обеспечение государственной поддержки и создание благоприятных условий для добровольных и общественных групп, социальных предприятий,

благотворительных и общественных организаций, кооперативов. В отличие от школы EMES, производимые товары и услуги могут быть как связаны, так и не связаны с главной целью социально-ориентированной организации [6, С. 163]. Большинство европейских стран ссылаются на английский опыт поддержки социального предпринимательства, поскольку именно Великобритания является лидером в этой области [17, С. 34]. Доля социального предпринимательства в Великобритании составляет порядка 10% ВВП [1].

В последнее время социальное предпринимательство активно развивается и в таких странах, как Индия, Испания, Египет. Наиболее успешные проекты социального предпринимательства реализуются в Великобритании, Германии и Нидерландах, где предпринимательская деятельность с использованием инновационных методов в производстве направлена на реализацию услуг и товаров социального значения. В вышеназванных странах социальное предпринимательство отражает тесное сотрудничество социального предпринимателя с представителями правительства страны, а также с администрациями городов, которые активно участвуют в обсуждении важнейших вопросов, связанных с развитием городской системы [15, С. 49]. Также развитие социального предпринимательства наблюдается в Швеции, Финляндии, Казахстане [1].

Социальное предпринимательство основывается на теории предпринимательства, а также опирается на ее основополагающие принципы.

Единого подхода к понятию социального предпринимательства и его правовому обеспечению в разных странах не сложилось, поскольку данный институт находится в стадии становления и развития. Как отмечает, в частности, П.П. Баттахов, уровень и направления развития социального предпринимательства варьируются в зависимости от региона и страны. Так, в странах, обеспечивающих своим гражданам высокий уровень социальной защиты (до недавнего времени – большинство стран ЕС) популярность идей социального предпринимательства, которые сосредотачивались прежде всего в области социальной сферы, была относительно невысокой, тогда как, в частности, в Индии они получили бурное развитие и масштабную государственную поддержку [3]. Также автор обращает внимание на успешное развитие института социального предпринимательства в Польше и Италии, а также его всестороннее развитие в США [4].

Несмотря на многочисленные труды в сфере социального предпринимательства и его правового регулирования, научная дискуссия в данном направлении далека от завершения, равно как и в отношении вопросов о многообразии подходов к социальному предпринимательству и о том, какой должна быть концепция развития социального предпринимательства в России с учётом возможностей использования передового зарубежного опыта. В настоящее время важны как сбор эмпирического материала о деятельности социальных предприятий, так и теоретические обобщения, поскольку прослеживается необходимость в системном анализе социального

предпринимательства: выявлении места и роли, специфических черт и границ этого феномена в современном мире.

Выводы:

1. Социальное предпринимательство является гибридной формой ведения бизнеса, в которой сочетаются критерии и условия осуществления деятельности предпринимателей и некоммерческих организаций. Социальный предприниматель ставит перед собой две цели: получение прибыли (или дохода) и осуществление социально направленной деятельности.

2. Социальное предпринимательство можно определить как правовой и экономический институт, субъектами которого являются субъекты предпринимательства (социальные предприятия), обладающие особым правовым статусом для осуществления своей деятельности, которая направлена как на извлечение прибыли, так и на решение социальных проблем населения, при этом приоритет имеют цели социального характера.

3. В России, провозгласившей социальную направленность государства, идеи социального предпринимательства начали реализовываться позже, чем в большинстве западных стран, но с учетом накопленного зарубежного опыта. Фактически социальное предпринимательство в России начало развиваться с 2007 года, поначалу оно регулировалось подзаконными актами, и только с 2019 года получило законодательное оформление. Ввиду того, что в России имеется достаточно много нерешенных социальных проблем, следует ожидать, что социальное предпринимательство и его правовое регулирование будет активно развиваться. Следует позитивно оценить факт официального признания социального предпринимательства в России, как эффективного антикризисного инструмента, успешно зарекомендовавшего себя в ряде других стран, закрепляющего новаторскую практику решения социальных проблем, при котором получение прибыли является средством достижения общественно полезной цели.

4. Анализ зарубежного опыта показывает, что можно выделить европейский и американский подходы к развитию и правовому регулированию социального предпринимательства. В европейской социально-предпринимательской традиции социальный аспект предпринимательской деятельности (миссия-ориентированность) преобладает над экономическим, обеспечивается обязанностью реинвестирования части прибыли в решение социальных проблем (социально-трудовую интеграцию и (или) общественную пользу). При этом социальный предприниматель вправе рассчитывать на государственную поддержку. Американская модель, где сложилась развитая система негосударственной поддержки, характеризуется многочисленными частными благотворительными фондами, финансирующими проекты социальных предпринимателей в зависимости от рейтинга их общественной полезности. Несмотря на высокую роль федеральных законов по сравнению с законодательством штатов, усиление которой связывается с федеральными социальными программами, в юридической практике большое значение имеют

акты местных органов государственной власти и законодательство штатов, особенно велика роль прецедентного права.

Список литературы

1. Байдалина, Г.Ш. Особенности развития социального предпринимательства в Казахстане / Г.Ш. Байдалина // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 2-3. – Вып. 2(58). – Ч. 3. – С. 11-13.
2. Барков, А.В. Правовое обеспечение государственной поддержки эколого-ориентированных социальных предприятий в зарубежных странах / А.В. Барков, Я.С. Гришина // Ex jure. – 2020. – № 2. – С. 31-42.
3. Баттахов, П.П. К вопросу об эффективности правового регулирования социального предпринимательства за рубежом и в России / П.П. Баттахов // Modern Science. – 2021. – № 9-1. – С. 47-53.
4. Баттахов, П.П. Правовое регулирование социального предпринимательства в европейской части мира / П.П. Баттахов // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 10 (202). – С. 39-43.
5. Бондаренко, Н.Л. Социальное предпринимательство как комплексный правовой институт / Н.Л. Бондаренко // Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: коллективная монография (отв. ред. К.М. Некрашевич). – Москва : Статут, 2022. – С. 51-59.
6. Веретенникова, А.Ю. Мировые научные школы исследования социального предпринимательства / А.Ю. Веретенникова, К.М. Козинская, Е.В. Попов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 157-177.
7. Веретенникова, А.Ю. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства / А.Ю. Веретенникова, К.М. Козинская, Е.В. Попов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 91-108.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.11.1996 № 14-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/74101bba473ca3987c 1700379355492346b8d062/ – (дата обращения: 18.11.2024).
9. Гришина, Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук, спец. 12.00.03 – Гражданское право / Гришина Яна Сергеевна. – Москва, 2016. – 505 с.
10. Гришина, Я.С. Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства [Текст] : монография / Я.С. Гришина ; под ред. Н.А. Баринова. – Саратов : Слово, 2014. – 475 с.
11. Гришина, Я.С. Социальное предпринимательство как инновационно-правовая основа обеспечения имущественных потребностей / Я.С. Гришина

// Государство и право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3 (2). – С. 50-52.
12. Закон Италии от 08.11.1991 № 381 «Disciplina delle cooperative sociali» («Дисциплина социальных кооперативов»). – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1991-11-08;381!vig=2014-02-24 – (дата обращения: 19.11.2024).
13. Занковский, С.С. Понятие и правовое регулирование социального предпринимательства / С.С. Занковский // Предпринимательское право. – 2020. – № 4. – С. 51-56.
14. Кицай, Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере / Ю.А. Кицай. – Москва : Изд. дом «Библио-Глобус», 2016. – 240 с.
15. Клеенков, В.А. Генезис понятия «социальное предпринимательство» / В.А. Клеенков // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14. – № 4 (61). – С. 49-55.
16. Ливенцова, Е.Ю. Из истории становления и развития социального предпринимательства в России и за рубежом / Е.Ю. Ливенцова, М.В. Савельева // Исследования и разработки в перспективных научных областях: сб. материалов II Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 53-57.
17. Мирошниченко, О.Н. Социальное предпринимательство как перспективный формат сотрудничества государственной власти, бизнеса и общества / О.Н. Мирошниченко, В.В. Семенова // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2019. – № 3 (18). – С. 29-49.
18. Мотуренко, С.М. Правовое регулирование социального предпринимательства в России: основные аспекты / С.М. Мотуренко // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №12 (216). – С. 207-210. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sotsialnogo-predprinimatelstva-v-rossii-osnovnye-aspekty – (дата обращения: 18.11.2024).
19. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ – (дата обращения: 18.11.2024).
20. Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия : Приказ Министерства экономического развития России от 29 ноября 2019 г. № 773. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342111/ – (дата обращения: 18.11.2024).
21. О внесении изменений в федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий

«социальное предпринимательство», «социальное предприятие»: Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 245-ФЗ.
22. О государственной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства : Письмо Министерства экономического развития РФ от 22 декабря 2011 г. № ОГ-Д05-2586. – URL: https://base.garant.ru/70220602/ – (дата обращения: 18.11.2024).
23. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39768/ – (дата обращения: 18.11.2024).
24. О Модельном законе «О меценатстве и благотворительной деятельности»: Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 10-8 (принято в г. Санкт-Петербурге 06.12.1997). – URL: https://docs.cntd.ru/document/901914302 – (дата обращения: 18.11.2024).
25. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_8824/ – (дата обращения: 22.11.2024).
26. О плане мероприятий («дорожной карте») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере : Распоряжение Правительства РФ от 08.06.2016 г. № 1144-р. – URL: https://base.garant.ru/71425132/ – (дата обращения: 18.11.2024).
27. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ.
28. Подмаркова, И.П. Необходимость развития социального предпринимательства в Донецкой Народной Республике / И.П. Подмаркова // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону, 8-10 февраля 2023 г.). – Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – С. 273-277.
29. Правовое обеспечение социального предпринимательства : учебное пособие для магистрантов / А.В. Барков [и др.] ; под ред. С.Ю. Морозова. – Ульяновск : УлГУ, 2019. – (Магистры права). – 244 с.
30. Пронина, П.А. Особенности правового обеспечения социального предпринимательства в России и Италии: перспективы применения в отечественной практики / П.А. Пронина // Научные известия. – 2022. – № 27. – С. 274-277.
31. Alternatives-economiques. – URL: https://www.alternatives-economiques.fr/-les-societes-cooperatives-d-interet-collectifscic_frart_35027916.html – (дата обращения: 19.11.2024).

32. Cooperativas Sociais: Lei Federal no. 9.867/1999. – URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/LEIS/L9867.htm – (дата обращения: 19.11.2024).
33. Housing Cooperatives Worldwide. – URL: https://www.housinginternational.coop/co-ops/italy/ – (дата обращения: 18.11.2024).
34. Italian Social Cooperatives. Wilda M. Vanek – URL: http://www.caledonia.org.uk/papers/italian_social_cooperatives.doc – (дата обращения: 19.11.2024).
35. Legislación consolidada Ley 27/1999, de 16 de julio. – URL: https://www.boe.es/eli/es/l/1999/07/16/27/con – (дата обращения: 19.11.2024).
36. Les SCIC: societies cooperatives d'interet collectif. – URL: http://www.les-scic.coop/sites/fr/les-scic/les-scic/qu-est-ce-qu-une-scic.html – (дата обращения: 19.11.2024).
37. Νόμος 4019/2011. Κοινωνική Οικονομία και Κοινωνική Επιχειρηματικότητα και λοιπές διατάξεις. – URL: https://www.taxheaven.gr/laws/law/index/law/374 – (дата обращения: 19.11.2024).

УДК 343.163

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сиренко Б.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк)
(e-mail: sirenkobogdan@mail.ru)

В статье сделана попытка раскрыть внутреннее содержание понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-розыскные мероприятия» в условиях непрекращающихся попыток внешней поляризации социально-политической ситуации как в РФ, так и в целом на пространствах мирового сообщества, обусловленных продолжающимся процессом трансформирования «однополярного» мирового порядка в многогранную, основанную на принципе равенства и уважения взаимных прав и интересов, систему общественных отношений. Отмечено, что сложившаяся система конспиративной деятельности требует обязательного привлечения опытных профессионалов, обладающих обширными знаниями в сфере наработанных практикой алгоритмах проведения оперативно-розыскных мероприятий в различных условиях, а также механизмах борьбы с преступностью и взаимодействия, при этом – с различными слоями населения.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, органы внутренних дел, правоохранительная деятельность, преступность.*

THEORETICAL AND REGULATORY ASPECTS OF CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN MODERN CONDITIONS

Sirenko, B.N.

The article attempts to reveal the internal content of the concepts of «operational investigative activities» and «operational investigative measure» in the context of incessant attempts to externally polarize the socio-political situation both in the Russian Federation and in the global community as a whole, due to the ongoing process of transforming the «unipolar» world order into a multifaceted one based on the principle of equality. and respect for mutual rights and interests, the system of public relations. It is noted that the current system of conspiratorial activities requires the mandatory involvement of experienced professionals with extensive knowledge of

practical algorithms for conducting operational investigative activities in various conditions, as well as mechanisms for combating crime and interacting with various segments of the population.

***Keywords**: operational-investigative activity**,** operational investigative measures, internal affairs agencies, law enforcement, crime.*

Актуальность темы исследования. Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) представляет собой одну из важнейших составляющих в целостной системе правоохранительной деятельности оперативных служб и подразделений органов внутренних дел по выполнению поставленных перед ними задач, указанных в статье 2 Закона РФ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

Указанный вид занимает значительное место в работе территориальных и линейных ОВД, а также других правоохранительных органов, сотрудники которых в своей деятельности применяют методы оперативной работы с целью выполнения поставленных перед ними задач по борьбе с особо опасными формами противоправной деятельности, которая зачастую имеет международный масштаб.

В настоящее время активно осуществляется поиск, проработка новых форм и методов использования результатов ОРД в уголовном процессе, включая процесс усовершенствования алгоритма по их признанию вещественными доказательствами как при составлении обвинительного заключения, так и во время судебного разбирательства. Этот вопрос находит свое практическое применение, однако, его полная реализация возможна только при создании соответствующего правового механизма, который позволит в полной мере эффективно использовать данные оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе.

Эффективность борьбы с преступностью в каждом обществе определяется в частности: уровнем и быстротой раскрываемости противоправных деяний; розыска и задержанием лиц, причастных к противоправным деяниям – как исполнителей, так и других соучастников; способностью правоохранительных органов выявлять лиц, создающих условия для совершения таких деликтов; лиц, причастных к противоправной деятельности и другими показателями.

При этом процесс доказывания в ходе расследования преступления признается основополагающим для каждого уголовного дела – чем качественнее и полнее проведено предварительное расследование, тем выше надежность, достоверность и «весомость» собранных доказательств, что, в свою очередь, увеличивает уверенность в полном, всестороннем и объективном раскрытии преступления с последующем обоснованным привлечением виновных к ответственности.

При этом в процессе формирования доказательной базы оперативно-розыскной деятельности принадлежит одна из ключевых ролей. Так, в настоящее

время, усматривается особенно актуальной проблема использования результатов ОРД в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Так, оперативно-розыскные мероприятия признаются важнейшим элементом структуры ОРД, которые проводятся в соответствии с их целями и задачами и регулируются соответствующим законодательством.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты оперативно-розыскной деятельности и порядок выполнения оперативно-розыскных мероприятий, в частности, исследовались в трудах А.В. Можарова, В.П. Легостаева, М.В. Кондратьева, Р.Г. Драпезо, К.К. Горяинова и ряда других ученых, но в условиях Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации указанный вопрос требует дополнительного изучения, что и обосновывает актуальность, важность и своевременность настоящей работы.

Цель статьи заключается в комплексном анализе теоретических и нормативных аспектов оперативно-розыскной деятельности, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий на современном этапе развития и становления ДНР как субъекта Российской Федерации.

Изложение основного материала. Перед тем как углубиться в понятие оперативно-розыскных мероприятий, усматриваем целесообразным уделить внимание понятию «оперативно-розыскная деятельность». В теоретических исследованиях авторы предлагают различные определения ОРД, которые представим в виде таблицы 1.

Ученый	Понятие
А.В. Можаров	«описывает оперативно-розыскную деятельность как вид деятельности, который осуществляется как открыто, так и скрытно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных федеральным законодательством, которая направлена на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также на охрану собственности и обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств» [1]
В.П. Легостаев	«термин «оперативно-розыскная деятельность» подразумевает быстрый, открытый или скрытый поиск информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, для решения задач ОРД, что подчеркивает ее поисковую направленность» [2, С. 68]
М.В. Кондратьев и Р.Г. Драпезо	«рассматривают оперативно-розыскную деятельность как особую правоохранительную функцию, основным содержанием которой является разведывательно-поисковая природа. Эта функция преимущественно носит скрытый характер и

	направлена на получение информации, используемой для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также для установления лиц, которые готовят, совершают или совершили преступления, и для розыска тех, кто уклоняется от правосудия или пропал без вести» [3]
К.К. Горяинов	«в узком понимании ОРД представляет собой вид социально полезной юридической деятельности, основанной на федеральном законодательстве, осуществляемой уполномоченными субъектами. Это представляет собой систему действий, как конспиративных, так и открытых, с использованием специальных средств и методов, а также посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и тактических действий, направленных на защиту человека и общества от преступных посягательств в условиях объективных затруднений или невозможности достижения этой цели другими законными средствами». «В широком смысле, в определении ОРД акцент смещается на цель, которая выходит за рамки узкой направленности (защита охраняемых законом объектов) и включает обеспечение безопасности человека и общества, включая государство» [4, С. 101]

Важно отметить, что ОРД в первую очередь занимается сбором данных о происшествиях и поступках, представляющих потенциальную опасность для безопасности государства, обороноспособности, экономики, экологии, общества и общественного порядка.

В целях предотвращения и остановки преступлений ОРД фокусируется на выявлении намерений лиц, планирующих незаконные действия, чтобы предотвратить их совершение и спрогнозировать потенциальные проявления противозаконного поведения.

Также одной из задач ОРД является розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, а также тех, кто уклоняется от уголовного наказания, и поиск без вести пропавших.

При этом важно отметить, что во многих ситуациях результаты оперативно-розыскной деятельности стают поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела и после их легализации могут быть представлены в органы дознания, следователю или суду, рассматривающему уголовное дело.

Они также могут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, регулирующими сбор, проверку и оценку доказательств. В рамках действующего

правового регулирования, только предметы и документы, полученные в результате ОРД, могут быть легализованы в уголовном процессе как доказательства через их осмотр и приобщение к делу. Результаты ОРД могут служить основой для формирования доказательств и создавать условия для их установления [5, С. 117].

Специфические задачи и цели оперативно-розыскной деятельности определяют ее осуществление. В сочетании с другими характеристиками, они позволяют отличать ее от уголовно-процессуальной, административной, контрразведывательной, частной детективной и охранной деятельности.

Стоит отметить, что эффективное разрешение задач оперативно-розыскной деятельности способствует достижению ее целей, состоящих в защите жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, а также обеспечении безопасности общества и государства от преступных посягательств.

В соответствии с ФЗ Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон), основными задачами оперативно-розыскной деятельности признаются (таблица 2):

Задачи оперативно-розыскной деятельности
1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также установление лиц, которые их готовят, совершают или уже совершили
2) розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также поиск без вести пропавших
3) сбор информации о событиях или действиях (или бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации
4) установление имущества, подлежащего конфискации [6]

Эффективное же выполнение задач оперативно-розыскной деятельности, несомненно, способствует достижению её целей – защите жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, а также безопасности общества и государства от преступных посягательств, на что указывается и в других нормативных актах законодательства, регулирующих деятельность государственных органов и учреждений, имеющих право на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Непосредственно признаки, характеризующие оперативно-розыскную деятельность, рассмотрим в таблице 3.

Признаки оперативно-розыскной деятельности	
осуществление как гласно, так и негласно	реализация посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий
выполнение оперативными подразделениями органов государственной власти	наличие определенной цели, заключающейся в обеспечении общественной и государственной безопасности и противодействии преступности

Таким образом, после выяснения сути оперативно-розыскной деятельности, считаем обоснованным перейти к рассмотрению понятия «оперативно-розыскные мероприятия» (далее – ОРМ), которое является ключевым в настоящем исследовании.

Так, стоит отметить, что нормативное определение понятия «оперативно-розыскные мероприятия» отсутствует, и было выработано в рамках оперативно-розыскной теории.

Представим определения ОРМ в таблице 4.

Ученый	**Понятие**
О.А. Вагин	«определяет понятие «оперативно-розыскное мероприятие» как действия или совокупность действий, закрепленных в Законе, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач ОРД, и подчеркивает, что ОРМ, в своей сути, направлены на сбор информации, выявление скрытых преступлений, признаков и фактов преступной деятельности, а также на розыск скрывшихся лиц» [7, С. 89]
Е.С. Лапин	«оперативно-розыскные мероприятия – это действия, закрепленные в оперативно-розыскном законе, в рамках которых применяются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на сбор и реализацию информации, необходимой для достижения целей и задач ОРД» [8, С.105]

Исходя из вышеизложенных определений, представляется возможным выделить признаки ОРМ:

1) оперативно-розыскное мероприятие непосредственно направлено на решение задач ОРД, что отличает его от иной деятельности органов, осуществляющих ОРД (к примеру, связанной с получением новой специальной техники);

2) оперативно-розыскное мероприятие проводится только при наличии специальных оснований и условий проведения, которые прямо указаны в Законе;

3) организация и тактика оперативно-розыскного мероприятия составляет государственную тайну;

4) приемы, методы, способы его проведения, составляющие тактику, а также порядок, организация такого мероприятия, не подлежат разглашению;

5) цели оперативно-розыскного мероприятия должны отвечать требованиям морали и нравственности, должны быть нацелены на обеспечение безопасности общества и государства, защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека, собственности от преступных посягательств.

Оперативно-розыскное мероприятие является неотъемлемым компонентом ОРД, информация о методах и стратегии которой охраняется государственной тайной и представляет собой комплекс мероприятий, проводимых уполномоченными государственными структурами и их сотрудниками в соответствии с установленными законом основаниями и требованиями, с учетом этических и моральных принципов, и, направленных на достижение целей и задач ОРД.

В оперативно-розыскной доктрине определение условий проведения ОРМ не имеет четкого законодательного закрепления, а существующие в юридической литературе формулировки разнообразны и часто не подкреплены аргументацией.

Однако, несмотря на отсутствие активных научных дискуссий в этой области, анализ учебных материалов по теории ОРД выявил некоторые соображения по рассматриваемому вопросу.

Так, толкование понятия условий проведения ОРМ было предложено А.Ю. Шумиловым, по мнению которого «под условиями проведения ОРМ следует понимать установленные оперативно-розыскным законодательством специальные правила, неукоснительным выполнением которых обуславливается подготовка и проведение конкретных ОРМ». При этом он акцентировал внимание на том, что нормативная регламентация условий проведения ОРМ не ограничивается содержанием ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также закреплена в других нормах названого закона и иных законодательных актах в области ОРД» [9, С. 117].

Ученые В.И. Михайлова, А.В. Федорова высказывают мнение о том, что «условия проведения ОРМ – это правила их проведения, обеспечивающие баланс, с одной стороны, интересов личности, имеющей право на тайну личной жизни, с другой стороны, общества и государства, заинтересованных в эффективной борьбе с преступностью, своевременном и эффективном выявлении, предупреждении и пресечении преступлений, угроз интересам Российской Федерации» [10, С. 108].

Таким образом, условия проведения ОРМ представляют собой установленные федеральным оперативно-розыскным законодательством, и прежде всего, Законом, специальные правила, неукоснительным выполнением которых законодатель обусловливает подготовку и (или) осуществление конкретного оперативно-розыскного мероприятия, которые призваны повысить их эффективность и гарантировать соблюдение принципов оперативно-розыскной деятельности во время их реализации.

При этом стоит указать, что на сегодняшний день уже существует немало научных работ, в которых присутствуют рассуждения об основаниях проведения

ОРМ, о понимании их сущности, что свидетельствует об интересе к этой теме со стороны научного сообщества, поскольку мнения ученых о том, что следует понимать под основаниями проведения ОРМ, зачастую различны, а термин «основания проведения ОРМ» является одним из ключевых понятий в оперативно-розыскной деятельности.

Так, А.В. Савинский считает, «что под основаниями для проведения ОРМ понимаются юридические обстоятельства, с наличием которых законодатель связывает возможность их осуществления. При этом, такие обстоятельства выступают в двух качествах:

– во-первых, как имеющиеся у оперативного органа фактические данные о противоправной деятельности или об угрозе безопасности России, обосновывающие необходимость проведения ОРМ;

– во-вторых, как документальные источники такого рода фактических данных, выполняющих, по существу, роль поводов проведения ОРМ» [11, С. 149].

Однако, «предложенное А.В. Савинским определение является несколько «размытым», поскольку юридические обстоятельства – это некоторые факты объективной реальности, имеющие юридическое значение, а также действия субъектов права. Поэтому, на наш взгляд, вряд ли возможно использовать термин «юридические обстоятельства» для определения оснований проведения ОРМ, поскольку указанный термин лишен конкретики. Автор необоснованно разделяет такие обстоятельства на имеющиеся у оперативного органа фактические данные о противоправной деятельности или об угрозе безопасности России, обосновывающие необходимость проведения ОРМ, и документальные источники такого рода фактических данных, выполняющих, по существу, роль поводов проведения ОРМ».

Такое деление не представляется возможным, и связано это с тем, что:

1) фактические данные не могут существовать без источника, поэтому они должны рассматриваться в единстве.

2) фактические данные не являются основанием, основание – это то, о чем они свидетельствуют, т.е. события прошлого и настоящего.

Основания же для проведения оперативно-розыскных мероприятий делятся на фактические и юридические.

К фактическим основаниям относятся сведения, которые стали известны органам, занимающимся оперативно-розыскной деятельностью, такие как:

– информация о признаках готовящегося, совершаемого или уже совершенного преступления, а также о лицах, его готовящих или совершающих, если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела;

– события или действия (или бездействие), создающие угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

– лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющиеся от уголовного наказания;

– лица, пропавшие без вести, и случаи обнаружения неопознанных тел.

Юридические основания (поводы) для проведения ОРМ включают:

« – возбужденное уголовное дело;

– поручения следователя или руководителя следственного органа;

– указания органа дознания или решения суда по уголовным делам;

– материалы проверки сообщений о преступлении, находящиеся в производстве;

– запросы других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на основании закона;

– постановления о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными государственными органами в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики и Российской Федерации;

– запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации» [12, С. 152].

Следует подчеркнуть, что для реализации ОРМ в рамках расследуемого уголовного дела необходимо предварительное разрешение. Это свидетельствует о том, что проведение ОРМ возможно лишь при наличии соответствующего запроса от следователя либо дознавателя, в производстве которого находится это дело.

Вместе с тем, в случае, когда уголовное дело возбуждено по факту преступления, требующего обязательного предварительного следствия, и в течение десяти дней после начала неотложных следственных действий подозреваемого не представилось возможным установить, то ОРМ могут быть проведены в уведомительном порядке. Иными словами, оперативно-розыскные действия могут быть начаты до момента установления виновного лица.

Каждое основание для проведения ОРМ должно быть задокументировано. При этом документ должен отражать реальные причины для их реализации. Сведения о признаках планируемого, совершаемого или уже совершенного преступления, которые требуют проверки и детализации, могут поступать из различных источников: как из данных, полученных от осведомителей, так и после анализа информации, обнародованной в СМИ. Следовательно, форма такого документа может быть разнообразной.

Важно подчеркнуть, что при определенных условиях ОРМ могут быть инициированы исключительно при наличии фактических оснований. К примеру, это может касаться случаев, когда проведение ОРМ является неотложным, поскольку промедление может стать причиной совершения преступления и, соответственно, наступлению общественно опасных последствий. Другим примером может служить ситуация, когда ОРМ должны быть проведены незамедлительно, если задержка может повлечь за собой уничтожение, повреждение или потерю объекта, представляющего оперативный интерес.

Выводы. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность представляет собой работу оперативных подразделений правоохранительных органов, которые имеют законные полномочия для проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью защиты общества и государства от противоправных посягательств.

Эта деятельность обычно рассматривается как совокупность мероприятий, направленных на борьбу с преступностью и предотвращение противоправной деятельности отдельных либо групп лиц, стремящихся нарушить охраняемые уголовным законом общественные отношения, ценности и блага.

Современная система оперативно-розыскной деятельности требует опытных профессионалов, обладающих знаниями о всех применяемых алгоритмах реализации оперативно-розыскных мероприятий, способах и механизмах противодействия преступности и взаимодействия с различными категориями населения. Кроме того, ему следует владеть аналитическим, критическим и прагматическим мышлением, умением быстро, рационально и логически анализировать любые ситуации с целью своевременного принятия важных, обоснованных управленческих решений в условиях сложившейся оперативной обстановки.

Список литературы

1. Можаров, А.В. К вопросу о сущности и научном определении термина «оперативно-розыскная деятельность»: Военное право в XXI веке // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных Силах − консультант». – М.: За права военнослужащих, 2007. Вып. 73. – С. 518-521.
2. Основы оперативно-розыскной деятельности: монография / В.П. Легостаев, Л.А. Прохоров – К.: КСЭИ, 2013. – 148 с.
3. Кондратьев, М.В. Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства / М.В. Кондратьев, Р.Г. Драпезо // Вестник Кемеровского Государственного Университета. – 2015. – № 2. – С.171-172.
4. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / [Вагин О.А., Водько Н.П., Горяинов К.К. и др.]; Под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – М.: Инфра-М, 2016. – 794 с.
5. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность 2-е изд., пер. и доп. Учебник для академического бакалавриата / Анатолий Григорьевич Маркушин. – М.: Юрайт, 2015. – 691 с.
6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ – (дата обращения 20.09.2024).

7. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практ. пособие / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. – М.: 2005. – 432 с.
8. Оперативно-розыскная деятельность. Правовые и теоретические основы : учебник и практикум для вузов / Е.С. Лапин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 343 с.
9. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / А.Ю. Шумилов. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008. – 391 с.
10. Таможенные преступления [Текст]: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / В.И. Михайлов, А.В. Федоров. – СпБ.: Юридический центр пресс, 1999. – 324 с.
11. Савинский, А.В. Актуальные проблемы юридической регламентации оперативно-розыскной деятельности: монография / А.В. Савинский; Поморский гос. ун-т. Архангельск : Поморский ун-т, 2010. – 461 с.
12. Бутько, О.В. Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.В. Бутько. – Краснодар, 2004. – 241 с.
13. Дубоносов, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для вузов / Е.С. Дубоносов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 420 с.

УДК 346.543.4; 340.158

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ КОНЦЕССИЙ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чамлай В.В., кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: valentinovich-v@mail.ru)

Проблемы привлечения иностранных капиталов в послевоенный период и переходе к курсу НЭПа оказали важнейшее значение на процессы развития государства. Радикальные меры по восстановлению сфер промышленности крайне важны в контексте формирования равноправных международных отношений, восстановления поставок сырья, налаживанию хозяйственных связей и промышленности в целом. Использование опыта НЭПа позволит наладить взаимодействие с иностранными компаниями и способствовать развитию рыночных отношений в свете ряда иностранных санкций, ранее применяемых в отношении Российской Федерации.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, государство,финансы, санкции, Россия.*

USING THE EXPERIENCE OF APPLYING FOREIGN CONCESSIONS DURING THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY TO ATTRACT INVESTMENTS INTO THE ECONOMY OF MODERN RUSSIA

Chamlai, V.V.

The problems of attracting foreign capital in the post-war period and the transition to the New Economic Policy had a crucial impact on the development of the state. Radical measures to restore industrial sectors are extremely important in the context of the formation of equal international relations, the restoration of supplies of raw materials, and the establishment of economic ties and industry as a whole. Using the experience of the New Economic Policy will make it possible to establish cooperation with foreign companies and promote the development of market relations in the light of a number of foreign sanctions previously applied against the Russian Federation.

Keywords: *new economic policy, government, finance, sanctions, Russia.*

Актуальность темы. Процесс развития современной России в условиях проведения Специальной Военной Операции, а также в контексте событий, связанных с присоединением Крыма в 2014 году, несомненно становится предметом обсуждения ряда аналитиков, политологов, а также объектом исследования отечественных ученых в области истории государства и права. Процессы признания субъектами Российской Федерации Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики способствовали эскалации конфликта между Россией и Украиной, вследствие чего масштабы вооруженной агрессии 2014 года не только территориально вышли за пределы республик Донбасса, но и способствовали введению ряда новых экономических санкций пособниками неонацистского режима в Украине, представленными в лице стран Европейского Союза и США.

Высокая степень актуальности исследования сопряжена с рядом проблем, возникающих не только вследствие расширения арены боевых действий, но и необратимыми процессами влияния на развитие государства, среди которых следует выделить такие проблемы как развитие рыночных отношений, соотношение доли экспорта и импорта товаров, стабильность государственной валюты, привлечение инвестиций в развитие легкой и тяжелой промышленности, создание благоприятных условий для снятия социальной напряженности в государстве, предпосылок для демографического подъема, а также создания среднего класса в обществе. Особенно важно учитывать, что современное российское государство является международным поставщиком сырья и покупателем промышленной продукции. В контексте развития равноправных партнерских экономических отношений опыт НЭПа необходим как поиск компромиссов в развитии мировых хозяйственных связей и дальнейшего внедрения отечественных технологий в поддержку развивающихся государств, так сказать, стран третьего мира.

Анализ научных исследований. Проведение комплексного исследования научных работ ряда исследователей. Анализ историографии указывает на необходимость изучение ряда вопросов, сопряженных с новой экономической политикой. На первый взгляд может сложиться мнение, что опыт и разработки партийных лидеров – В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, Л.Д. Троцкого – утратили свою актуальность, однако именно они приложили усилия для стабилизации государства не только в период политической борьбы, но и преодоления кризисных ситуаций, возникших в период становления и развития послевоенного государства, изнеможённого событиями Первой мировой войны. Кроме того, особый интерес представляет работа И. Степанова, указывающая на необходимость применения иностранных концессий в условиях развития государства в капиталистическом окружении. Полезны также в изучении проблемы статистические материалы В. Бутковского, расценивавшего привлечение концессий как первоначальный этап перехода государства к политике индустриализации, особенно в условиях подготовки государства к

классовой борьбе с капитализмом в дальнейшем. Наряду с работами современников НЭП полезны в изучении вопроса научные работы отечественных ученых времен брежневского застоя: А.И. Коссого, С.Е. Янченко, А.А. Киселева. При всем этом важно отметить, что попыток заимствования опыта развития экономики в условиях современной России ранее предпринято не было, что обуславливает научную новизну данного исследования.

Цель исследования. Определить ряд эффективных приемов и способов, которые можно было бы использовать в решении ряда актуальных вопросов современной России, учитывая исторический опыт предшественников. Таким образом возможно предпринять попытку привлечения инвестиций в развитие экономики государства, его укрепления на мировой арене, создания условий для биполярного мира, не позволяющего доминировать США среди ряда других государств.

Результаты исследования. Изучая процессы развития экономики современной России на протяжении последних десятилетий, важно отметить, что процессы защиты экономики от внешних факторов приобрели особое значение в условиях ведения Специальной Военной Операции, когда расходы на оборонительные мероприятия, связанные с защитой целостности государства, кратно возросли. Важно отметить, что приток иностранных инвестиций негативно повлиял на курс национальной валюты, способствуя процессам инфляции, когда покупательная возможность граждан значительно снизилась. Аналогичная, по сути, ситуация, связанная со значительным приростом иностранных капиталов, происходила перед началом Первой мировой войны в 1914 году, когда доля иностранных вложений в экономику приблизилась к отметке в 47% [1, С. 58].

Тенденции увеличения иностранных вложений не оправдали надежд правительства, вместо создания здоровой конкуренции произошла ситуация, когда предприятия отечественной промышленности не смогли выдержать прессинга иностранных конкурентов. Так, иностранные инвесторы сумели наладить рынки сбыта товаров народного потребления, получив сверхприбыли в различных секторах экономики. Похожая ситуация наблюдалась и в прошлом столетии, когда, по мнению В.И. Ленина, экономика страны была захвачена иностранным капиталом. Так в обиходе появился термин «полуколониальный капитализм», связанный с засильем иностранного капитала.

На современном этапе сотрудничество с зарубежными поставщиками товаров народного потребления и продукции также способствовало значительному увеличению доли импорта, когда на протяжении 2009-2011 годов в разы повысился спрос на высокотехнологичную продукцию, что, в свою очередь, повлияло на уменьшение на 15% доли экспорта отечественной продукции, а также уменьшению уровня доходов от национального производства. Изучая долю иностранных инвестиций, направленных в инновационные виды деятельности – она составляет менее 6%, что

свидетельствует прежде всего о стремлении иностранных компаний к привлечению сверхприбылей при минимальных затратах [2].

Несомненно, разрушительное влияние иностранных капиталовложений наблюдается со времен дореволюционных событий 1917 года, когда доля вложений иностранных инвестиций в сравнении с 1914 годом возросла на 57%. Важно отметить, что на протяжении длительного времени Россия выступает прежде всего в роли источника сырья для иностранных инвесторов, поэтому вопрос вовлечения частного иностранного капитала всегда остается актуальным. Так, в период перехода к НЭП перед большевиками стояла задача поиска дополнительного финансирования для восстановления экономического потенциала государства и отраслей промышленности. Оптимальное решение экономического сотрудничества для привлечения иностранных капиталов было найдено после стабилизации политической ситуации в стране и подписания В.И. Лениным «Декрета об общих экономических и юридических условиях концессиях» [3, С. 144].

Так, деятельность большевистского правительства по монополизации внешней торговли государства и национализации промышленных предприятий и банков позволила аннулировать внешние займы дореволюционной России, обострив отношения с западными партнерами. Вследствие национализации предприятий концессии стали чуть ли не единственной формой экономического взаимодействия советской России со странами Запада.

Доминирование на концессионном рынке принадлежало Германии, после подписания двустороннего германо-советского соглашения в Рапалло, заключенного в апреле 1922 года. Послевоенная Германия находилась под санкциями после подписания Версальского договора. Опыт взаимодействия с Германией позволил сформировать программу осуществления концессионной политики для налаживания экономических связей с капиталистическими государствами. Сторонники социально-экономических преобразований во Главе с председателем Финансового комитета ЦК Е.А. Преображенским провели скрупулёзную работу по выработке основных принципов сотрудничества с иностранными инвесторами. Среди сформированных принципов следует выделить такие как:

– право концессионера вывоза части произведенных товаров за границу; предоставление торговых льгот при значительном вложении инвестиций;

– создание условий, при которых концессионер может гарантированно окупить затраты и получить разумную прибыль по результатам деятельности;

– защита имущества концессионного предприятия от национализации и конфискации;

– правительство гарантирует, что в действующий концессионный договор не вносятся изменения без согласия концессионера;

– концессионер пользуется правом найма на предприятие советских рабочих, и обязуется соблюдать действующее трудовое законодательство [4].

Возможность советского правительства апробировать принципы ведения бизнеса с иностранными партнерами в рамках Генуэзской конференции 1922 года в контексте развития новой экономической политики позволила окончить период революционных потрясений и открыть период перехода советского правительства на рельсы капиталистического развития. Для представителей английского торгового капитала решение вопроса экономической изоляции и непризнания советского государства позволило заполучить расположение СССР как партнера на сырьевом рынке, готового предоставить для добычи иностранным компаниям богатейшие лесные, каменноугольные и рудные залежи, а также запасы леса в Сибири, необходимого для изготовления ряда товаров как в легкой, так и тяжелой промышленности. Важно отметить, что представителям иностранного бизнеса были предложены гарантии, так инвесторы, которые работали в России до революции и проявили себя положительно, смогли в качестве концессионеров получить режим наибольшего благоприятствования в Советской России, они могут рассчитывать на покрытие финансовых убытков, которые имели место при национализации своих активов в нашей стране после революции 1917 года.

Основная деятельность Главного концессионного комитета при Совете народных комиссаров СССР была направлена на привлечение иностранного капитала, причем, по мнению некоторых сторонников ГКК, иностранный капитал должен был поступать в виде прямых инвестиций. По мнению Л.Д. Троцкого – председателя ГКК, перед комиссией стояла задача выработать предложения по сотрудничеству с иностранными вкладчиками денежных средств. Деятельность по осуществлению мониторинга «концессионных интересов» и подготовки информации для потенциальных концессионеров о возможностях развития бизнеса в контексте развития промышленных концессий, также входила в круг интересов ГКК. Согласование рабочих программ с производственными программами и заданиями позволило увеличить численность договоров на рубку и предварительную обработку леса, экспорт кругляка и лесоматериалов с германскими, голландскими и норвежскими лесопромышленниками.

За время расцвета НЭП с 1922 по 1927 год от иностранных компаний поступило порядка 2000 заявок, среди которых около половины пришлись на обработку древесины, горнодобывающую промышленность и торговлю. Несмотря на высокую активность западных инвесторов, число удовлетворенных заявок, по которым были заключены договоры, составило менее 10%. Многие заявители не смогли добиться консенсуса, а успешно подписанные концессионные договора получили статус закона. Избирательность и скрупулёзность в подписании концессионных договоров минимизировала риски, связанные с негативным влиянием иностранного капитала на становление и развитие советской промышленности в условиях НЭП. Важно отметить, что в марте 1923 года ВЦИК принял постановление «Об учреждении Главного концессионного комитета при СНК» [5, С. 91]. Согласно вышеуказанному

постановлению, удалось добиться соблюдения установки по централизации концессионных процессов, в части, касающейся ведения предварительных переговоров в соответствии с требованиями директив Главконцесскома. Установление контроля за процессами во внутренней и внешней торговле позволило сохранить принцип монополии государства в регулировании рыночных отношений, предоставляя относительную самостоятельность участникам правоотношений. Возможность разработки проектов уставов акционерных обществ позволяла определить перечень иностранных фирм для взаимодействия в особо важных случаях Народных комиссаров иностранных дел и внешней торговли, а также председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. Таким образом, в период НЭП удалось наладить привлечение иностранного финансирования в развитие ряда отраслей народного хозяйства, особенно в части, касающейся добычи полезных ископаемых, свинца, золота, меди. Вместе с привлечением финансовых средств для стабилизации экономической ситуации в государстве увеличивалась соответственно доля произведенной продукции, при которой сырье вывозилось за рубеж, в отличие от сегмента легкой и пищевой промышленности, где концессионные предприятия в большинстве своем работали на внутренний рынок. Следует отметить, что степень привлечения иностранных инвестиций претерпела значительные изменения в период свертывания НЭП, что было обусловлено внедрением антирыночной политики в рамках государства.

В целом, иностранные предприниматели, анализируя процессы становления и развития большевистского государства осознавали недолгосрочность НЭП, используя СССР исключительно в потребительских целях. Показательной в отношении иностранных предпринимателей к перспективам развития экономики СССР является цитата из «Таймс» от 15 июня 1923 г.: «Можно получить концессии на лес и покупать кожу, потому что лес и кожу легко извлечь из страны, но никто не устраивает дорогостоящих сооружений, никто не желает открывать новых рудников или вообще заниматься делом, не дающим немедленной прибыли. Короче говоря, существует тенденция обирать Россию, но не развивать ее богатства». Несомненно, важным является тот факт, что подход за 100 лет иностранных партнеров нисколько не изменился. В стремлении поднимать одну отрасль промышленности, используя передовой опыт западных партнеров, мы наблюдаем негативные тенденции влияния на отечественного производителя в условиях жестокой рыночной конкуренции. Анализируя сотрудничество с иностранными компаниями, отметим, что концессии предоставлялись солидным фирмам, имеющим прочные связи на мировых рынках, а также не понаслышке знакомыми с ведением хозяйства и особенностями экономического развития страны. Исследуя деятельность Промбюро, важно учитывать отдельную позицию представителей советского государства относительно сдачи в концессию промышленных предприятий. Из 27 запросов по хозяйственным объектам по состоянию на 1923 год в 20 случаях был получен отказ. Промбюро при рассмотрении запросов давало согласие на

сотрудничество предприятиям, которые занимали посредственные позиции в производстве, не определяя лицо страны. Кроме того, Промбюро сдерживало концессии в текстильную промышленность, так как государственные предприятия 20-х годов XX столетия не выдерживали конкуренции с предприятиями, инвестировавшими иностранным капиталовложением. Концессии предполагали достаточно длительные сроки сотрудничества, которые составляли порядка 7 лет [6].

Вторая половина 20-х годов XX столетия отмечается стремительными изменениями развития рыночных отношений и перераспределением соотношения государственных и частных предприятий как в легкой, так и тяжелой промышленности. Процесс формирования административно-командной системы во главе с И.В. Сталиным предполагал дальнейший отказ от взаимодействия с иностранными партнерами и создание условий для досрочного свертывания иностранных концессий. Установление монополии государственных предприятий в народном хозяйстве после достижения максимальной экономической независимости должно быть заимствовано в условиях формирования экономического фундамента современной независимой и сильной России. Использование опыта НЭП является ярким примером того, как использовать иностранные капиталовложения для развития отраслей производства в условиях современности. Привлечение инвестиций в развитие социальных секторов в промышленности позволит понизить уровень безработицы, создать условия для увеличения числа конкурентоспособных предприятий, готовых оказывать влияние на формирование ценовой политики, при которой отечественные товары смогут заполнить внутренний рынок потребления и, как следствие, развитие промышленности в целом.

В данном аспекте главное выдержать соотношение, при котором государство наряду с поставками сырья увеличит производство товаров народного потребления, снизив их себестоимость при производстве. Процесс перехода в экономике к развитию доли мелкого производства, несомненно, был длительным и сложным, основной упор делался на развитие тяжелой промышленности, сосредоточенной в руках государства. Привлечение частных капиталов способствовало укреплению производственных фондов, чья доля выросла до 95%, однако перемены в развитии рыночных отношений происходили крайне нерешительно, что было обусловлено необходимостью восстановления банковской системы, а также восстановлению работы финансово-кредитной системы.

Важно отметить, что В.И. Ленин считал новую экономическую политику лучшим средством преодоления кризисов и, вместе с тем, единственным способом построения социализма. [7, С. 172], при этом темпы восстановления, по замыслу вождя мирового пролетариата, прежде всего хозяйственной сферы, пострадавшей после гражданской войны, охватывали не одно десятилетие, что в условиях общей мировой конкуренции было недопустимо. Более радикальные меры последователя ленинских идей И.В. Сталина предполагали сократить

сроки восстановления хозяйства как минимум вдвое, что невозможно было провести без применения сталинских мер воздействия, способствовавших форсирования событий. Так, по мнению Е.А. Осокина, период перехода к НЭП не стал золотым веком для развития города или деревни [8], несмотря на весь высокий потенциал, вложенный в процессы модернизации, однако, по нашему мнению, именно последовательный путь развития государственной экономики без прорывов и перегибов отличается наибольшей стабильностью и устойчивостью.

В процессе внедрения и развития НЭП нельзя не отметить тенденцию сохранения классового подхода во многих сферах жизни, что, разумеется, кроется в причинах идеолого-политического характера. Так, значительные успехи в проведении денежной реформы Г.Я. Сокольникова 1924 года способствовали к изменению подходов налогообложения в государстве.

Размер налога находился в прямой зависимости от доходов крестьян и позволил внедрить прогрессивную налоговую шкалу. Так, к середине 20-х годов XX столетия высшая и низшая ставки налогообложения отличались в десять раз. Повышенная ставка в отношении зажиточных категорий крестьян сыграла свою негативную роль для развития сельского хозяйства в целом, однако позволила вывести большую часть крестьян из кризисной ситуации, способствовала привлечению населения к работе в сфере сельского хозяйства, давала возможность крестьянину увеличивать производство продукции и обеспечить соблюдение гарантий социальной защищенности для малоимущих слоев деревни, повысила рентабельность крестьянских хозяйств. Всестороння развитость сельского хозяйства предполагала также развитие торгово-ростовщической деятельности, которая позволила отдельным зажиточным хозяйствам добиться самостоятельности и впоследствии сформировать некий класс зажиточных крестьян, известных в истории как кулаки. Вместе с развитием и обогащением в годы НЭП такого социального класса как крестьяне произошла трансформация и других слоев населения, так увеличивалась численность правящей партии и круг ее полномочий. Появился ряд новых государственных должностей, требующих привлечения ряда специалистов. Процент идейных большевиков дореволюционного формата к периоду начала свертывания НЭП составлял менее 10% от общего количества сотрудников. Вместе с процессами реорганизации НЭП и дальнейшего свертывания прогрессивного политического курса происходили процессы объединения хозяйств путем создания коопераций.

Большинство созданных кооперативов отличалось универсальностью, охватывая различные виды деятельности, налаживалось машиностроение, что позволило удовлетворить потребности в производстве топлива, сельскохозяйственной техники, создавая конкуренцию иностранным компаниям, вложившим значительное количество денежных средств на этапе становления НЭП и развития сельского хозяйства. К 1927 году отечественная продукция благодаря слаженной работе государственных кооперативов и сферы в полной мере удовлетворяла потребности сельскохозяйственной отрасли, что, в

свою очередь, способствовало успешному развитию производственной кооперации. Так ко второй половине 20-х годов XX столетия было создано 16 отраслевых союзов кооператоров, которые различались между собой как степенью обобществления имущества, так и принципом получения и распределения доходов, действуя в хозяйственных интересах государства. Ряд мер, которые принимались руководящей партией в период НЭПа обуславливались рядом кризисных явлений, среди которых особенно выделяется товарный голод 1927-1928 годов. [9. С. 59]. Отсутствие товаров народного потребления, а также снижение уровня покупательной способности граждан требовали существенного реформирования ряда государственных органов. Кроме того, стремление приспособить государственный сектор экономики к стремительно развивающимся рыночным отношениям требовал дополнительных финансовых вложений, которых было недостаточно.

Так, значение концессий и степень вложений постепенно снижалась вместе с процессами свертывания НЭП, и по состоянию на 1928 год составляла порядка 60 млн. рублей, что в общем составляло порядка 1% от общего объема финансирования экономики государства. Процесс постепенного сокращения численности концессий также был обусловлен тем фактором, что в 1927-1928 годах западные партнеры ввели ограничения и запреты на выделение иностранных капиталов, что способствовало прекращению ряда соглашений между иностранными концессиями и советским государством. Важно отметить, что деятельность иностранных концессий во второй половине 20-х годов XX столетия была направлена на установление рабочих отношений с профсоюзами рабочих, однако идеологическая составляющая дальнейшей работы концессионеров отображалась в негативном ключе, как в средствах массовой информации, так и на местах, в предприятиях и учреждениях, где ряд полномочий от концессий была возложена на профкомы, что обусловлено «классовой борьбой» и двойственностью позиций правительства по вопросам дальнейшего развития и взаимодействия с иностранными концессиями. Прежде всего оказывалось воздействие на категории работников в части ограничения гражданских прав при условиях какой-либо поддержки иностранных концессий, при этом наибольшего влияния со стороны провластных структур удавалось добиться через профсоюзы.

Кроме того, эффективным способом для расторжения договоров с иностранными концессиями на этапе сворачивания НЭП стало изменение условий кредитования иностранных концессий, согласно постановлению СНК СССР были установлены ограничения на выдачу кредитов концессионным предприятиям, отказа Госбанка и Внешторгбанка в выдаче кредитов. Таким образом, частный советский капитал мог лишь частично удовлетворить потребности концессионеров, что приводило в ряде случаев к банкротству концессий, так как наличного денежного оборота на развитие коммерческого предприятия как правило не хватало. Отсутствие возможности конкурировать в стоимости продукции с государственными учреждениями способствовало

повышению цен, что негативно сказывалось и на, и без того низкой покупательной способности граждан, делая работу иностранных концессий по сути бессмысленной. В результате дальнейшего изменения политического курса на рубеже 20-х – 30-х годов снизится приток капитала в торговлю, финансовый сектор, добывающую промышленность, произошел отток профессиональных кадров, что в свою очередь не имело ничего общего со стабильностью и успешностью работы концессий на заре их появления. В итоге к началу 1930-х гг. большая часть концессий в СССР была аннулирована, а в январе 1930 года был упразднен и Главный концессионный комитет [10].

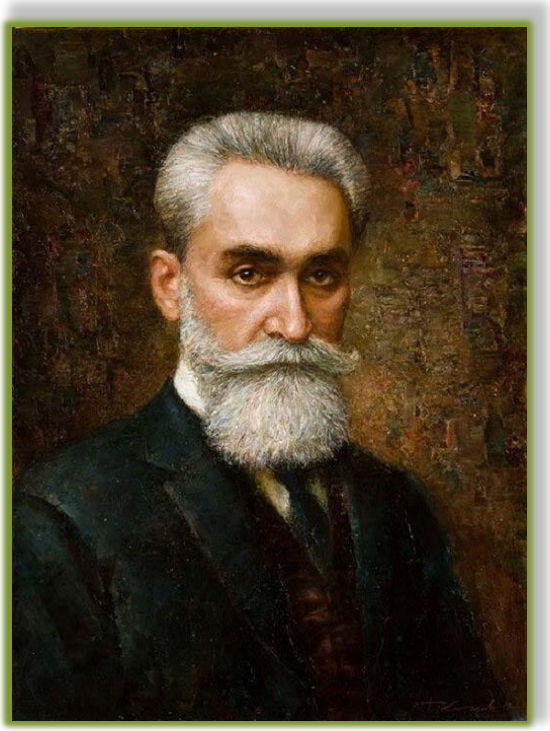
Выводы. Подытожив, можно с уверенностью констатировать факт, что грамотная государственная политика позволила изначально ослабить налоговую нагрузку, создать подходящие условия для притока иностранных капиталов как в сектор легкой, так и тяжелой промышленности. Дополнительное финансирование и привлечение новых передовых технологий стратегически важно для дальнейшего становления и развития современного государства. Именно опыт периода НЭП в вопросах привлечения новых потоков финансирования позволил бы повысить уровень здоровой конкуренции, необходимой отечественным производителям во всех сферах, в том числе в части, касающейся товаров народного потребления. Дальнейшее создание условий для долгосрочных вложений иностранных инвестиций способствовало бы отмене части санкций и налаживанию условий для заключения взаимовыгодных международных договоров, развитию экономики, повышению уровня производства, а также, в перспективе, выхода отечественной продукции на новые рынки сбыта. Именно опыт дозированного и грамотного использования иностранных инвестиций является полезным и необходимым в современных условиях развития государства, готового успешно противостоять вызовам неприятеля в различных сферах деятельности, включая дальнейшее экономическое развитие государства.

Список литературы

1. Обухов, Н.П. Финансирование индустриального развития России в 1900-1914 годах / Н. Обухов // Финансы: теоретический и научно-практический журнал. – 2012. – № 1 – С. 58-61.
2. Микаелян, К.С. Анализ мирового рынка высоких технологий / К.С. Микаелян // Молодой ученый. – 2018. – № 47 (233). – С. 248-253. – URL:https://moluch.ru/archive/233/54061/ – (дата обращения: 22.01.2025).
3. Левин, М.И. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? / М. Левин, И. Шевелева // Вопросы экономики : Ордена Трудового Красного Знамени ежемесячный журнал. – 2016. – №1. – С. 139-158.
4. Кузьминых, Я.С. Участие Е.А. Преображенского в экономических дискуссиях 1920-х годов / Я. Кузьминых // Государственное управление. Электронный вестник, 2012. – №35. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-e-a-preobrazhenskogo-v-ekonomicheskih-diskussiyah-1920-h-godov – (дата обращения: 22.01.2025).
5. Декрет СНК СССР об учреждении Главного концессионного комитета при СНК СССР – 21 августа 1923 г. // Россия и США: экономические отношения 1917-1933. Сборник документов. – М.: Наука, 1997. – С. 89-92.
6. Митрофанова, И.В. Концессия как форма частно-государственного партнерства по привлечению инвестиций в производственную инфраструктуру макрорегиона / И. Митрофанов // Инновации. – 2007. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsessiya-kak-forma-chastno-gosudarstvennogo-partnerstva-po-privlecheniyu-investitsiy-v-proizvodstvennuyu-infrastrukturu – (дата обращения: 22.01.2025).
7. Струмилин, С.Г. Очерки социалистической экономики СССР 1929-1959 гг. / С.Г. Струмилин // Государственное издательство политической литературы. – М., 1959. – С. 172.
8. Соколов, А.С. Сворачивание нэпа: экономические факторы / А. Соколов // ВТЭ, 2020. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svorachivanie-nepa-ekonomicheskie-faktory – (дата обращения: 22.01.2025).
9. Орлов, И.Б. Государственная промышленная политика в 1920-е гг.: антикризисная или кризисная модель? / И. Орлова // Российские регионы: взгляд в будущее, 2015. – Т. 2. – №1. – С. 57-84.
10. Поляков, И.И. Концессионные соглашения в СССР в 1920-1937 годах / И. Поляков // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – №30. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsessionnye-soglasheniya-v-sssr-v-1920-1937-godah – (дата обращения: 22.01.2025).

История правовой науки



Павел Иванович Новгородцев – российский учёный, философ, историк, общественный и политический деятель. Один из видных представителей либерализма в России.

Родился 16 (28) февраля 1866 года в г. Бахмут Екатеринославской губернии (ныне Донецкая Народная Республика), сын харьковского купца 2-й гильдии. В 1884 году окончил Екатеринославскую гимназию с золотой медалью, после чего поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, но уже через месяц перевёлся на юридический факультет. В 1888 году, после получения диплома 1-й степени, он был оставлен на два года в университете для подготовки к профессорскому званию. Был направлен изучать право в Берлине. С августа 1896 года – приват-доцент Московского университета по кафедре истории философии права.

В конце марта 1897 года защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, её происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии», а в 1902 году защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права».

В 1901-1902 гг. вместе с представителями «критического направления» в русском марксизме (П. Струве, С. Булгаковым, С. Франком и др.) стал одним из составителей и редактором сборника «Проблемы идеализма» (1902), положившего начало синтетическому либерально-социалистическому «идеалистическому направлению» в русском освободительном движении.

С февраля 1903 года – экстраординарный, с ноября 1904 года – ординарный профессор юридического факультета Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Одновременно с 1900 года преподавал на Высших женских курсах (с марта 1915 года – профессор), сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии». С 1904 года Новгородцев был членом совета Союза Освобождения. Сторонник либерально-правового государства, Новгородцев участвовал в создании Конституционно-демократической партии, член её ЦК (1906). Как член партии, стал депутатом от родной Екатеринославской губернии. После отошёл от активной политической деятельности, сосредоточившись на научно-преподавательской работе. С 1906 г. – профессор Московских высших коммерческих курсов, преобразованных в 1907 г. в Московский коммерческий институт (ныне – Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова), ректором которого Новгородцев был до 1918 г.

Труды и лекции Новгородцева сделали его признанным главой идеалистической школы в русской философии права. Критикуя историзм и релятивизм в философии права, он обосновывал идеи естественного права, опирающегося на этику «абсолютных ценностей». Соединяя идеи этической автономии личности и правового государства, Новгородцев стремился согласовать личное и общественное начала права, политическую свободу и социальную справедливость.